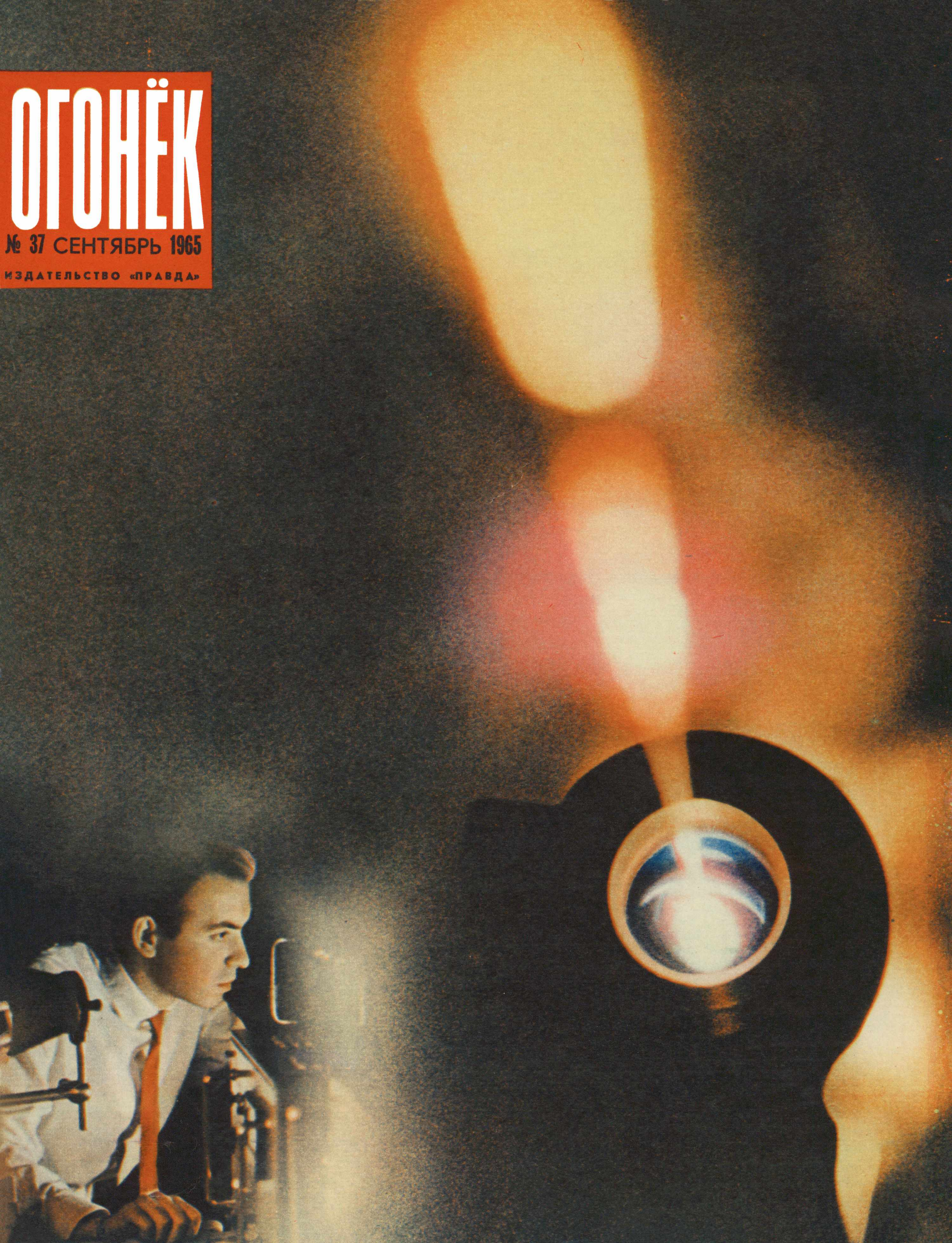
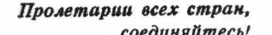

ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 37 (1994)

12 СЕНТЯБРЯ 1965

СТАЛЬНОЙ ТАРАН

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

Десант выходит на берег.

Плавающие танки преодолевают водную преграду.

На марше.

...Тихо ранним утром на море. Плеснула рыба, низко, едва не задев крылом легкую рябь, пролетела чайка.

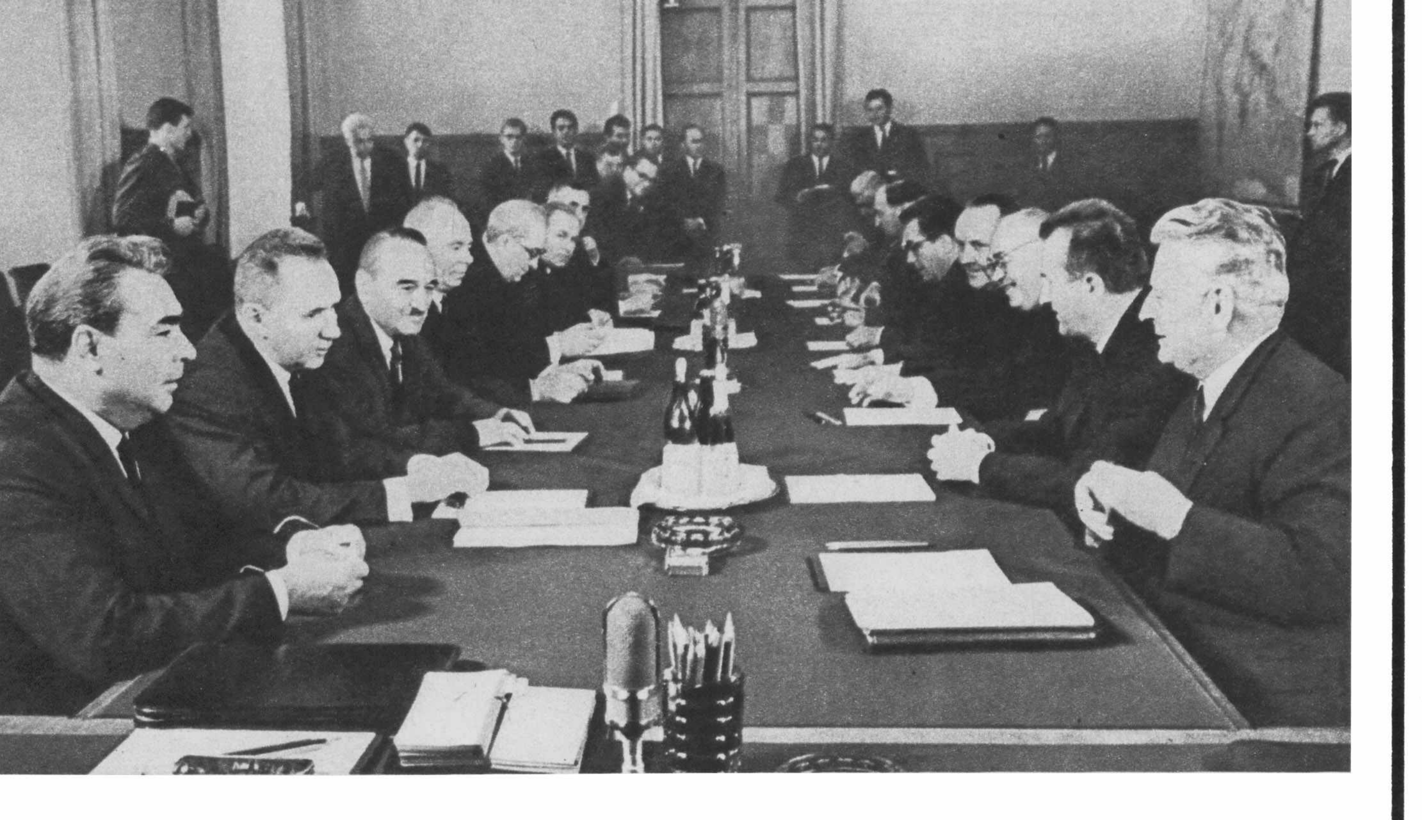
Близко к берегу подходит большое судно. Его нос, словно гигантские ворота, раскрывается, и, урча мотором, в воду опускается танк. Могучая боевая машина, раздвигая волны, выползает на берег.

Танки! Подминая все на пути, они неудержимой лавиной огня и металла обрушиваются на оборону условного противника.

Идет учение... Закаляется воинское мастерство. Мастерство, достойное великих воинских традиций нашей броневой силы, проложившей стальной грудью исторический путь победы от декабрьских снегов Подмосковья до пылающего рейхстага.

Выросла неизмеримо боевая мощь наших танков за минувшие годы. Новейшим оружием оснащены грозные машины — ударная сила Советской Армии, защитницы мира.

Фото Г. Омельчука, А. Сергеева, Г. Шутова.

В атмосфере дружбы и братства прошли состоявшиеся в Кремле встречи и беседы советских руководителей с членами партийно-государственной делегации Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президентом ЧССР товарищем Антонином Новотным. Делегация совершает поездку по Советскому Союзу, знакомится с жизнью и трудовыми успехами советских людей.

На снимке: беседа в Кремле.

Фото А. Устинова.

С большой сердечностью и теплотой принимают советские люди гостей из братской Социалистической Республики Румынии —партийно-правительственную делегацию во главе с Генеральным секретарем ЦК Румынской коммунистической партии товарищем Николае Чаушеску.

На снимке: румынские друзья осматривают в Волгограде монумент, посвященный героической странице Великой Отечественной войны — битве на Волге.

Телефото А. Стужина и Н. Суровцева (ТАСС).

В американских газетах и журналах из номера в номер появляются фотографии на одну и ту же тему: американец с ружьем во Вьетнаме.

Их бесчисленное множество, этих фотографий, свидетельствующих, что Соединенные Штаты сделали своим героем человека, стреляющего в другого человека. Вот один из таких снимков, взятый из журнала «Лайф». На нем изображено американское посольство в Сайгоне. Оно стоит крепостью во враждебной стране, и день и ночь вокруг него дежурят американцы с винтовками, готовыми выстрелить. Колонизаторы боятся, что в любой момент на штаб американской агрессивной политики во Вьетнаме будет совершено нападение партизан. Вот другая фотография, которую напечатал журнал «Ньюсуик». В очередном бою с патриотами получил ранение американский солдат. Что его ждет теперь? Вернут ли его в строй американские врачи, чтобы он смог продолжать свою грязную работу агрессора, или навсегда он потеряет зрение и будет в темных очках где-нибудь в Техасе выстукивать себе палочкой дорогу?

Во имя чего дрожат вокруг посольства США часовые, пугаясь каждой тени в ночи, зачем идут в атаки против патриотов парни из Техаса и Оклахомы? Ответ один — американский империализм хочет силой утвердить свое господство в этом районе земного шара. Но в рамках этой общей цели, которую ставят себе американские агрессоры, есть еще и другие задачи. Американскому империализму **нужна** война во Вьетнаме. Повторяется старая, как сам капитализм, история. Война позволяет удерживать капиталистическую экономику от кризиса.

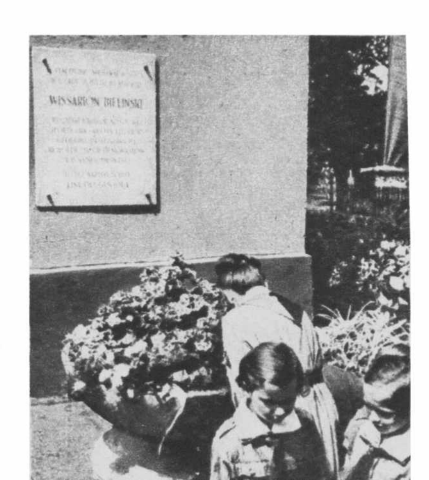
Американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» недавно опубликовал результаты опроса 11 видных экономистов, которые

В ЭТОМ ДОМЕ

В № 24 «Огонька» была помещена фотография дома, в котором Белинский, лечась в Щавно-Здруе (бывший Зальцбрунн), написал свое знаменитое письмо к Гоголю. Недавно в торжественной обстановке на доме № 27 по улице Генриха Сенкевича, украшенном польским и советским флагами, была открыта мемориальная доска. По этому случаю состоялся митинг. От Общества польско-советской дружбы с речью выступил профессор Вроцлавского университета Мариан Якубец. От Союза советских писателей и Института мировой литературы имени Горького АН СССР к польской общественности со словами благодарности обратилась доктор филологических наук В. С. Нечаева.

На серой мраморной доске на польском языке высечена надпись:

«В этом доме жил в 1847 году, в связи с лечением,
ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ,
русский философ, мыслитель, общественный деятель и литературный критик, ведущий представитель революционных демократов первой половины XIX века. Здесь он написал известное «Письмо к Гоголю».

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЛОДЕЖЬ СОБРАЛАСЬ В ЧИТЕ

Такого многолюдного праздника литературы еще не знал большой сибирский город Чита: сюда собралось более 230 литераторов на семинар молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока. Обширна программа работы семинара. Прежде всего обсуждение произведений участников семинара, привезших стихи, прозу и пьесы с Сахалина и Камчатки, из Якутска и Магадана, из Улан-Удэ и Владивостока. А еще встречи с читателями, горячие споры, поездки по районам области.

Сказано вступительное слово председателем Правления Союза писателей РСФСР Л. Соболевым, критик В. Панков выступил с докладом «Положительный герой нашей литературы», отзвучали приветствия, и началось самое главное, самое интересное — занятия творческих секций. Здесь наверняка свершатся открытия: заявят о себе яркой стихотворной строкой, свежей прозой молодые, новые для читателя авторы. Имена, вчера еще незнакомые, станут именами хороших, добрых друзей.

Накануне открытия литературного форума в Чите Л. Соболев сказал, что в таких масштабах подобное совещание проводится впервые.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

высказали прогнозы относительно экономического положения США в 1966 году. Экономисты настроены оптимистично. И вот одна из причин их оптимизма: «Военные усилия во Вьетнаме исключают экономический спад». Эту истину журнал гордо поставил под заголовком статьи.

В самой статье говорится: «...Неожиданно быстрое прекращение войны во Вьетнаме, по мнению некоторых экономистов, заставило бы ждать в будущем году прекращения экономического бума и начала спада».

Пусть горят вьетнамские деревни, пусть льется во Вьетнаме американская кровь — так нужно для бизнеса. Такова мораль американского империализма!

U. S. News & World Report

A NEW LOOK AT THE BUSINESS FUTURE

How the Forecasters See It

Talk to leading economists across the country, and you find this consensus:

• Business, good now, will continue good, with the biggest year ... for 1966.

• Build-up in Vietnam rules out a recession.

Business problems, however, have not evaporated. The economists point to heavy inventories of steel that must be worked off. Some think sales of new cars may decline in 1966.

This article spells out the experts' views.

The coming year, 1966, is going to be ...

ЖЕНИХИ ДЕЛАЮТ ВЫБОР

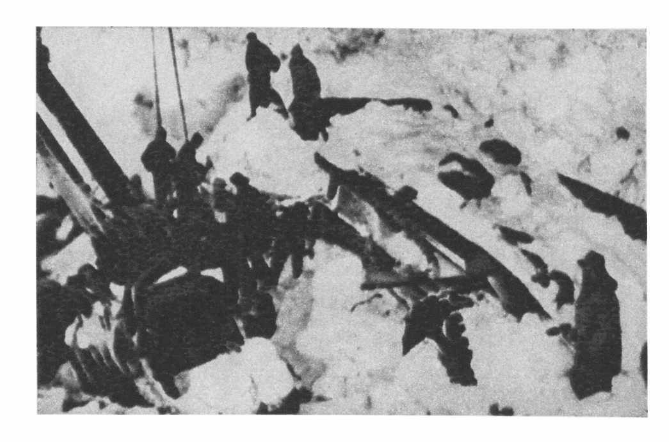
Без полиции в Соединенных Штатах ничего не обходится. Полицейские охраняют банки, расправляются с демонстрациями негров, ловят гангстеров или вступают с ними в деловые контакты, следят за нравственностью и за прогрессивными элементами.

Но недавно на долю полицейских в Лас-Вегасе выпала совершенно необычная задача: им пришлось устанавливать порядок в очередях женихов и невест, которым срочно понадобилось связать себя узами Гименея. Причина этой брачной лихорадки объяснялась весьма просто. Стало известно, что американские власти решили призывать в армию для войны во Вьетнаме и женатых. Тогда молодежь решила, что закон не будет иметь обратной силы и коснется лишь тех, кто вступит в брак после вступления этого правила в действие. И молодые парни Америки решили обмануть власти.

Однако для того, чтобы обзавестись женой, американскому жениху нужно сделать анализ крови и ждать некоторое время после подачи заявления о намерении вступить в брак. Но в некоторых штатах Америки эти правила необязательны. И вот в Неваду, в Лас-Вегас, хлынули толпы женихов и невест — они приезжали на автомобилях и летели самолетами. Переминаясь с ноги на ногу, они стояли в очередях к брачным бюро и волновались: успеют или не успеют. А чиновники брачных бюро устанавливали тем временем новые национальные рекорды. В одном из учреждений по регистрации браков в Лас-Вегасе за два часа стали супругами сто двенадцать пар американцев. На фотографии, которая печатается здесь, изображена толпа женихов, стремившихся поскорее проститься с холостой жизнью.

Правда, после этого безумного дня, или женитьбы рекрутов, стало известно, что американские власти не намерены проводить какое-либо различие между женатыми в зависимости от времени бракосочетаний. Но американские женихи все равно уже сделали выбор: им больше нравится жить в Соединенных Штатах, пусть даже не с очень любимой женой, чем воевать во Вьетнаме.

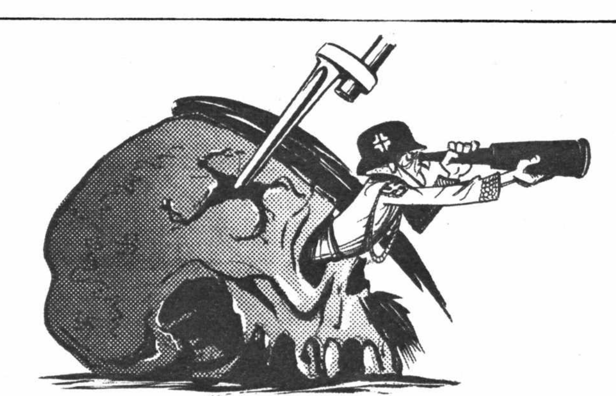

ТРАГЕДИЯ НА ПЛОТИНЕ «МАТТМАРК»

...День начался обычно. Строители плотины «Маттмарк» в Южной Швейцарии, возле итальянской границы, заняли свои места и приступили к работе. Светило солнце, и Альпы были, как всегда, великолепны. Вершины упирались в небо белоснежными глыбами ледников. Один такой ледник нависал над стройкой, но он казался таким же вечным, спокойным и незыблемым, как эти горы. Казался...

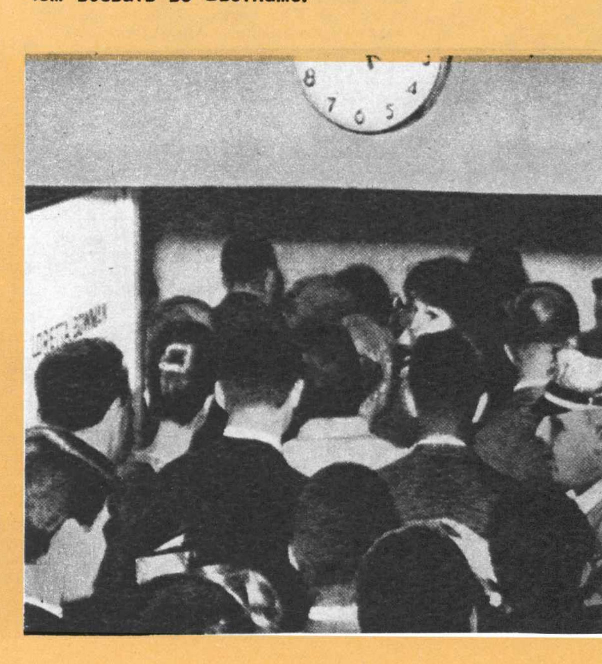
Вечером телеграфные агентства мира передали сообщение о трагедии на плотине «Маттмарк». Взгляните на фотографии, полученные нами из Швейцарии. На первом снимке — район катастрофы. Верхняя стрелка показывает ледник, который обрушился на строительную площадку плотины — она помечена нижней стрелкой. На втором снимке — операции спасательных команд.

Девяносто семь погибших, почти все они — рабочие. Таков жуткий итог трагедии, разыгравшейся в горах Швейцарии.

Реваншистская точка зрения на границы по Одеру — Нейсе.

Рисунок В. Черникова.

СОБКОРЫ СООБЩАЮТ

Е. Л. Немировский и Б. С. Горбачевский.
Фото автора.

КНИГОЛЮБЫ О КНИГАХ

Каждый год в нашей стране издаются сотни научно-популярных книг, посвященных вопросам науки и техники. Принадлежат они перу ученых и профессиональных литераторов. Интерес к этим книгам огромный. Но вот беда: нередко ученые излагают свои мысли трудным для массового читателя языком. В то же время в книгах, написанных профессиональными писателями, иногда бывает другая погрешность — недостаточное знание предмета. Нужна, как говорится, золотая середина. Научно-популярные произведения должны создавать люди, отлично знающие суть дела, но писать такие книги необходимо легко, доходчиво, хорошим литературным языком.

На днях Всесоюзное общество «Знание» подвело итоги конкурса на лучшую научно-популярную книгу, брошюру и статью.

Один из дипломов первой степени был вручен академиком Д. И. Щербаковым бывшим питомцам Московского полиграфического института — ныне кандидатам наук Борису Семеновичу Горбачевскому и Евгению Львовичу Немировскому — за их совместное произведение «С книгой через века и страны». Это книга о книге. Авторы популярно рассказывают историю развития письменности и книгопечатания в разных странах мира, начиная с наскальных изображений первобытного общества и кончая взглядом в будущее — полиграфией XXI века. Хорошо иллюстрированное, произведение читается с большим интересом. Кто-то из присутствующих на вручении почетных дипломов сказал:

— Прочитав эту книгу, невольно станешь книголюбом.

Это уже вторая совместная работа Горбачевского и Немировского. Первая, небольшая по объему, называлась «Рождение книги». Помимо этого, у каждого из авторов есть свои труды по истории книгопечатания и полиграфии. У Горбачевского ныне в издательстве «Советская Россия» вышла книга о победе прогрессивной мысли над мракобесием — «Кресты, костры и книги», а у Немировского — «Возникновение книгопечатания в Москве» — рассказ о русском первопечатнике Иване Федорове. И Горбачевский и Немировский не профессиональные писатели. Борис Семенович заведует кафедрой в Московском полиграфическом институте, а Евгений Львович — сектором в Научно-исследовательском институте полиграфического машиностроения.

Литература — это, так сказать, их «хобби».

О. КНОРРИНГ

...И ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ...

Лет пятнадцать назад о Кяярику почти никто не знал и не слышал. Только продекан физкультурного факультета Тартуского университета, мастер спорта и завзятый лыжник Фред Куду по воскресеньям отправлялся на кяярикуские холмы — в пятидесяти километрах от Тарту. Взлетал с вершины на вершину, расчерчивал голубые снега геометрическими орнаментами. Потом всю неделю его снова и снова манила снежная тишина, холмистый простор с синеющими на горизонте лесами.

Однажды Фред Куду поехал туда летом. Распадки между холмами были затоплены бело-желтым паводком ромашек, на опушках леса ветер раскачивал гроздья колокольчиков, а в озере гуляли целые стада непуганой рыбы. Солнце смеялось и искрилось в озере, блестело на листьях берез, и так было хорошо вокруг...

Словом, клич был кинут: «Строим базу спорта и отдыха!» Энтузиастом Кяярику стал и ректор университета Федор Клемент. Сразу же откликнулись, конечно, студенты-физкультурники, а потом и другие факультеты сочли делом чести вложить свой труд в Кяярику. Студенты приезжали сюда на автобусах, вооружались лопатами, мастерками, малярными кистями и строили, строили, строили. Так появился на озере открытый бассейн с вышкой для прыжков, и финская баня, лыжная база, несколько жилых домов, стадион, спортивные площадки и, наконец, большое здание, в котором есть и маленькие, чрезвычайно рационально устроенные спальни, и душ, и весьма вместительная столовая — она же может быть зрительным и танцевальным залом, кинотеатром и просто помещением для отдыха и игр. Есть и небольшая комната с камином — в ней тепло и уютно в дождливые и холодные вечера.

Ко всему, что построено в Кяярику, приложило свою руку и искусство: студентов консультировали архитекторы и инженеры, художники и мастера интерьера. Поэтому здесь все очень просто и очень современно.

Сейчас официальное название Кяярику — спортивная база Тартуского университета. Здесь отличную подготовку получают студенты физкультурного факультета. Здесь проводятся общеуниверситетские спортивные соревнования и праздники. Сюда приезжают отдыхать студенты всех факультетов поодиночке и группами, до сессий и после сессий. А бывает, здесь принимаются и зачеты. Но в Кяярику гостят не только студенты и не только спортсмены. Здесь бывал президент Финляндии Урхо Калева Кекконен. Приезжали финские студенты и другие туристы из-за рубежа. Здесь готовятся к соревнованиям сборные спортивные команды страны, сюда приезжают порыбачить и поохотиться ученые из разных городов. Побывать в Эстонии и не увидеть Кяярику — значит не до конца использовать туристские возможности — так считают путешественники. И двери Кяярику всегда гостеприимно открыты для тех, кто любит спорт и туризм.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

ЗАОБЛАЧНОЕ МЕТРО

Дорога Фрунзе — Сусамыр — Ош соединит север и юг республики. Трудно переоценить значение этой транспортной артерии в экономике Киргизии: она понесет тысячи тонн груза, громадные отары овец пройдут по ней к тучным пастбищам.

Широкой асфальтовой рекой течет дорога на запад от Фрунзе до села Калининского, затем резко поворачивает на юг и взмывает в горы, поднимается над облаками. Впереди высится перевал Тюя-Ашу. Сквозь гигантский кряж на высоте 3 200 метров строители пробили тоннель длиною свыше двух с половиной километров. Это самое высокое, «заоблачное» метро в нашей стране.

Ни на час не смолкает гул моторов в холодных недрах Тюя-Ашу. Сотни машин везут грузы к летним пастбищам. Одежда, продукты, кинокартины, книги за короткий срок доставляются к высокогорным стоянкам чабанов.

Этой осенью животноводам не придется с тревогой поглядывать на перевалы, опасаясь, что снегопады отрежут выход отар к зимним пастбищам. «Заоблачное» метро позволит продлить летний выпас скота в горах.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»
Киргизия. Строительство дороги Фрунзе — Сусамыр — Ош.

В. ЕРМАКОВ

ГОВОРЯТ СИБИРСКИЕ РЕКИ

Фото Дм. Ухтомского.

— Я «УРС-2», я «УРС-2»... Даю настройку... Раз, два, три...

Человек выключил микрофон и точно так же, как все присутствующие в комнате, выжидательно уставился в стоящий на столе ящик, в темно-коричневый квадрат радиодинамика. Внутри ящика творилось что-то невообразимое. Слышались приглушенные голоса неизвестных абонентов, что-то взволнованно сообщала морзянка, то и дело раздавался треск радиопомех. А в комнате царило спокойствие. Мне-то хотелось, чтобы люди сидели с наушниками и, стараясь перекричать друг друга, надрывались до хрипоты, в сотый раз повторяли позывные своих корреспондентов. Как-никак, а за предстоящие три часа в эфире должны прозвучать голоса величайших рек Сибири, отделенные от этой комнаты на тысячи километров. Но люди сидели за столом, словно на совещании.

Наконец из хаоса звуков выделился человеческий голос, обращавшийся к «УРС-2». В эфире — начальник службы движения Обского пароходства тов. Дуденец: Новосибирск готов говорить с Москвой, с «УРС-2» — с Министерством речного флота РСФСР. Владислав Павлович Приклонский, сотрудник управления службы движения министерства, подходит к микрофону. Разговор идет о выполнении сибиряками плана за месяц.

Новосибирск докладывает:

— Лес грузим по двадцати одной тысяче кубометров в сутки. Пятнадцать лесовозов.

— А как дела с нефтяниками?

— За месяц завезли в Сургут, Нефтеюганск оборудование для нефтяников...

Дальше идут сплошные цифры. За цифрами я вижу лихтеры и танкеры, лесовозы и самоходные баржи, месячный труд нескольких тысяч человек. Не знаю, могут ли цифры рассказать, как сложно было гнать лес в Салехард, когда на реке бушевал шторм? Или — о бессонных ночах портовиков, когда к богатейшим нефтяным кладовым Тюменской области нужно было срочно отправить десятки тонн оборудования и продовольствия? Ведь иной дороги туда нет, только Обь. Глухие пока еще места.

— Основным грузом на Оби, Иртыше, Енисее и Лене издавна являлся лес,— рассказывает Приклонский после разговора с Новосибирском.— На одних только баржах перевозят до пяти миллионов кубометров за навигацию! Но лес — это, так сказать, груз традиционный. Новое на сибирских реках — нефть. Сургут, Мегион, Нефтеюганск своим рожденнем обязаны сибирской нефти. И сибирским речникам.

Рассказ Владислава Павловича прерывает чей-то голос «УРС-2». На связь выходит Енисейское пароходство. Красноярск запрашивает, как идут суда, отправленные из Архангельска к Енисею и Колыме по Северному морскому пути.

— Все в порядке,— отвечает Приклонский.— Караван подошел к Белому острову. Штиль... А все дни семибалльный шторм болтал,— говорит он уже мне.— Вы представляете, что такое для речного судна океанский шторм! Но молодцы, выдержали... Скоро на Енисее появятся новые корабли.

Потом в эфире была Тюмень, потом Печора... Преодолевая сильные радиопомехи, в комнату прорвался голос начальника Якутского пароходства. И снова споры, цифры. Цифры плановые и фактические. А я слышал, как пульсируют гигантские водные артерии России, видел «дурман тайги и белый смех берез», что несут на себе неутомимые лесовозы...

Когда «УРС-2» вызвал Омск, я уже мог представить себе содержание разговора. Но не угадал. Владислав Павлович, едва поздоровавшись с представителем Омска, принялся журить его за то, что «недотягивают омичи нужной цифры». И невидимый собеседник его с грустью в голосе согласился: так, мол, оно и есть...

— Что, отстающий порт? — спросил я.

— Нет, передовой,— ответил Приклонский.

— За что же вы их журите?

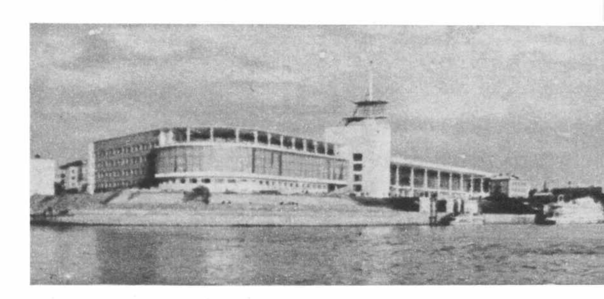
— Так ведь хочется, чтобы еще лучше. Омский порт — сооружение молодое. Ему от роду всего четыре года. Порту предстоит еще расти и расти. Правда, по показателям он уже в прошлом году выполнил свою семилетку. Там почти полная механизация.

...Пока в этой комнате нет видеотелефона. Но я знаю, что сейчас фотокорреспондент «Огонька» находится там, в Омске, и ведет из порта фоторепортаж.

Несколько дней назад он вернулся оттуда, и вот его дополнение к тому, что мне уже рассказали в министерстве.

Михаил Федоров — один из лучших механиков-мотористов Омского порта.

Утро следующего дня выдалось ясное, солнечное. И в лучах его особенно нарядным выглядел новый речной вокзал. В этом году он примет свыше полумиллиона пассажиров.

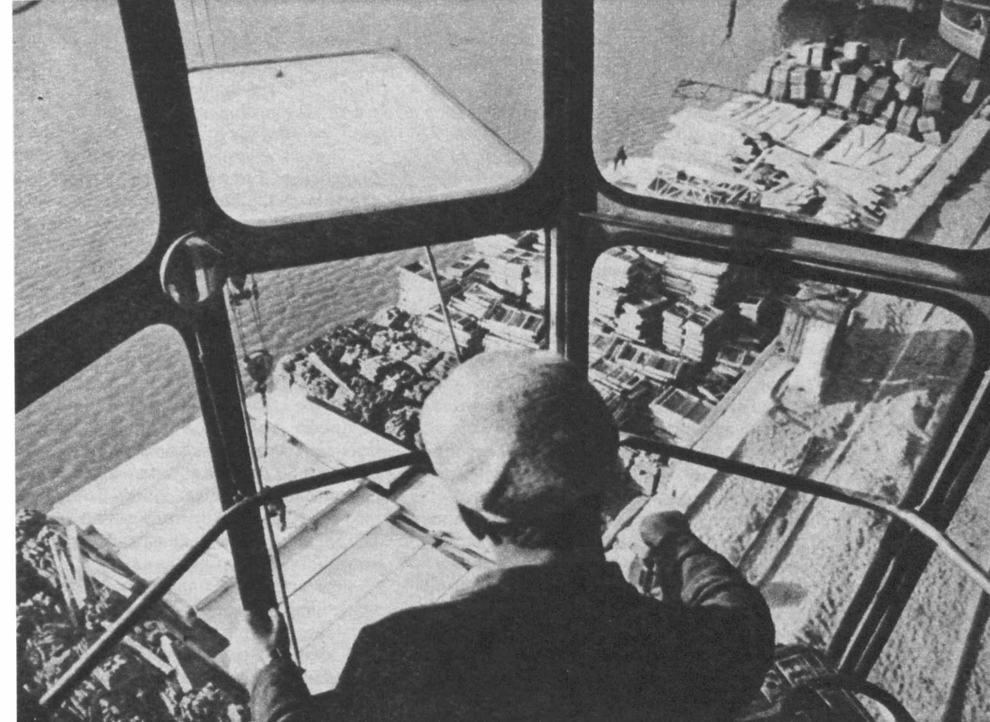

Этот груз не числится в накладных. Медведица Машка — любимица команды рефрижератора.

...В Омске была ночь. Но порт не спал. «Руки» неутомимых кранов встречали и провожали суда. И, усиленный во сто крат, звучал здесь голос могучей реки, тот голос, что отвечал на позывные «УРС-2».

От причала речного вокзала — к грузовым причалам порта. Сегодня сюда подойдет 300 вагонов — очередная «порция» всевозможных грузов, начиная от леса и кончая кондитерскими изделиями для жителей отдаленных северных новостроек. Трудный денек выдался крановщикам, заступившим в утреннюю смену.

ГОД РОЖДЕНИЯ 1946-й

— До свидания, служите хорошо!

Цветы будущим воинам.

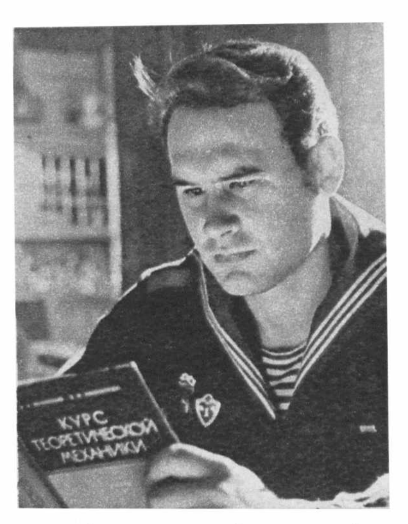
Перед зданием Первомайского райвоенкомата столицы множество народу. Сегодня отсюда отправляют пополнение в Советские Вооруженные Силы — год рождения 1946-й. Посреди улицы призывники танцуют с девушками, некоторые стоят в сторонке, притихшие, погрустневшие.

— Не забудешь? Пиши чаще!

— А ты-то не забудешь?..

На тротуаре — родители. У некоторых матерей глаза заплаканы, а отцы — сами бывшие солдаты — горделиво спрашивают друг друга: «Вашего куда? Во флот? Это тоже хорошо, а вот моего, представьте, в саперы. Специальность боевая, сам всю войну сапером служил».

— Хорошее нынче даем пополнение в наши Вооруженные Силы,— рассказывает заместитель военкома подполковник Афанасий Евлампиевич Прокопенков.— Большинство призывников имеет среднее образование: окончили либо одиннадцать классов, либо техникум. Ребята здоровые, спортсмены. Многие разрядники, а нормы ГТО сдали все!

Бывший подводник Владимир Фокин, теперь студент МВТУ.

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ САДА

РАЗГОВОР НА СЕЗОННУЮ ТЕМУ

В. ШАЙКИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

Этой весной в Приазовье сады цвели особенно буйно и долго. Гигантскими сугробами казались они издалека, и ветер носил по степи их нежный, чуть сладковатый, опьяняющий настой. Совершеннолетие сада! Большинство деревьев посажено в трудные послевоенные годы. Люди уже вышли из землянок, но не у каждой семьи еще был новый дом. Уже каждый имел кусок хлеба, но еще не каждый в деревне подумал о новом саде. И все-таки год от года труднее было достать саженцы. Теперь они вступают в пору плодоношения. Густо унизанные завязями плодов, ветки склоняются все ниже и ниже. Мы идем под зелеными шатрами сада. Алексей Степанович Мамченко, бригадир из Самбека, рассказывает:

— Когда война прошла, тут все было повыбито. Помню, хотел я в старом саду засохший сучок отпилить, а пила не берет: все дерево нашпиговано железом. Так и погиб сад. А этот у нас молодой!

Медленно умирали старые деревья, медленно приживались на пепелищах новые.

С высоты, от правления колхоза, где мы стояли, виднелись разноцветные домики, окунувшиеся в пышную зелень, а дальше по пологим склонам холмов ровными рядами уходили за горизонт стройные деревца. Иван Владимирович Юрьев, председатель колхоза, задумчиво глядя на разлинованные склоны, сказал:

— Хороши! Только их у нас почти семьсот сорок гектаров — не шутка...

В областном управлении я познакомился с отчетами многих хозяйств за последние годы. Садоводческое направление четко определилось в большей части Ростовской области. Некоторые хозяйства имеют прямо-таки громадные площади под плодовыми и ягодными насаждениями, виноградниками, а всего в области их 77 тысяч гектаров! И по замыслу и по размерам сделанного это крупные товарные сады, которые могут снабжать своей продукцией население не одной области. Почему же Иван Владимирович вздохнул: «Не шутка»?

Юрьев продолжал:

— Любая отрасль должна давать прибыль. Иначе зачем ею заниматься!.. И сад должен рублем радовать, а не только цветением. Наши убыток дают. А вообще-то садоводство по здешним условиям—очень доходная отрасль. Верно! Думаете, противоречие? И да и нет. Есть на то причины. Сады сажали всерьез, с размахом. А дальше что получилось? Урожай надо уметь принять, уметь реализовать...

В самом деле, так уж повелось: сначала корову человек покупает, а потом подойник. Сначала плантации промышленные закладываем, а потом... Посадок-то молодых все больше и больше. Хорошо! А вот что плохо: идет ли речь о садоводстве, виноградарстве, о снабжении их техникой, хозяйства вынуждены кустарничать, днем с огнем искать тару и рынки сбыта.

Народная мудрость не зря гласит: не тот урожай, который выращен, а тот, который убран. И который сохранен! И который на столе...

Сады, сады — цветущие, плодоносящие. Так почему же во многих городах нет еще в изобилии свежих фруктов? На рынке можно достать даже зимой, даже весной, а в магазинах нет. Разве у частников садов больше, чем в колхозах и в совхозах? Или урожай у них выше? Ничего подобного. Просто они стараются лучше сохранить яблоко и грушу, видят в этом смысл и свой интерес. А большинство колхозов и совхозов не имеет даже примитивных плодохранилищ. Оттого-то они и стремятся поскорее отделаться от урожая — сбывают его сразу же, из-под дерева, и подчас по ценам более низким, чем себестоимость. Но «дураков нэма», все хозяйства добиваются того же, и поэтому не всем и не всегда это удается. Фрукты, даже собранные, пропадают.

...Помню, приехал я в колхоз имени Калинина, Зерноградского района. Пошел в сад. Осень в саду — что может быть радостнее! Под деревьями лежали груды яблок, высились штабеля ящиков со сливами.

Вот это богатство!

— Никому не нужное. Не берут,— коротко сказал мне председатель колхоза М. И. Гордиенко.— Свиней кормим яблоками. Вот запустили — пусть жрут...

В отделе садоводства областного управления мне сообщили: по предварительным подсчетам, в тот год в хозяйствах Зерноградского производственного управления скотине скормили около тысячи центнеров яблок, слив, алычи... Да, случается, что в сады запускают и свиней. Якобы падалицы много. Да много ли? Сходите посмотрите! Там плодожорка повредила, там бочок помятый, там от ветра упало — совсем хорошее яблоко, да никто не берет, и в вагоны такие не грузят, и в магазины не принимают. Почему? Нестандарт!

— Какому же роду войск отдают предпочтение?
— Да послушайте сами, о чем они говорят.
Ребята толкуют о своей будущей службе. Один хвалит авиацию, другой — ракетные войска, третий считает, что лучше всего на границе.
Тесня танцующих, широко шагнул к ним крепкий парень в черном свитере.
— А ну посторонись! Царица полей идет, матушка-пехота,— пошутил он.— Мой дед в первую мировую войну в пехоте служил, отец от Москвы до Берлина пешком прошел, и я в пехоте буду!
— Ну и чудак,— возражали ему.— В атомный-то век в пехоте...
Возле спорящих остановился рослый матрос Владимир Фокин. Он пришел в военкомат стать на учет после увольнения в запас. Отслужил свое.
— На чем плавал? — спрашивают его призывники.
— На атомной подводной.
И его засыпают вопросами: тяжело ли было, какая у него военная специальность, где довелось плавать?
Владимир рассказал, как принимал военную присягу, как учился, как стал гидроакустиком. Поплавать пришлось много.
— А теперь гражданским стал,— говорит Владимир.— Поступил я в Бауманское училище, все хорошо, только о товарищах с подлодки скучаю. Уж очень у нас хороший, дружный экипаж был, и командир такой, что с ним в любой поход можно смело идти. Служба на флоте многому человека учит. Ну да вы это сами узнаете.

А. ГОЛИКОВ

Фото А. Гостева.

КАДРЫ — СВИДЕТЕЛИ

Дальний Восток, последние дни второй мировой войны... Тогда были сняты эти кадры: советские танкисты вышли к кромке прибоя Желтого моря; японские солдаты сдались в плен вместе со своим знаменем.

Двадцать лет миновало. Но ничего не забыто, и не померкла во времени слава ратного подвига советского воина.

В столице, Москве, в столицах союзных республик, в городах-героях, а также в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске отзвучали залпы артиллерийского салюта в ознаменование двадцатилетия разгрома японского милитаризма и окончания второй мировой войны.

Мне и до этого не раз приходилось слышать летом и осенью в садах и на огородах это слово: «нестандарт». Оно падает, как шлагбаум перед носом тяжко груженных фруктами автомашин. А «нестандарта» этого самого у нас ежегодно—бо́льшая половина урожая.

— Почему бы, слушайте, не брать его хоть за самую низкую цену?— возмущались товарищи из Зерноградского района.— Ну, хорошо, долго лежать яблоко не может, а на переработку-то оно годится, так или нет?..

О том же говорил мне и секретарь парторганизации колхоза имени XX партийного съезда И. К. Корсунь:

— Разве не преступление скармливать черешню или огурцы скоту? Мы больше ста десяти тонн скормили. Возьмем зерно, молоко, мясо—всякую продукцию принимают нормально. Но при сдаче фруктов колхоз имеет дело с заготовителями, вовсе в заготовках не заинтересованными. Сегодня им давай центнер вишни, и не больше, завтра тонну яблок, а послезавтра — наоборот. А у нас, поймите, крупное производство, у нас громадные сады. Мы по одной тонне уже давно не можем!

Зерно сдать просто: отвез на элеватор, и порядок. Элеваторы есть всюду. И хлеб одна организация заготовляет — «Заготзерно». А как быть с яблоками и грушами, если их много? Если их тысячи тонн? Можно предложить горплодоовощеторгу, тресту столовых и ресторанов, можно — районным торгам, коопторгам, урсам и так далее. Все они могут брать садовую продукцию, но могут и не брать. Все зависит от их хранилищ. а хранилища, к сожалению, невелики, они не соответствуют и малой доле производительности наших садов. Консервные заводы в донских степях пока чересчур редки и очень далеки от производителя. Главное же, большая часть продукции садов вовсе и не требует переработки, ее просто надо хранить круглый год: фрукты и овощи нам больше нравятся в свежем виде! Масса сортов прекрасно сохраняется.

Конечно, есть и другой выход: подвезти урожай к железной дороге и отправить его на хранение куда-нибудь подальше. Этот путь многих соблазняет, но машины чаще всего возвращаются обратно неразгруженными. Железная дорога предоставляет вагоны только для «стандартной продукции в стандартной упаковке», что подтверждается специальным актом. Но вообще-то вагонов и под «стандарт» не предоставляет: в эту пору идет хлеб! «Стандарт» на глазах превращается в «нестандарт», а что же делать с ним? Его отправляют на свинарник. А еще проще свиней запустить в сад. Не зря говорят, что самые простые решения гениальны.

Сад... Не радостно его совершеннолетие!..

— А вы пробовали в своем хозяйстве хранить и перерабатывать фрукты? — спросил я у Ивана Карповича Корсуня.

Он в ответ только улыбнулся:

— Знаете, что мы сделали? Взяли девятьсот парниковых рам и рассыпали на них черешню. Много насушили!

А ведь колхоз имени XX партийного съезда — мощное и передовое хозяйство, оно давно бы могло иметь все, что необходимо и для хранения и для переработки урожая фруктов. Но хранилищ нет, их не проектируют, не планируют. А ведь каждому, казалось бы, ясно, что если имеется сад хотя бы в двести гектаров да в нем не менее половины площади обычно занимают зимние сорта яблок, то нельзя обойтись без хранилища, без цеха переработки. Иначе с таким садом вылетишь в трубу, он будет убыточен. Нет хранилищ, не строят... Специализированные совхозы, обслуживающие консервный комбинат «Смычка», имеют плодохранилища, оборудованные по последнему слову техники. Но в большинстве колхозов и совхозов до сих пор надеются фрукты сбыть из-под дерева! Некоторые работники сельского хозяйства, по должности призванные анализировать сложившееся положение, всерьез считают, что незачем строить хранилища в отдельных хозяйствах, достаточно создать несколько комбинатов по переработке фруктов и овощей и расширить городские склады. Да, такие базы нужны, но они будут сразу же переполнены!

И на Дону и в других районах страны сады только-только достигли своего совершеннолетия. Зацвела и плодоносит пока лишь одна пятая часть, а четыре пятых заплодоносят завтра! Однако мы уже сейчас не знаем, куда деваться с яблоками, вишнями, виноградом. Например, зимние сорта яблок — «ренет Симиренко», «кальвиль снежный» — продавались осенью на всех углах. Яблоки были крупные, а цена — всего 20 копеек за килограмм. Брали очень многие. И тут же сетовали: не укусишь, кислы, терпки. Откуда было людям знать, что это первоклассные яблоки, но им нужно еще месяца два зреть в хранилище. Отчего же их так широко пустили в продажу? Да потому, что яблочный поток перехлестнул края всех наличных городских хранилищ и выплеснулся на улицу.

Прошлогодний урожай был невелик, нынче куда больше фруктов. В отделе садоводства областного управления прямо говорят: ожидается урожай не менее пятнадцати тысяч тонн. Опять придется немедленно сбывать. Куда? Правда, плодохранилища все же строить начали — и в Азове, и в Аксае, и в Егорлыкской. На будущий год они примут часть урожая — конец мучениям. Колхозы тоже кое-где стараются построить плодохранилища своими силами. В Федоровке недавно мне показали холодные подвалы, выложенные из камня, здесь могут лежать триста тонн фруктов. Наверху — цех переработки, заготовка тары. Комбинат расположен прямо в саду, машины заезжают внутрь, разгружаются. Яблоки и сливы без лишних перевалок, можно сказать, прямо с дерева, аккуратно укладываются на хранение. Потом их столь же тщательно переберут: зимой всегда есть свободные руки. Так появляется новая отрасль колхозного производства — индустрия сада!

Конечно, споры о том, какие, где и как должны строиться плодохранилища, продолжаются. Ставка сейчас на межколхозные и межсовхозные плодо- и овощеперерабатывающие предприятия. Но мне кажется, каждому хозяйству надо иметь современное хранилище с холодильными установками и активной вентиляцией. И хотя бы небольшой цех первичной переработки продукции. Ждать тут нечего, сады наши стали взрослыми.

Ростовская область.

РУБИН В КОРОНЕ НАУКИ

Н. КОЧЕРГИН

Наука развенчивает драгоценные камни.

Происходит перестройка понятий. В нашем сознании алмаз — все меньше украшение, все больше — труженик: алмазный резец, алмазный бур, алмазные надфили, порошки, эмульсии.

Теперь пришла очередь рубинов. Их выращивают на заводах, как растения в теплицах. Про них говорят не «столько-то каратов», а «столько-то сантиметров».

История крупных рубинов не менее ярка и кровава, чем бриллиантов. Им также сопутствовали грабежи, убийства и даже войны.

Во времена Марко Поло купцы из Индии, Бирмы вместе с перцем и пряностями везли на родину драгоценные рубины. Теперь рубины вырабатывают прямо на заводе. Ими снабжают лаборатории и научно-исследовательские институты.

Спрос велик. Ведь родились и работают оптические лазеры — приборы с рубиновым сердцем. Луч света, рожденный в оптическом квантовом генераторе, трудится в самых разных и порой далеких друг от друга областях.

С помощью лазера в Одесском институте глазных болезней сделаны первые операции глаза.

Оптический квантовый генератор, установленный в фокусе телескопа Крымской астрофизической обсерватории, произвел световую локацию кратера Альбатегния на Луне. Диаметр светового пятна составил несколько километров.

Луч лазера в квантово-механических станках, созданных в экспериментальном НИИ металлорежущих станков, обрабатывает сверхтвердые сплавы — те, что раньше поддавались только алмазу. Да и сам алмаз — абсолютный чемпион твердости на земле — поддался световому лучу, казалось бы, такому легкому, невесомому. Лазеры сверлят и режут алмазы. Так два драгоценных камня неожиданно встретились. Не в украшениях, а в институтской лаборатории и в цехе завода.

Воистину рубин становится рабочим камнем!

* * *

После пионерских работ советских ученых Н. Г. Басова, А. М. Прохорова и американца Таунса возникла новая область исследований — квантовая электроника. Мы находимся в одной из многих лабораторий, занимающихся квантовыми генераторами. Она расположена в Армении. Вместе с учеными здесь трудятся и студенты. Они приходят сюда не только на практику — они работают в лаборатории. Они являются сюда еще на втором-третьем курсе, готовые делать что угодно, лишь бы участвовать в экспериментах.

Такой путь проделал Феликс Бадалян. Молодой ученый показывает квантовый генератор, на котором работает.

Вот знакомый нам рубиновый стержень. У него строго параллельно отполированные и посеребренные торцы: задний непрозрачный, передний полупрозрачный. Рубин спеленут вместе с мощной газосветной лампой. Когда ее включат на какую-нибудь тысячную долю секунды, она приведет атомы хрома в возбужденное состояние. Атомы начнут испускать световые кванты — фотоны. Они волной понесутся вдоль рубинового стержня, многократно отразившись от посеребренных торцов, выбивая все новые и новые фотоны. Наконец эта лавина в виде сверхмощной вспышки света вырвется наружу.

Когда горит обыкновенная лампочка, атомы ее раскаленного волоска испускают свет независимо друг от друга. Это напоминает беспорядочный шум на стадионе: каждый говорит, когда хочет. Голоса атомов лазера звучат согласованно и мощно, как гигантский хор. Вот почему рубиновый стержень дает поток лучей такой огромной интенсивности.

На пути этого потока можно поместить линзу, и тогда в ее фокусе мгновенно сконцентрируется вся мощь светового потока. И тогда...

Феликс устанавливает линзу приблизительно в полуметре от рубинового стержня и дает команду лаборанту. Все происходит мгновенно, не успеваешь ничего разглядеть: вспышка лампы, луч, как молния, взрыв! Это взорвался воздух там, где лучи сошлись в фокусе.

На линзе видна точка. След луча? Не может быть! Бадалян подтверждает: да, это след луча. Какова же была его мощь, если он, пройдя через прозрачное стекло, прожег его! Только теперь начинаешь понимать: вот тут, рядом было облако плазмы такой огромной температуры, что металлы в ней мгновенно плавятся, испаряются.

А что произойдет, если на пути лазерного луча поставить не металл, а сосуд с прозрачной жидкостью? Как взаимодействует поток света с веществом? Этим занимается Мелист Мовсесян.

Оказывается, что под влиянием луча лазера некоторые вещества как бы сами становятся лазерами. Они излучают в том же направлении или под углом пучки света. Самое интересное, что свет в этих пучках разных частот; таким образом, возникает как бы несколько лазеров, работающих на нескольких режимах одновременно. Что происходит при этом, как ведут себя атомы и молекулы? Все ли прозрачные вещества обладают такими свойствами и почему? Как влияет окраска, температура веществ на наблюдаемый эффект? Это лишь часть из лавины вопросов, которые обрушились на ученых лаборатории.

Но чтобы сделать вывод, найти теоретическое объяснение хотя бы одному из новых явлений, нужно проделать кучу однообразных опытов, измерений. Установить аппаратуру. Направить лазер на щель спектрографа. Пустить лазер. Проявить, закрепить, высушить фотопленку. Сравнить результат каждого опыта с компаратом, со стандартом частот.

Иногда экспонируют пленку полдня. Полдня проявляют, сравнивают, записывают результаты каждого опыта в тетрадь. Иногда накапливают данные за несколько дней (это хуже!), и тогда несколько дней однообразной работы. При этом может выясниться, что что-нибудь не так. Что опыты надо повторить. И все начинается сначала. Это будни науки.

* * *

А как же праздники? Они редки, но все же бывают. Когда удался опыт, собрана и хорошо работает установка, открываются новые перспективы исследования.

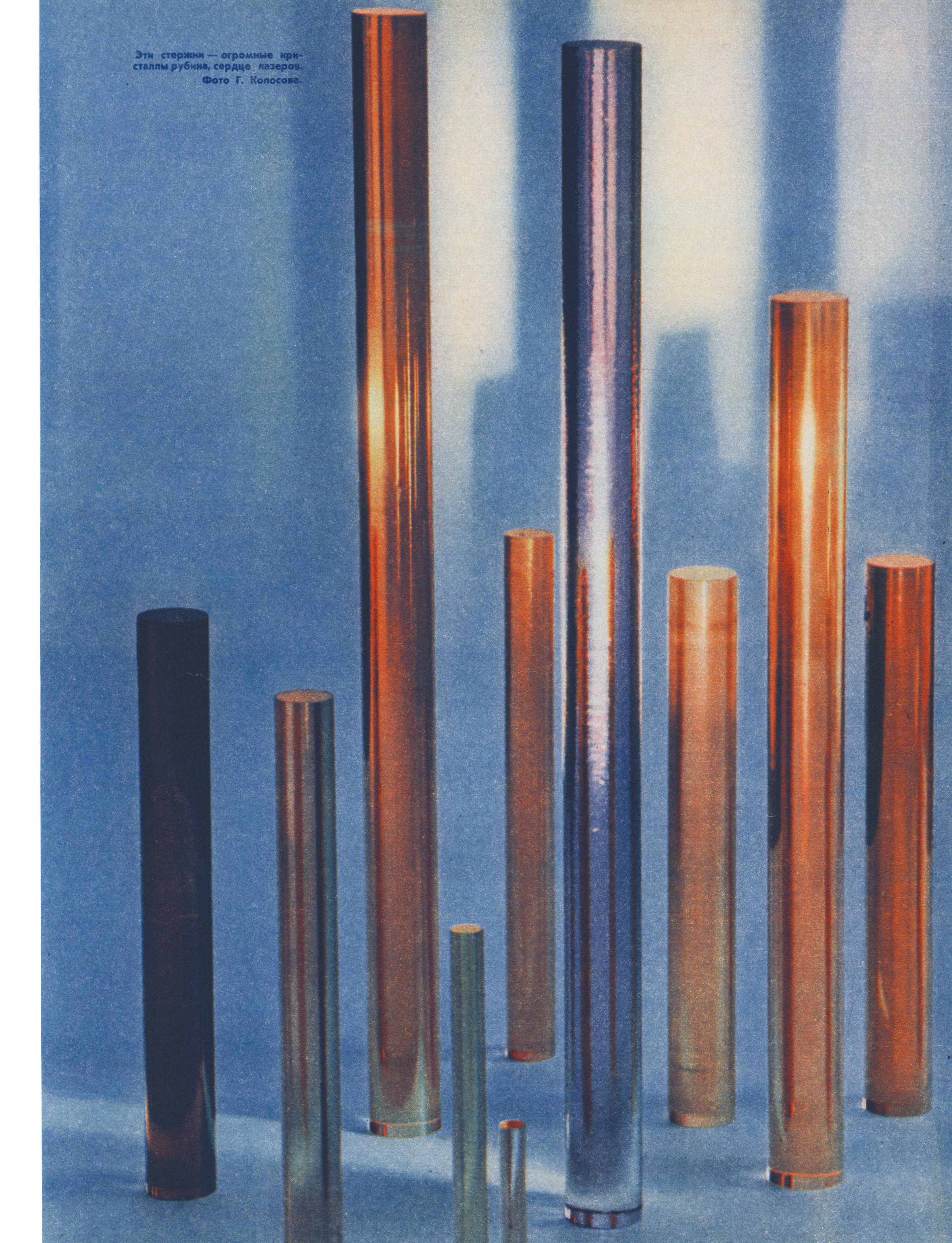
Ученые предсказывают, что квантовые генераторы знаменуют переворот в радиовещании и телевидении. Что по одному-единственному лучу можно передавать тысячи телефонных переговоров и телевизионных программ. Все это звучит как фантастика, хотя математический расчет точен.

И сверхмощный луч, посланный на далекую планету землянам-колонистам, а в нем мощный сгусток сведений: целые библиотеки научных трактатов, газеты, кинофильмы, музыка — целые оперы, голоса родных и друзей.

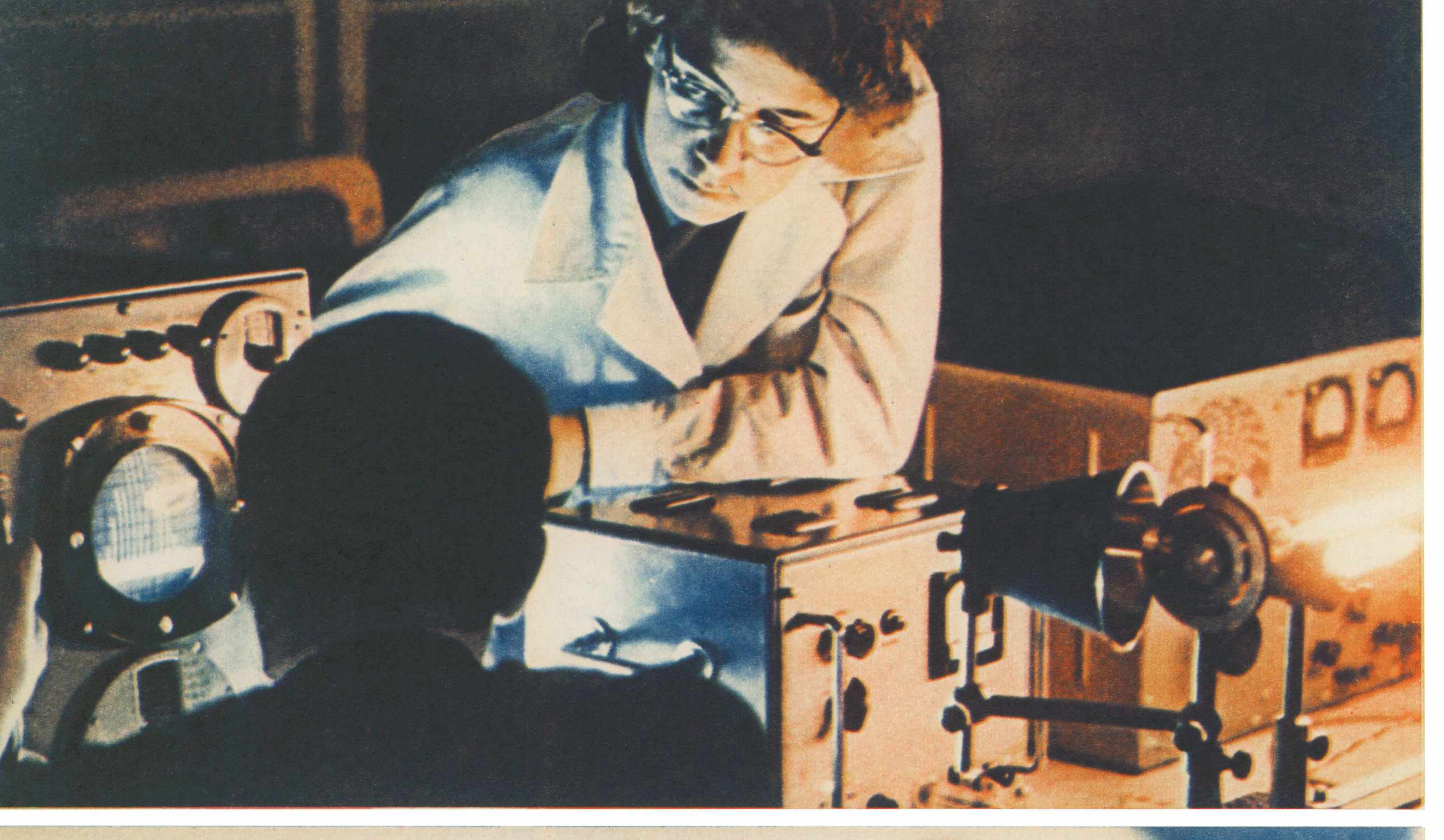
В последнее время все чаще можно услышать: мы разучились удивляться, слишком быстро привыкаем к самому невероятному. Хорошо ли это? По-моему, хорошо. По крайней мере естественно. Так было с паровозом и самолетом. Если нас еще удивляет какое-нибудь новое явление или машина,— это верный признак того, что они еще не полностью «переработаны» человеком. И если сегодня мы стремительно привыкаем к новому,— это значит, что наука стремительно развивается, а человечество быстро осваивает это новое. Чудеса превращает в быт. «Машина, становясь совершеннее, делает свое дело все скромней и незаметней... Пользуясь ею, постепенно о ней забываешь». Это Сент-Экзюпери сказал о самолете, который тысячелетия был сюжетом волшебных сказок.

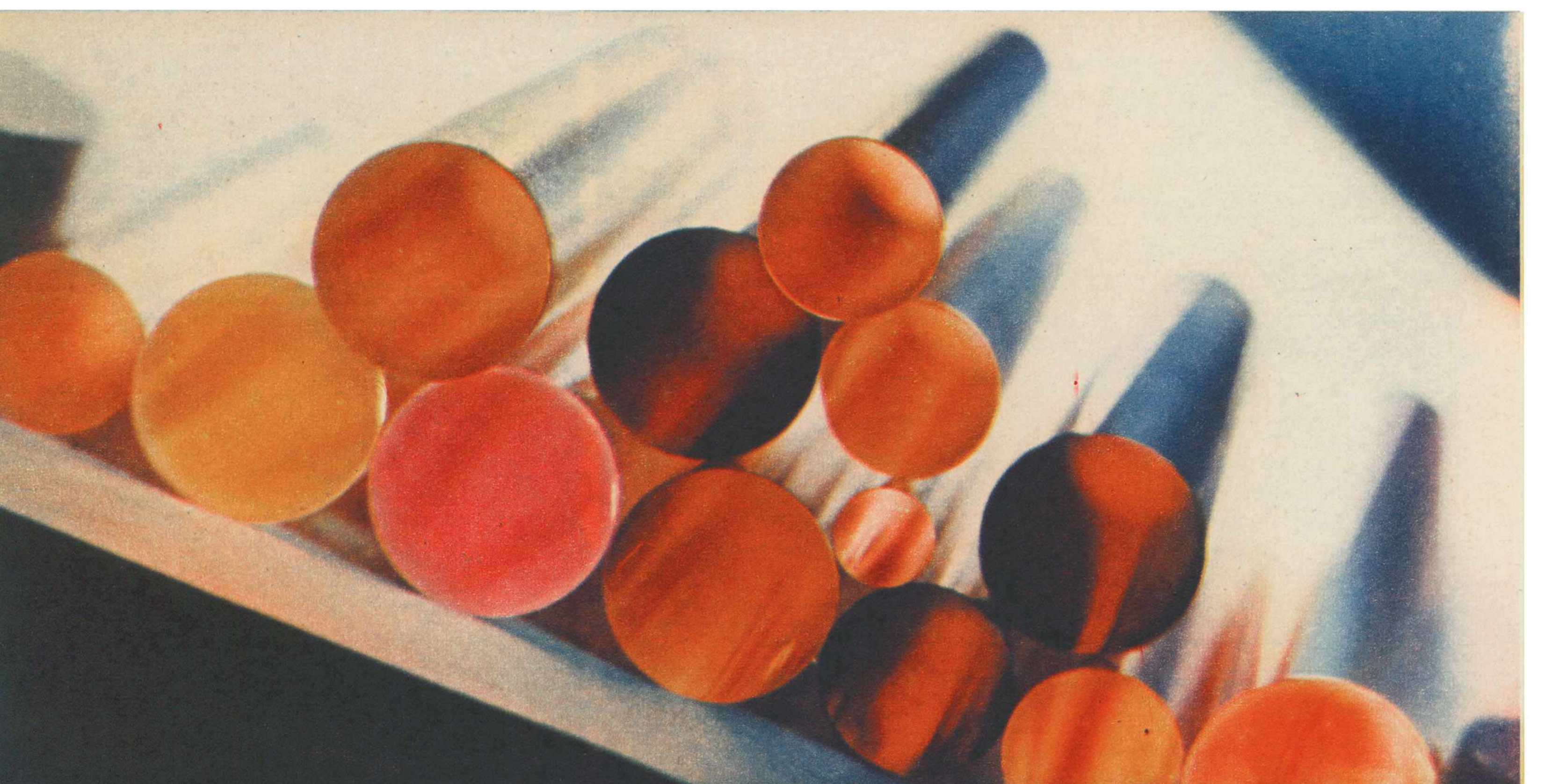
А завтра? Не привыкнем ли мы и к лазеру, который сегодня так удивляет нас?

На обороте вкладки: Так исследуют лазеры.

Эти стержни — огромные кристаллы рубина, сердце лазеров.
Фото Г. Копосова.

Эвальд СОКОЛ

ПОЭТ «ОСНОВНОГО КЛАССА»

Класс основной, тебе
служить бойцом,— где честь
найдется выше?

Я. Райнис

Это было 20 января 1911 года. В петербургской судебной палате шло бурное заседание. Судили... книгу стихов.

— Нет, вы только послушайте, что здесь написано,— твердил прокурор, тыча пальцем в исчерченные страницы:— «Народ не убоится казней, нет, не убить народа цвет...» Что это? Угроза? Намек?

Приговор судебной палаты был единодушен: «Тихую книгу» — так назывался крамольный сборник — арестовать и уничтожить «посредством разрывания на части».

Самого автора инквизиторы казнить не смогли: он находился в далеком швейцарском городке Кастаньоле, куда вынужден был эмигрировать после поражения первой русской революции.

Народный поэт Латвии Райнис — Ян Плиекшан — родился 11 сентября 1865 года на хуторе Варславаны, Рубенской волости. Детство и юность его проходили в различных фольварках и имениях Курземе и Латгалии, которые арендовал его отец, выбившийся из крестьянской бедноты «в люди».

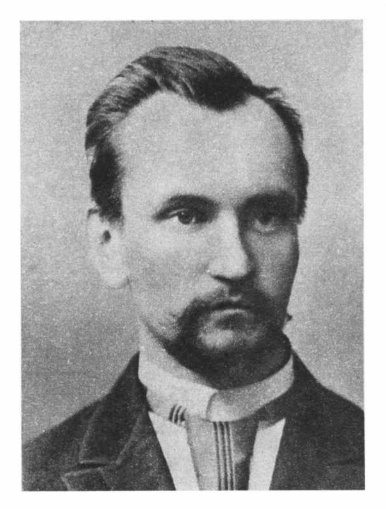
В гимназии юный Райнис познакомился с историей русского и латышского освободительного движения и установил свои первые революционные связи. А из стен Петербургского университета он вышел уже вполне сформировавшимся революционером.

Вернувшись в Латвию, Райнис начал редактировать газету «Диенас лапа» («Ежедневный листок»), орган так называемых «новотеченцев». Когда царское правительство разгромило «Новое течение» — общественное движение прогрессивной интеллигенции,— одним из первых был арестован редактор «дерзкой» газеты.

Труден путь революционера: тюрьмы, этапы, ссылки... Через все это прошел и Ян Райнис. Царские жандармы сначала переводили его из тюрьмы в тюрьму, потом выслали в Псков, а оттуда в городок Слободской, бывшей Вятской губернии. Здесь, на берегу Вятки, он встретился с ссыльными русскими большевиками, которые стали его учителями. Здесь впервые прочел ленинскую «Искру», присланную из-за границы. Она была аккуратно вклеена в толстый шекспировский том...

Годы, проведенные в ссылке, были годами идейного роста, возмужания Райниса-революционера и Райниса-поэта. Тут при дрожащем свете коптилки родилось его первое бессмертное поэтическое произведение — сборник стихов «Далекие отзвуки в синем вечере».

Это необычная книга. В ней как будто нет ни одного политического слова, только образы и символы, но трудно найти в латышской литературе другое поэтическое произведение, которое имело бы столь большой революционный вес и в то же время такое общечеловеческое значение.

«До сих пор,— писал народный писатель Латвии Андрей Упит,— ручеек латышской литературы тихонько журчал мимо церковных берез, мимо кладбища, струился по узенькой бороздке мимо огородов с капустой, через пастбища и лужок по направлению к прудам для мочки льна и лужам с утятами. В поэзии Райниса впервые открывается морской простор, где волны бушуют, где корабли с гордо поднятыми парусами мчатся вдаль, к восходу солнца».

Особую революционную силу творчество Райниса обрело в бурные дни 1905 года. Тогда поэт создал свое лучшее драматическое произведение — пьесу «Огонь и ночь», в которой по-новому, философски осмыслил вековую борьбу народа против своих поработителей. И тогда же написал полную ликования книгу стихов «Посевы бури», в которой горячо приветствовал революцию.

Как с боевым знаменем, шли с мужественной поэзией Райниса на штурм самодержавия латышские пролетарии. Народ и поэт были тогда едины. Но еще теснее стало их единение в тяжелые годы реакции, отпугнувшие от борьбы трусов и маловеров. В это страшное время Райнис, находившийся в эмиграции, ни на минуту не прекращал борьбы за свободу своего народа, призывал его собирать силы для будущих сражений.

С радостью встретил Райнис Октябрьскую революцию. Он собирался тотчас же вернуться на Родину, увидеть наконец осуществленной свою формулу — «Свободная Латвия в свободной России». Но удалось ему вернуться только в 1920 году, когда Советская власть в республике была уже задушена.

Иллюзии, которые питал было Райнис — он считал, что буржуазная демократия приведет к социализму,— вскоре рассеялись как дым. Поэт понял: одних господ сменили другие. В первой же депутатской речи в сейме он заявил: «Когда мы, ссыльные, вернулись в Латвию, мы надеялись увидеть свободную Латвию. Такой мы не нашли». Этого заявления буржуазия не могла ему простить: она до конца дней травила великого поэта.

В 1929 году Райниса не стало. Он умер на своей даче в Майори.

До последнего дыхания, всем своим существом верил Райнис в великую весну человечества, страстно ждал ее прихода на свою маленькую родину. Она пришла двадцать пять лет назад и принесла в Латвию огромные перемены. Цветет, развивается, крепнет, уверенно идет сейчас в гору молодая советская республика — земля Райниса. И кажется, будто поэт видит это, будто он с нами, он жив, потому что живы и воплощаются в жизнь идеи, за которые он боролся...

АФОРИЗМЫ

Многочисленные афоризмы Яна Райниса до сих пор оставались неизвестными русскому читателю, да и латышский читатель знает их мало: их сборник «Восхождение» был издан маленьким тиражом в 1940 году. Эта книга стала теперь библиографической редкостью.

Ниже приводятся избранные афоризмы, взятые из сборника «Восхождение».

Природа дает нам даром только время, все остальное нам достается трудом. Время — это самое дешевое и вместе с тем самое дорогое, что есть у нас, ибо благодаря ему — времени — мы получаем все...

Внутренняя жизнь формирует внешнюю, как сок—кору и листья.

Душа сильнее тела.

Кто не пользуется своими духовными силами, того они покидают.

Здоровье — мудрость тела.

Человек не может быть великим, если он не является творцом.

Знание подобно движению, незнание — покою, в основе между ними — вражда.

Вам сказано: кто не знает прошлого, не знает и настоящего — да, но достаточно ли этого? Кто не знает будущего, знает ли он настоящее?

Истины стары, а заблуждения всегда новы: на место старых заблуждений приходят новые.

Все, что говорит разум, можно перевести на все языки; то, что говорят чувства,—непереводимо.

У мудрости есть границы, глупость же безгранична.

Развивай себя в труде для других — вот основной закон.

Есть люди, у которых нет ничего своего, даже своей вины — всегда у них другие виноваты.

Полпути — это первый шаг за порогом.

Счастье — в совершенстве труда.

Улыбнись над своими горестями—горечь их исчезнет. Улыбнись над своим противником — исчезнет его озлобление. Улыбнись и над своим озлоблением — не станет и его.

А если ты улыбнешься миру, он ответит улыбкою.

Велик тот, у кого великие обязанности.

Всю жизнь ты руководствовался тем, что считал своим долгом, своими обязанностями. Но имей в виду, что обязанности возложил ты на себя сам. Итак, выполняя свои обязанности, ты жил сообразно своим идеям. Жил достойно, но прежде всего для самого себя. Зачем же другим что-то воздавать тебе за это?

Чем ничтожнее твой противник, тем труднее борьба с ним: не хватает величия, которое вдохновляло бы. Есть много таких противников, с которыми лучше не связываться; борьба с ними только запятнала бы тебя самого. Время победит их за тебя.

Легко принимает на себя обязанность тот, кому легко ее не выполнять.

Вначале мы учим своих детей. Затем мы сами учимся у них. Кто этого делать не хочет, тот отстает от своего времени...

Поэзия и искусство—это особая форма не только выражения, но и познания.

Большое искусство выходит из своих границ, а искусство маленькое никак не может попасть в свои границы.

Когда автора какой-нибудь работы не понимает один человек, тогда непонимающего называют глупцом. Когда автора не понимают многие, их называют умными, а глупцом остается непонятый автор.

Когда общество уже не верит в духовные силы, а доверяется лишь грубой силе, орудиям войны и деньгам, тогда налицо признаки его болезненного состояния и близкой гибели.

Идеалы капиталистического общества вполне можно считать неосуществимыми, годными лишь для внешнего украшательства, то есть для обмана тех, кто им верит, и тайного увеселения тех, кто не верит им.

Конца капитализма требует хозяйственная жизнь, которая в нем не может дальше развиваться. Его конца требует и жизнь духовная, ибо капитализм уже не дает личности цели вне самой личности, предоставляя ей довольствоваться собою. Цель вне себя личность при капитализме находит только в уничтожении самого капитализма.

Еще о капитализме.

Это общество и этот порядок основаны на лжи настолько, что они тотчас начинают разрушаться, как только члены этого общества начинают говорить правду. Так будем же говорить правду!

Перевел с латышского Э. Свадост.

ЧЕРЕЗ

А. СТАРКОВ

Фото А. Гостева.

«Бессрочный паспорт».

Так назывался мой напечатанный восемь лет назад в «Огоньке» очерк о магнитогорском доменщике Дмитрии Карпете. Вернее говоря, это была запись его рассказа о себе, о своей жизни. А она у него любопытная. Из ряда вон выходящая биография! Судите сами.

«В доменный я еще до войны определился, но доменщиком тогда не стал. Молоденький был, дурной, не имел правильного понятия о жизни. Дружили мы с Колькой Тыртышным, еще в ремесленном сошлись. И в цехе держались вместе, хотя был он в четвертых горновых, а я в подручных канавщика. Вот с этим Колькой и приткнулись мы к лихой компании. Картишки, водка, шальные денежки... Понравилось! Работу мы с Тыртышным бросили. Пришел я пьяный домой раз, другой, третий. Мать с упреками. Тогда я и вовсе перестал дома ночевать... Пошли приводы в милицию, протоколы. Вот уже, глядишь, и известная личность во всех отделениях! Клички «Джим», «Цыган» и еще какие-то. Побывал в КПЗ — камере предварительного заключения. А когда переводили в тюрьму, бежали мы с одним дружком из тюремной бани, все белье побросав. Нагишом. Благо время было ночное, темное. Добрались в чем мать родила до знакомого нам домишка, приоделись и давай опять пошаливать. А через месяц снова я попался. Судили. Мать пришла на суд, люди из цеха. Сейчас вот вспоминаю — стыдно за себя тогдашнего. А тогда я гоголем держался, судье грубил, на заводских с вызовом поглядывал. Вот, мол, какой я герой! И даже мамашины слезы не тронули меня. Дали год. Отсидел, вышел, и неизвестно, как бы моя судьба повернулась. Дурь-то еще не всю вышибло из головы. Но тут война, повестка из военкомата...»

Чтобы не отсылать читателя на розыск давно вышедшего журнала, я коротко перескажу дальнейший ход событий в жизни Карпеты и позволю себе привести еще две-три выдержки из его рассказа.

Он воевал командиром орудия на «Т-34». Польша. Восточная Пруссия. Кенигсберг брали. Снарядом подбило машину, катки разнесло. На покалеченном, недвижном танке экипаж сутки держал переправу. За тот бой Митя получил Красную Звезду.

«Изменила меня война, всю душу перевернула. Видел я смерть товарищей. Видел дружбу, настоящую, неподдельную, в карты не разыгранную. В полку знали, что я из Магнитогорска. Как передадут по радио о Магнитке, ребята ко мне: «Опять про твой завод...» Слово это, «твой», резало мне сердце. Какой же он мой, если я бежал с этого завода! А тут еще в дивизионке напечатали: «Сержант Карпета до войны варил металл, а теперь бьет им врага». Да, нечего говорить, много металла «наварил» Карпета! Лежу ночью без сна, кляну себя и ругаю за неправильную жизнь, какую прежде вел. Тысячу раз обещал себе, возвратившись домой, все повести по-иному, по-новому».

А вернулся — не сразу на завод. Боязно было. Как встретят? Знали ведь отпетым парнем. Правда, в милиции и виду не показали, что помнят Цыгана. Выдали, как орденоносцу, бессрочный паспорт, поздравили. А на заводе, может быть, косо посмотрят? Раз пять подходил к отделу кадров, а войти не решался. Нанялся в пригородный совхоз, в полеводческую бригаду. Сезон отработал — взял расчет. Скучно: на завод тянет, к печам.

«Сидим как-то с братом в кино. Сеанс еще не начался, люди рассаживаются. Вдруг Василий говорит: «Смотри, Митя, дружок твой Тыртышный»... У меня внутри будто оборвалось что. Тыртышный здесь... Каков он? Что у него нынче на душе? Покончил с прошлым или по прежней дорожке катит? Смотрю на экран, а в голове у меня Колька Тыртышный. Встретились у выхода из кино. Стоим, а сказать что друг другу, не знаем. Вижу, он пальтишко незаметно расстегнул, чтобы медали показать. И я свое нараспашку: пусть звездочку видит. Фронтовики! Был он тоже в танкистах, кончал войну в Праге. А сейчас горновым на пятой печи. «Ты,— спрашивает,— давно демобилизовался?» «Только что»,— говорю, хотя уже с полгода дома. «Ну, тогда давай к нам, у нас места есть». Утром я в отдел кадров. И получилось, как боялся. Минут пятнадцать разглядывали мой паспорт. И так его вертела девица, и этак, и справа налево листала, и слева направо. «Давайте,— говорю,— паспорт обратно! Не желаю, чтобы вы салили его жирными пальчиками. Он у меня, между прочим, бессрочный. Не приметили?»

В шоферы решил, на курсы. Но и к этому делу не прилепился, бросил. Все кружил и кружил около завода. Записался в комбинатскую библиотеку. С заводскими ребятами завел дружбу. Они и пригласили его однажды на новогодний вечер к прокатчикам.

«На той вечеринке познакомился я с Машей Ветошкиной, нынешней моей жинкой. До войны я знал ее брата, Петра, горнового. Пропал он на войне... Девушка показалась мне серьезной. Комсомолка. Бригадиром на сдаче проката. В вечернюю школу ходит, в десятый класс... Гуляли мы с месяц. А дошли до главного разговора, Маша вдруг и спрашивает: «Скажи, Дмитрий, почему ты, придя с фронта, не вернулся на завод?» Сперва я отшутился, а потом решил выложить все начистоту, всю жизнь свою. Задумалась, сдвинула брови. «Я все это знала,— говорит.— Возвращайся в цех. Слышишь, возвращайся! Не будь трусом. А не вернешься — не будет тебе моего согласия на совместную жизнь...»

Так рассказывал мне восемь лет назад в Магнитогорске Дмитрий Карпета, старший горновой доменной печи № 7.

...За судьбами всех, о ком писал когда-то, не уследишь. Но всегда приятно увидеть в газете или услышать в разговоре издавна знакомую тебе фамилию.

Приехал как-то из командировки на Урал мой товарищ, спрашивает:

— Ты, кажется, писал о Карпете?

— Писал.

— Горел твой Карпета...

Я подумал, что это в переносном смысле.

— Проштрафился?

— Горел. Летку вырвало. И вся плавка хлынула на Митю. Страшно он обгорел. Думали, не выживет. Живой! И в цех вернулся. Только, кажется, не в горновых. В конторе.

Потом Митина фамилия мелькнула в газете: ездил в Чехословакию с профсоюзной делегацией. Ну, значит, совсем поправился, раз по заграницам разъезжает.

А еще через какое-то время я услышал про Карпету в Череповце. Там, на новом заводе, много бывших уральцев. Не помню уж, с кем перебирали мы общих знакомых по Магнитке. Был назван и Карпета.

— Вы с ним чуть разминулись. Приезжал к нам на всесоюзное совещание горновых.

— А разве он горновым?

— Митя? Кем же?

— Я слышал, он после аварии в контору перевелся...

— Карпета в контору? Да что вы! Он к печам приклеенный, навсегда к ним припечатанный...

И совсем уж недавно, перелистывая старые свои блокноты, наткнулся я на магнитогорские записи. Перечел рассказ Карпеты. Восемь лет прошло... Как он, Митя, живет сейчас? Очень уж отрывочные у меня сведения о нем. Съездить бы повидать... Позвонил в Магнитогорск, в партком комбината.

— Дмитрий Иванович,— говорят,— только что приехал из Финляндии. Полгода там прожил. Домну пускал и отлаживал...

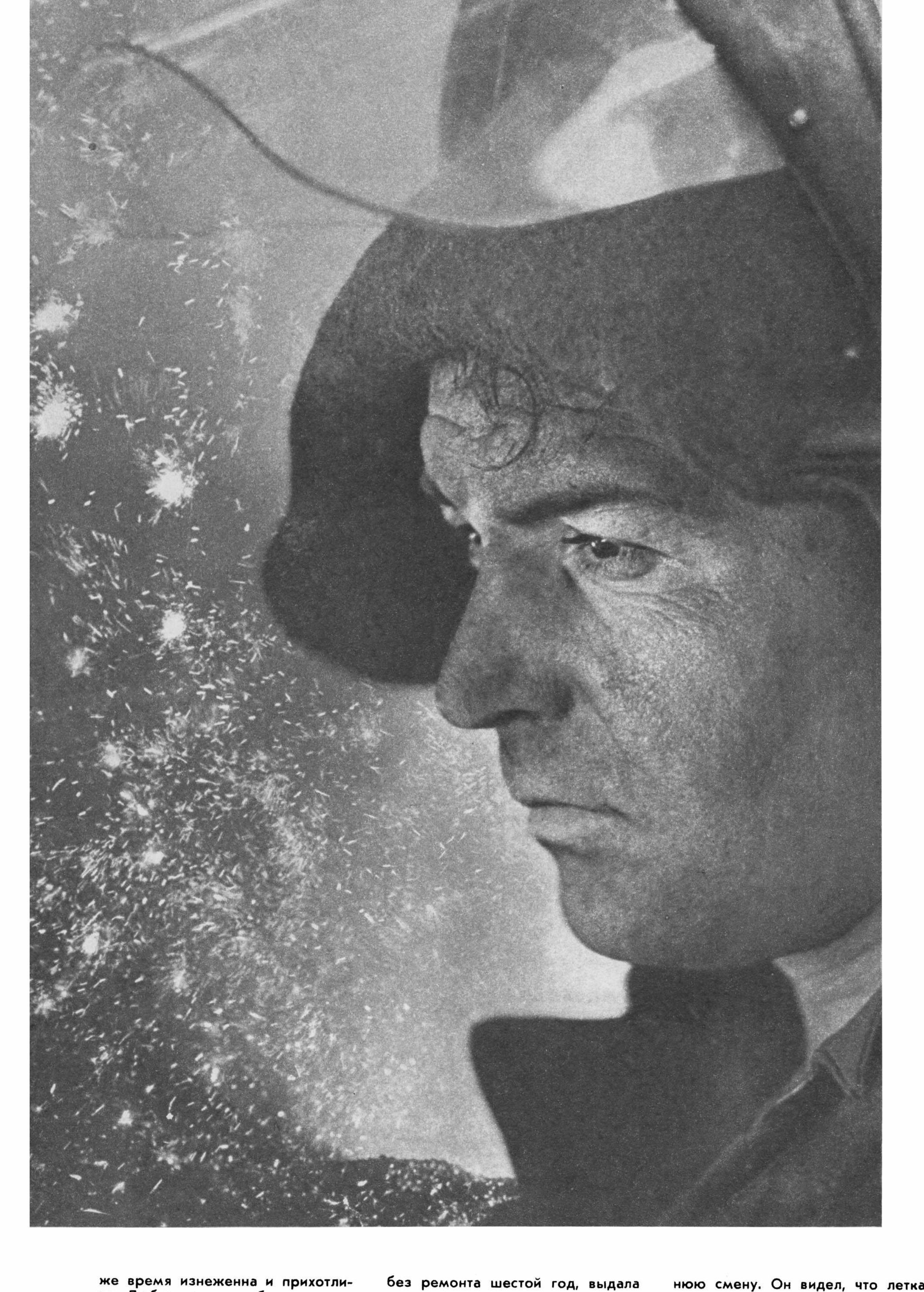
...Адрес тот же: проспект Металлургов, 11, квартира 13. Но в самой квартире изменения: выехал сосед, и теперь у Карпеты с семьей все три комнаты. Правда, и семья увеличилась: к двум дочерям прибавилась третья.

Митя, гляжу я, погрузнел, кудри его чуть поредели, где-то уже и сединка пробилась. Словом, стал старше на восемь лет. Следы ожогов почти не видны на лице. Если уж очень всматриваться, приметишь белые узелки в углах губ и на переносице, меж густых бровей, которые вроде бы не опалило. А вот левая рука, особенно тыльная сторона кисти, в рубцах, и они уходят глубоко под рукав. Митя стоял тогда вполоборота к летке, левым боком, вытянув руку с резаком.

Старший горновой повивальной бабкой у домны: плавку принимает, чугун. А рожает домна восемь раз в сутки, каждые три часа. Горновых старших четверо, сколько смен. Но домна смен не знает. Процесс у нее «внутрях» беспрерывный. Как задуют, так и пыхтит годами без останову до ремонта. И отдельных горновых она тоже не знает. Нет для нее Карпеты, Душкина, Иванова, Сергиенки. Есть один — Старший Горновой. В том смысле, что четверо должны работать как один. В едином стиле, с едиными навыками, с единым чутьем на капризы домны-матушки. И если оплошал один из горновых, это ошибка не одного, а всех четырех, ошибка Старшего Горнового.

Митя кончал смену. Готовил летку к выпуску чугуна. И принимать «ребенка» будет уже Ваня Душкин, сменщик.

Домна велика, мощна и в то

же время изнеженна и прихотлива. Любит ласку, требует тонкого с собой обхождения. Особенно уязвимое у нее место — горн с леткой. Горн вроде стакана, в котором накапливается стекающий сверху готовый чугун. А выход ему наружу, в ковши, через летку — двухметровый канал в кирпичной кладке печи, закупоренный до поры до времени глиняной пробкой. Летка и есть главная забота, главное заведование Старшего Горнового. Следит, чтобы не укорачивалась и всегда была сухой. Пускать чугун по короткой и влажной летке опасно. А поддерживать ее в нормальном состоянии на любой печи сложно. Тем более на «семерке»: работает без ремонта шестой год, выдала уже четыре миллиона тонн чугуна. Горн, естественно, прогоревший, увеличенный. А летка за счет этого урезана. Надо ее то и дело наращивать свежей глиной. Я забегу вперед и скажу, что где-то Старший Горновой на «семерке» зевнул. И к смене Карпеты леточный канал стал короче, чем положено, и влажней. Кто виноват? А я уже сказал, что Старший Горновой, коллективный, без фамилии. Потому что в работе четырех на печи нет, как мы знаем, граней, межей, всё — в едином потоке, и где кто ошибся, невозможно порой определить: все оплошали!

Итак, Митя заканчивал вечернюю смену. Он видел, что летка не в кондиции, не в полном ажуре, и пытался подлечить ее, высушить хотел. Для этого нужно ввести внутрь трубку с газом и воздухом—факел. Митя стоял в полутора метрах от печи, ощущая опаляющее ее дыхание, и медленно, осторожно работал резаком — длинной такой штангой с острой ложечкой на конце. Можно было проделать отверстие и с помощью бурмашины. Тогда ты в стороне и не подвергаешься опасности. Но руки всегда нежнее любой машины, и Митя предпочел в данном случае этот кустарный способ—резак,— чтобы не повредить и без того травмированной летке, обойтись с ней как можно мягче. Все шло хорошо. Вот-вот можно будет вставить трубку... И вдруг рвануло!

Леня Рябцев, мастер «семерки», знакомый мне еще с прошлого приезда в Магнитогорск, рассказывал:

— Мы с бригадой стояли по другую сторону разливочной канавы и наблюдали за Карпетой, за точными его движениями. И мы не сразу сообразили, что́ произошло, когда высоко взметнувшееся огненно-дымовое полотнище скрыло Митю от нас. Потом оно опало, и мы увидели столб пламени, рывками перемещающийся по литейному двору. Это был Карпета...

Сначала он бросился к люку с заправочными материалами, обычно заполненному до краев песком. Но сейчас его было немного, лишь на дне, а яма глубокая, и прыгать туда — сломать ноги, да и огня-то не собьешь малым этим количеством песка. (Позже Митя сам удивлялся рассудительности, с какой он, горящий, действовал в те секунды.) И тогда он повернул снова к печи и, перепрыгнув через шлаковую канаву, взбежал по лестничке на верхнюю рабочую площадку. Здесь водосборник, железный ящик, куда стекает вода, прошедшая через холодильники. И Митя — в этот колодец, весь, с головой, в воду и под струи бьющей из трубок воды. А с другой стороны домны бежит уже третий горновой, Коля Сорокин, и, маленький, худосочный с виду, подхватывает огромного, 110-килограммового Карпету на руки, несет его, мокрого, но еще дымящегося, в будку мастера...

«Ожоги 2-й и 3-й степени лица, шеи, ушных раковин, кистей рук, предплечий, поясной области, левого бедра, голен, брюшной стенки; поражено 33 процента кожного покрова»,— читаю я в медицинской справке. И вот так страшно обожженный Митя даже не присел в ожидании «Скорой помощи», все ходил и ходил по комнате, не стонал, только раз пожаловался: «Лицо тянет». А в больнице после уколов, обработки ран в операционной, перевязки его положили на носилки и понесли четыре санитара, в коридоре на повороте замешкались, не смогли сразу развернуться,— и Митя встал, прошел в палату, лег. Снова сделали укол, сестра велела спать, и ему хотелось спать, но он гнал от себя сон, пересиливал, потому что, как говорил позже, боялся, что, закрыв глаза, больше их не откроет, а он должен был увидеть Машу, обязательно увидеть Машу и тогда закрыть глаза. А ей сообщили о случившемся лишь под утро, сказав, что мужа «слегка обожгло», и она приехала в больницу с первым трамваем, и когда вошла в палату, присела к койке, у Мити не было уже сил даже словечка сказать ей, он смежил веки и тут же заснул... Весь месяц Маша была с ним, ночевала в палате на раскладушке, отлучалась днем на два-три часа, чтобы приготовить еду ребятам. Весь месяц шли к нему беспрерывно люди, и он шутил, что мог бы открыть продуктовую лавочку, столько всякой всячины наносили. И еще два месяца он провел в санаториях и явился в цех не обгоревший, а загорелый на южном солнце. Начальство хотело подыскать ему работу полегче: была вакансия в конторе. Он

только хохотнул в ответ на это предложение. Ну тогда хотя бы газовщиком, к приборам, не так трудно, как горновому.

— Горновым! — сказал он. И в вечернюю смену вышел на рабочую площадку, к летке своей...

В том же году он ездил с профсоюзной делегацией в Чехословакию.

Я уже слышал об одном эпизоде из этой его поездки и вот теперь при встрече уточнил факты.

В Остраве на металлургическом заводе Митю, как профорга, познакомили с местным его коллегой по общественной должности. Тот также оказался старшим горновым.

— Карпета,— представился русский.

— Карпета,— назвался чех.

— Дмитрий.

— Леонард.

Митя провел вечер в семейном кругу своих однофамильцев. И с тех пор вот уже несколько лет две семьи — Карпеты из Магнитогорска и Карпеты из Остравы — в родственной, можно считать, переписке. Какой характер она носит, вы увидите из выдержек, которые я приведу с Митиного разрешения.

«Здравствуйте, дядя Дмитрий Иванович, тетя Мария Михайловна, бабушка Матрена Ивановна, девочки Люда, Галя и Иринка!

13.1 мы Вам послали 2 письмо номерь 19 для Вас, Дмитрий Иванович, тетя Мария Михайловна и номерь 20 для девочка. Если Вам можно письмо обозначить по номеру зделайте так, так можно легко контролировать сколько письма теряться по дороге.

...Второй четверти школьного года я окончил на 1—2 это у Вас 5—4. Люда и Галя как Вам идет в школа? У меня больные уха я пойду в понедельник лежать в больницу...

С горящим приветом Карел Карпета».

К этому письму приписка: «Дорогий Дмитрий! У нас на заводе есть эдин слесарский рационализатор которы бы хотел переписываться з рационализатором з Вашего завода, пожалуйста, как тебе можно напиши его адреса. Он есть ремонтник думной печи а хотел бы зделать дружба рационализаторов СССР и ЧСР... Благодарю тебе. До свиданя. Леонард».

И еще приписка: «Как в этом письме много ошипок, неудивляйтеся переписывал папа».

«Письмо 25

...18.3 Мы были радостно удивлены, мы от Вас получили духи «Красная Москва». Мы получили 21 письмо от Вас. Благодарим Вам еще раз, мама духам очень рада, она себе нюхать на памят от Марии Михайловна.

Тетя Мария Михайловна мама хотела радость зделать и Вам: 1 чулки как красивая погода, 1 чулки до холода не изпугайтеся, это нет для ребенка это для Вас тетя Мария Михайловна, мы это заслали в пакетику...

У меня еще больные уши как не поможет пеницилин, потом нужна операция ими.

Люда и Галя Ваш успех в школе это и наша радость, что Вы бы хотели зделать в жизни я знаю еще скоро спрашиваю.

Я бы хотел зделать электромеханик.

Иринка здорова? Иринка зачинат скоро говорит, да?

Засылаем Вам марки и пасхальные наклейки для посмотрины.

Здравствуйте!»

«...Мы рады слушаем, что Иринка уже здоровая ребята скоро из больных поправится не так взрослые.

У нас все пока по старому.

Вокруг будут зделать в фабрике у Леонарда генеральный ремонт думной печи № 1.

Карел есть учеником, он готовить выработный экзамен электромеханик.

В этом году у нас пасха 15.4 этот праздник в году я не люблю, мальчики получают крашеное яйца и сладость а взрослым мужам давать ликер это праздник толко мужам.

У нас было очень велико туман. Трамвай столкнутся с автомобилом но ничто все в порядку (здорови) другий трамвай переехал женщину есть мертвая.

Понимаете что я хотела Вам взказать? Мне еще нужно изкать каждое слово в словаре.

С горящим приветом Анна Карпета...»

...В Чехословакии Митя пробыл две недели, а в Финляндии жил шесть месяцев. И я думал, что про страну Суоми он мне побольше расскажет. Но Дмитрий, приметил я, стал менее разговорчив, чем прежде. Сказались, наверно, полгода, проведенные среди молчаливых людей. И рассказ его о последней поездке был скуп.

Положил на стол карту Финляндии. Вот он, Раахе. Городок на берегу Ботнического залива, чуть южнее Полярного круга. В ста километрах от знаменитого Оулу, где соревнуются конькобежцы мира. Раахе — значит «гнилой угол». Это несправедливо. Очень даже красивое местечко, Магнитка природой беднее. Там море, леса. Раахе тоже будет знаменит. Финны превращают его в крупнейший океанский порт, в центр металлургической промышленности. Построены первые причалы, швартуются уже пароходы. Из Ленинграда пришел с череповецким коксом... Построена первая домна на полторы тысячи тонн. Наши приезжали на задувку, на освоение. Инструкторами, обучать горновых. У Карпеты в учениках был Тойво Микконен. Лет тридцати, из рыбаков, семейный. Тоже, между прочим, три дочери... Как объяснялись? А у печи не объяснялись, работали. Слова после, за столом. Переводчик был, забавный старичок, бывший русский, эмигрант. Родной язык подзабыл и в финском слабоват. Сидит, над каждым словом думает, думает и вдруг начинает носом клевать, дремлет. Сменили этого старичка, дали молодого переводчика, толкового. Но к тому времени он не очень-то уж и требовался...

Вижу, устал мой Митя за разговором. Он ведь с ночной, надо отдохнуть, чтобы вечером в школу мастеров. Это не курсы, какие он уже кончал, а настоящая средняя школа по полной программе да еще с прибавкой специальных предметов. Митя в десятом классе, как и его старшая дочь. Кончит — вручат диплом мастера и аттестат зрелости.

Я думал, как назвать этот новый очерк о Карпете. Тот был «Бессрочный паспорт». Повторить заголовок? Или лучше «Аттестат зрелости»? Или «Огненный горновой»?.. Назову просто: «Через восемь лет».

Будем живы, снова встретимся с Митей через восемь лет.

КТО ЕСТЬ САПОЖНИК?

Мастер С. В. Параничев ведет занятия.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото А. Бочинина.

Я веду репортаж из нового большого здания в Измайлове, где разместился учебно-производственный комбинат Управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома. Здесь учатся те, в ком мы с вами так часто ощущаем недостаток.

Сотни юношей и девушек, в большинстве своем не достигшие еще и совершеннолетия, слушают лекции, пишут мелом на досках, стрекочут на швейных машинах, стучат молотками, укладывают замысловатые прически, колдуют над пробирками в лабораториях. Девушек значительно больше, чем юношей.

Знакомство с комбинатом я начал с библиотеки. Тут я услышал, что больше всех читают сапожники. Уже за ними — парикмахеры, портнихи, часовщики и где-то позади фотографы, почитающие себя чуть ли не великими эрудитами.

Вместе с Лидией Ивановной Дыгиной, заместителем директора комбината, мы направились в класс.

— Только не называйте их сапожниками,— предупредила меня Лидия Ивановна,— они могут обидеться. Слово это стало в общежитии чуть ли не ругательным. Может быть, потому ребята неохотно берутся за это дело. Мы их называем обувщиками. Даже в документах пишем: «Обувщик».

И вот мы в классе. Вдоль длинного стола сидят восемь мальчиков и старательно бьют молотками по подметкам. Урок производственного обучения. Ведет мастер Сергей Васильевич Параничев.

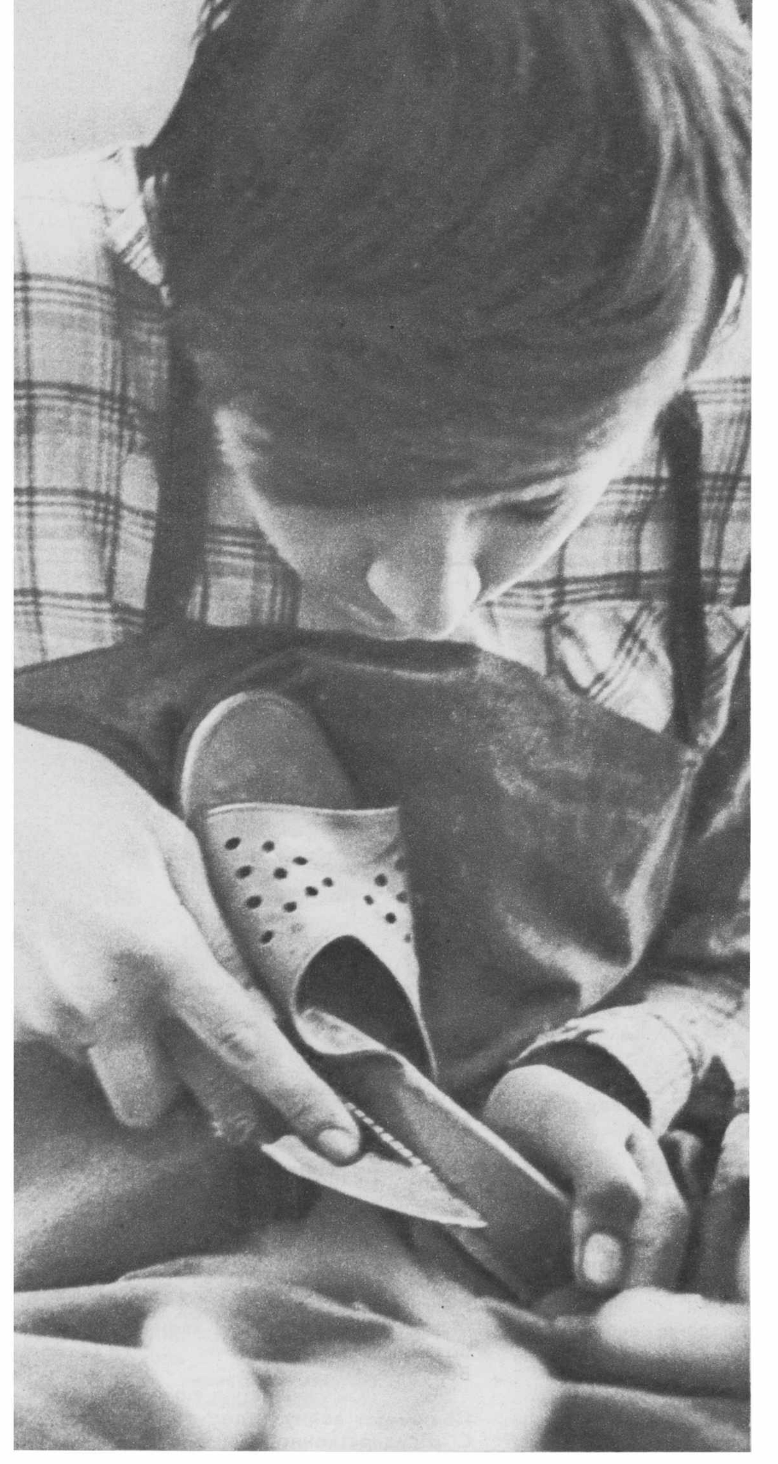
— Здравствуйте, товарищи обувщики,— говорит Лидия Ивановна, и ребята поднимают на нас глаза, в которых светится лукавинка,— «понимаем, мол, что имеет в виду!»

Липка отживает свой век, на смену ей пришли машины. Есть они и в учебном классе. Будущие мастера овладевают новой техникой. Таков будущий сапожник в прямом смысле этого слова! А в переносном? Для этого нам придется пройти в другие классы...

Был обеденный перерыв, и ребята-часовщики сгрудились вокруг нас. Их 36. Одни уже окончили, другие оканчивают десятилетку. Их готовят мастерами широкого профиля. Чтобы могли чинить самостоятельно часы любых марок — и отечественных и зарубежных. Ребята с увлечением копаются в сложных механизмах, познавая их тайны. Но...

Об этом «но» и рассказал мастер производственного обучения, опытный, потомственный часовщик Аркадий Яковлевич Бальдман:

— У нас нет оборудования, на котором можно было бы обучать ребят. Хорошо известно, что советская часовая промышленность выходит на одно из первых мест в мире. Шутка ли сказать: мы выпускаем 28 миллионов штук часов в год, 300 различных типов! Самые сложные и самые точные хронометры! А вот оборудования для их ремонта нет. Маленький токарный станочек выпускал раньше харьковский завод. Теперь его не выпускают вовсе. Видите стано-

Обувщик.

Часовых дел мастера

Экзамен.

Примерка, она же урок.

чек, что стоит на столе? Так я его сам сделал. Часовщики в большинстве своем работают собственным инструментом. Мосремчас — объединение по ремонту часов — своих работников ничем не снабжает. Где мы берем инструмент? Покупаем у частника. А где его берет частник? Вот этого я вам сказать не могу...

Мне показывают станочки, крохотные плоскогубцы, круглогубцы, кусачки. Все это мастера приобрели у частников и принесли в класс, чтобы учить своих питомцев. Впрочем, ребятам тоже сказали: «Покупайте сами, где сможете».

Ребята спросили меня: «Почему так происходит?» Я ответил: «Спросите Мосремчас». «А он молчит». «Тогда я сам спрошу». Выполняя поручение молодых часовщиков, я и спрашиваю Мосремчас: почему так происходит?

...Между тем перерыв окончился. Ребята уселись за столы, вооружились увеличительными стеклами и углубились в старые механизмы, купленные на складе лома. Меня познакомили со Славой Барабановым. Мастер считает, что у мальчика удивительная способность к часовому делу. Это по наследству — еще его дед работал часовщиком. На радостях, что внук пошел по его стопам, дед отдал ему все свои собранные десятилетиями, столь дефицитные в наше время инструменты. И Слава умело орудует дедовским наследством.

— Золотые руки,— шепчет мастер,— но, конечно, инструменты тоже нужны...

От часовщиков мы пошли к парикмахерам и попали из огня да в полымя.

Большой зал называется салоном. Двенадцать кресел, в которых сидят девушки. Рядом с ними стоят еще двенадцать и сосредоточенно сооружают на головах что-то очень мудреное. И те и другие — ученицы. Они учатся, что называется, одна на голове другой. Впрочем, от желающих доверить свою прическу ученицам нет отбоя: все девушки с округи готовы провести здесь несколько часов, лишь бы обзавестись пышной прической. Кто же не захочет стать красивой, тем более бесплатно?!

Ученицы во главе с мастерами побывали на всемосковском конкурсе парикмахеров. Теперь они копируют увиденные там замысловатые, но зато новейшие прически, называемые «халой» потому, что волосы переплетаются на манер одноименной булки.

— Сколько ты голов сделала? — спрашивает мастер Гурская одну из учениц.

— Две головы, Маргарита Григорьевна.

— Вот видите,— обращается она ко мне,— как много времени уходит на каждую голову. Как хотите, а это — настоящее творчество! К сожалению, его не ценят. В парикмахерской, небось, норма в десять голов. Там не пофантазируешь! Мы здесь учим творчеству, а установят непосильную норму, и будут они печь прически, как блины, да все на один манер...

Девушки-парикмахеры повели на меня наступление еще ожесточеннее, чем часовщики. Они принесли и выложили на стол инструменты, которыми снабжает парикмахеров Москвы учреждение со сложным названием — Мосгорбыткоммунснаб.

— Видите расческу? Ею хорошо только сено сгребать!

— А эта железна называется филировочной бритвой!

— Взгляните на бигуди! Ни один уважающий себя парикмахер в руки не возьмет такое!

— Как же вы учитесь, девушки? — робко спросил я.

— А так: идем к частнику, платим втридорога. Все так делают. Пусть краснеют дяди из Мосгорбыткоммунснаба! Это по их вине процветает спекуляция парикмахерским инструментом.

Учебный комбинат Управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома пользуется программами, разработанными Государственным комитетом по профессионально-техническому образованию при Госплане СССР. Даже беглое ознакомление с ними показывает, что они далеки от тех требований, которые предъявляются к работникам службы быта в наше время. Среди предметов, которые преподают им, есть и такой: «Основные сведения по организации и экономике производства». Если даже признать такой предмет полезным для повышения общих знаний учащихся, то вряд ли можно объяснить, почему у мужских парикмахеров ему отведено 6 часов, маникюрши его изучают в течение 10 часов, а люди, выводящие пятна, штудируют в течение целых 14 часов!

Кстати, о пятновыводчиках. Вот уж поистине дефицитная профессия! Кто не бывал в приемных пунктах химчистки, чтобы вывести пятнышко на костюме или пальто? В Москве обычно отсылают в комбинат бытового обслуживания вблизи Курского вокзала, где скапливаются изрядные очереди. Поэтому приятно было узнать, что в прошлом году квалификацию пятновыводчиков получили более ста человек и сейчас готовятся получить свидетельство еще пятьдесят.

Ободренный таким радостным событием, я тотчас же позвонил по телефону в бюро обслуживания и попросил адреса всех пунктов, где в моем присутствии могут вывести жировое пятно на светлом костюме. Ответ был малоутешителен: только в трех пунктах. Пришлось запросить производственное объединение «Чайка», ведающее чисткой и окраской вещей. «В двадцати двух»,— ответил приятный женский голос и указал мне номера телефонов и адреса. Умудренный опытом, я не помчался туда сломя голову, а предварительно позвонил по телефону. В итоге я составил таблицу ответов на один и тот же вопрос: в пяти случаях ответили категорически: «Нет!»; в одном пункте после долгого молчания пролепетали неопределенно: «Зайдите, может быть...»,— в другом: «Посмотрим, если свежее...»,— и, наконец: «Не принимаем, но с мастером можете договориться...» Больше я звонить не стал. К чему?

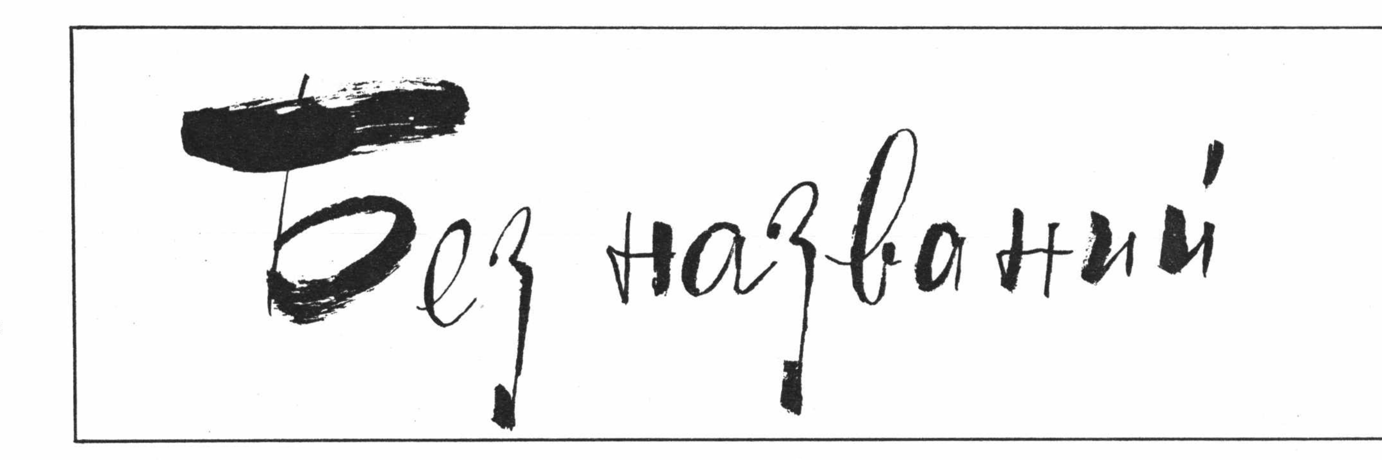
Куда же девались мастера, подготовленные учебным комбинатом? Какая причина мешает тому, чтобы человек мог без беготни вывести злополучное пятно?

Видимо, причина в том, что не вывелись еще сапожники в переносном смысле этого слова.

Сергей СМИРНОВ

Рисунки А. Лурье.

Из новой книги стихов

Без названий

* * *

Вышел стихотворец на охоту —
Вышел
на охоту
за строкой.
Кроме авторучки и блокнота,
Никаких предметов под рукой.

Никого не трогает —
ни зверя,
Ни залетной птицы, ни пчелы.
И, его порядочности веря,
Стали выше травы и стволы.

Даже незатейливая птаха
Звонко воздает ему хвалу,
Даже, позабыв о чувстве страха,
Вниз спустилась белка по стволу.

Даже лось
уставился знакомо:
Мол, мое почтенье старику!
Даже волк, стоящий вне закона,
Откровенно
просится в строку.

* * *

Гремя рыбацкой ро́бою
И засветив улыбку,
Я
золотую
пробую
Поймать
На счастье
Рыбку.

Серебряные,
Серые,
Мелькают, налетая.
Но я
упорно верую,
Что —
раз! —
и... золотая!

* * *

Нет,
Не только, скажем, пища,
Да одежда — высший класс,
Да просторное жилище,
Да теплынь любимых глаз,
А одна шестая света
Нам
наградой за труды,—
От ракиты
До ракеты,
От лучины
До звезды.

* * *

Не для себя
в раздолье луговое
Спешит пчела
И собирает мед.
Блажен,
кто эту истину усвоит
И драгоценный опыт переймет.

* * *

Ветер первую зелень качает,
Прошлогодние мнет камыши.
Хороша эта ярмарка чаек,
И просторы воды хороши,
И тропинка, ведущая к лодке,
И забредшая в волны лоза,
И лицо незнакомой молодки,
От тебя отводящей глаза.

* * *

Раздумье ив
и лодок на приколе,
Раздумье в землю вросшего
жилья,
Раздумье леса
и раздумье поля —
Все это
тоже
родина моя.

* * *

Здесь всего нам хватает с лихвою.
В поле свет,
А в лесу полутьма.
Муравьи из игольчатой хвои
Воздвигают свои терема.
Веет хмелем
и свежестью росной,
Поднимает волну водоем.
С государственной важностью
сосны
Рассуждают о чем-то своем.

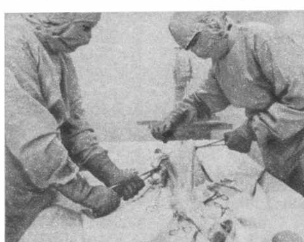
«ШТОПОР» ОТ ТРОМБОЗА

Известно, что закупорка кровеносных сосудов является одним из опаснейших недугов. Западногерманские ученые разработали интересный метод лечения тромбозов. Опасные «пробки» решено растворять электролизом. Для этого с обеих сторон тромбоза в соответствующий кровеносный сосуд вводят два цинковых электрода. Затем пропускают слабый ток.

После этого происходит примерно то же, что обычно бывает в так называемой гальванической ванне: положительно заряженные атомы устремляются к отрицательным электродам, а отрицательно заряженные — к положительным. При этом «пробка» постепенно растворяется.

«ЗАПАСНЫЕ» КОСТИ

Пересадка органов — одна из волнующих проблем современной медицины. Что только не пытаются пересаживать хирурги: сердце и печень, почки и селезенку, роговицу глаза, кожу, кости. Однако во всех этих случаях успеху операции мешает ставшая уже притчей во языцех несовместимость тканей, тканевой барьер. В значительной степени обойти его удалось группе ученых Скибовского института медицинских исследований в Нью-Брансвике (Нью-Джерси), возглавляемых хирург-ортопедом Джеймсом А. Дингваллом. Предназначаемый для пересадки участок кости подвергают специальной обработке. Вначале из нее извлекают все жиры и белки, прежде всего сыворотку и красные кровяные тельца, которые могут вызвать реакцию несовместимости. Затем кость стерилизуют, высушивают при низкой температуре и упаковывают под вакуумом в стерильную стеклянную ампулу. Каждая такая ампула содержит кость определенного размера: от спичечной головки до нормальной величины. Бопланты, так называют подготовленные к пересадке кости, можно хранить до трех лет.

ЖИВОТНЫЕ ПРОТИВ НАСЕКОМЫХ

В польском Научно-исследовательском институте лесного хозяйства разработан комбинированный план борьбы с вредителями лесных насаждений.

По мнению польских лесоводов, дикая свинья — незаменимый защитник леса. Она неутомима в истреблении личинок, затаившихся в осыпавшихся листьях, в траве под деревьями. Установлено, что на лесных участках, изрытых свиньями, бывает уничтожено до 80 процентов личинок вредителей. Поэтому польские лесники стараются заманить свиней на места, где обнаружены вредные насекомые.

Вторым надежным союзником лесов являются муравьи. Один средней величины муравейник уничтожает до 10 миллионов насекомых в год. Научные сотрудники польского института разработали метод искусственного заселения лесов муравьями.

ВЫНОСЛИВЕЕ ВЕРБЛЮДА

Маленькая обитательница американского юго-запада — скальная белка — бьет все рекорды выносливости. Она может без единой капли воды вести нормальный образ жизни на протяжении ста дней! Далеко позади остается верблюд, который обходится без воды всего 30 дней!

Калифорнийский университет проводит лабораторные исследования, чтобы установить, как этой обитательнице пустыни удается приспособиться к такому безводному образу жизни.

ОСТРОВ АРКТИЧЕСКИХ СОКРОВИЩ

Остров Врангеля — единственное место в Советском Союзе, где гнездятся редчай-

* * *

Рядом с матерью-кобылой
Жеребенок-сосунок.
Он еще не блещет силой,
Обладатель длинных ног,
Но,
восторженный и гордый,
Лихо мчит во все концы
И толкает
милой мордой
Материнские сосцы.

* * *

Вышло так,
что, сам себя прославивши,
Грохнул гром ударно-озорной.
Крупный дождь
по листьям,
как по клавишам,
Пробежал
Незримой пятерней.
Гром и дождь
с лукавинкой и силою
Зримо поработали вдвоем:
Посмотри,
какая ты красивая
В непросохшем платьице своем!

* * *

Сперва даже волны притихли,
Умолк переливчатый гам,
Потом
долговязые вихри
Разбойно прошлись по лугам,
А ливень
сквозным частоколом
Упал на сенные возы...
И мир
освежающе полон
Воздушным налетом грозы.

* * *

Гнетут —
в несметном изобилии —
Камыш, осока да куга.
Но все равно
сияют лилии
На синей глади бочага.

И так они толково созданы,
И так наружность их светла,
Что ими,
как дневными звездами,
Стоит любуется ветла.

* * *

Лишь горсть дождинок обронила
Скупая туча на лету.
И дышит
сельская равнина
Во весь накал и широту.

Шагает полдень деловито
По гребням ржи,
По цвету льна.
И морем марева
размыта
Лесов далекая стена.

* * *

По-моему,
птицы бессмертны.
Для них созревает роса,
В сумятицу листьев и ветра
Вплетаются их голоса,
Взмывают
над хлебным прибоем,
Парят, где колдует вода...

Послушай,
Не нам ли с тобою
Кукушка
считает года?

* * *

Увидел,
вздрогнул —
и ни звука...
А в полуметре от меня
Извивно
вытекла гадюка
Из-под распластанного пня.

Удар!..
И вьющегося гада
Топчу, как лютого врага...
И удаляю каплю яда
С надежной кожи сапога.

* * *

Как хорошо
прилечь на ворох сена
И отдыхать, итожа прозу дня,
Когда стихает ветер постепенно,
Когда смолкают гвалт и суетня,
Когда закат
в традиционной дымке,
Когда роса ознобно горяча
И рядом
из-под шапки-невидимки
Скрипит тележный голос дергача!

* * *

Костер.
И водная преграда.
И стая рыб
клюет луну.
Туман с упорством конокрада
Крадется прямо к табуну,
А соловьи в прохладе сивой
Гремят — и час
и два часа —
С такой сопернической силой,
Что звезды
падают в леса.

* * *

Не слишком ли глупо и щедро
Мы рушим природу вокруг?
Как мамонты,
падают кедры
От наших же собственных рук,
Взмывают дымы к небосводу,
Садится зола на сады,
Теснит
животворную воду
Нашествие мертвой воды.

* * *

Все подобно волшебству
какому-то.
Темнота — в обнимку с тишиной.
Вдруг
на самой середине омута
Взбудоражил воду водяной.

Всколыхнулось отраженье месяца,
Будто бы плавучие часы.
А береза
вышла
и невестится
В бахроме
Русалочьей косы.

* * *

Вновь
зарей
восток озолотило.
Петухи побудку завели.
И от генерального светила
Темнота бежит на край земли.

Темнота бежит, прижавши уши.
Ей смертелен
огненный клинок,
А земля
Со всей водой и сушей
У нее
уходит из-под ног.

шие обитатели высоких широт — белые гуси. Их островная колония расположена в замкнутой котловине, защищенной горной грядой от свирепых северных ветров. Птицы селятся здесь с необычайной плотностью — подчас одно гнездо отстоит от другого на расстоянии всего лишь трех — пяти метров, и вся тундра, до самого горизонта, усеяна парами белых точек. Специальный учет показал, что общая численность колонии около четырехсот тысяч птиц.

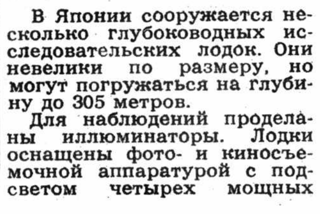
На обширных просторах приморской тундры собираются на линьку огромные стаи других редких гусей — черных казарок. Белых гусей и черных казарок отлавливают для экспорта в зоопарки мира.

Ни в одном другом месте Арктики нет такого скопления берлог белых медведей. Самки этих полярных кочевников собираются в начале зимы на острове для того, чтобы в «уютной» снежной камере произвести на свет потомство.

Для охраны белых медведей и уникальной колонии белого гуся на острове создан государственный заповедник.

ГЛУБОКОВОДНАЯ ЭСКАДРА

В Японии сооружается несколько глубоководных исследовательских лодок. Они невелики по размеру, но могут погружаться на глубину до 305 метров.

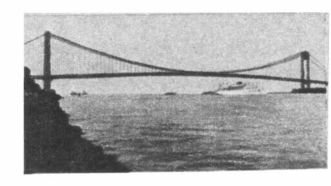
Для наблюдений проделаны иллюминаторы. Лодки оснащены фото- и киносъемочной аппаратурой с подсветом четырех мощных прожекторов. Для отбора проб со дна моря служат «механические руки» с дистанционным управлением. Вся добыча укладывается в особый контейнер, находящийся в передней части корабля. Там же установлена ловушка для глубоководных рыб и других морских обитателей.

Помимо океанографических исследований и наблюдений, связанных с промысловым рыболовством, лодки будут вести работу по геолого-сейсмическому зондированию морского дна в связи с частыми землетрясениями, обрушивающимися на этот уголок земного шара.

РАЗБИРАТЬ НЕ НАДО

Не так легко установить на нужном месте вышку для бурения. Надо ее разобрать на удобные для транспортировки части, перевезти, а затем снова собрать.

Румынские конструкторы изготовили новый буровой агрегат, в котором вышка перевозится в собранном виде и быстро устанавливается на новом месте. Ею можно пользоваться для бурения на глубину до 1 200 метров и для очистки скважин.

ПОДВЕСНОЙ ГИГАНТ

Огромный подвесной мост длиной 4 175 метров сооружен в Нью-Йорке. Под мостом, не боясь опасности, проходят самые большие океанские корабли. Для постройки этого подвесного гиганта использовано несколько тысяч миль одних только стальных тросов.

УДОБРЕНИЯ В КОШЕЛЬКЕ

В последнее время все большее признание получают комплексные минеральные удобрения, содержащие сразу несколько основных необходимых для питания растений продуктов, а также микроэлементы и физиологически активные вещества. Интересные исследования в этом направлении проводят ученые Института физиологии растений Украинской Академии наук. Одна из таких разработок, осуществленная под руководством директора института, академика АН УССР П. А. Власюка, — капсулированные комплексные удобрения с применением полимерных смол.

При изготовлении удобрений смесь минеральных продуктов, ядохимикатов и активирующих веществ обволакивается полимерными пленками и оказывается как бы в маленьком кошельке. В каждом пакете — примерно по полграмма удобрений. Так они и попадают в почву.

ЖЕРИКО и МАНЭ в МОСКВЕ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

БЕГ СВОБОДНЫХ ЛОШАДЕЙ

Самолеты на трассе Париж — Москва совершили в июле несколько необычных рейсов. Огромные серебристые машины, способные поднять сотню пассажиров или добрый десяток тонн груза, прилетали в Шереметьевский аэропорт... пустыми. Если не считать экипажа и двух-трех ящиков не более ста килограммов весом. Вот и все. Правда, каждый из небольших ящиков был застрахован на миллионы золотых франков.

Это были шедевры Лувра и других музеев. Гордость Франции. Всего пятьдесят две картины. Всего...

* * *

Наконец выставка шедевров открыта и в ее залы хлынул народ. С тех пор не иссякает бесконечная очередь любителей живописи у входа в Музей изобразительных искусств.

В экспозиции среди других замечательных произведений «Бег свободных лошадей» кисти Теодора Жерико.

...Живая античность в первозданной свежести глядит на нас с этой маленькой (чуть больше раскрытого журнала) картины. Юные атлеты, сдерживающие на всем скаку коня, написаны с поразительной, микеланджеловской мощью. Но главное, что ошеломляет зрителя,— экспрессия в решении движения. Весь холст словно пронизан энергией: ветер гонит по небу облака и заставляет трепетать одежды людей, солнце, начертив резкие тени, превращает всю группу в скульптуру, полную динамики.

Это маленькое полотно прекрасно по ритму и сотворено столь посегодняшнему, что не веришь в его возраст. А ведь шедевр создан полтора века назад, когда в живописи царили сухой классицизм и академическая рутина.

Жерико. Как мало мы знаем о трагической судьбе этого мастера, создавшего грандиозное полотно «Плот «Медузы», художника, открывшего новую эру в живописи!

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Отгрохотала канонада наполеоновских баталий, и над поверженной Францией воцарилась недобрая тишина. Наступила реакция. Ничтожные Бурбоны, прикатившие в Париж в обозе победителей, только подтвердили крылатую фразу: «Когда умирает кот, начинают править мыши». Катастрофа, постигшая страну, внесла смятение в сердца людей. Презрение или горячая любовь к прошедшему, недоверие к будущему, ощущение несовершенства мира — все это рождало отчаяние, требовало ответа.

«...Мы живем в гигантские и преувеличенные времена,— писал Байрон,— когда все, что уступает Гогу и Магогу, кажется пигмейским...»

В искусстве трещали устаревшие устои. Рамки классицизма никак не могли вместить событий, потрясших Европу. В этом высоком накале страстей родилось новое искусство — р о м а н т и з м, призванное отразить всю сложность трудного времени.

Первым французским художником-романтиком был Жерико. Правда, когда большинство современников поняли его великую роль, он был... мертв. И термин «романтизм» впервые появился в некрологе, посвященном Теодору Жерико.

Манифестом нового искусства было семиметровое полотно «Плот «Медузы» — трагический репортаж о кораблекрушении фрегата «Медуза», о гибели, постигшей в Атлантике его экипаж. Предельно конкретная, злободневная ситуация получает совершенное, пластическое выражение. «Это сама Франция, это наше общество погружено на плот «Медузы»,— писал историк Мишле.

Правительственные круги, продажная пресса иначе оценили эту картину. «Опасным бунтарем» величали они молодого автора. Как всякому мастеру, открывающему новые пути в искусстве Франции XIX века, Жерико довелось узнать трагедию н е п р и з н а н и я.

Светская чернь и буржуа Парижа не могли простить молодому живописцу героические образы, созданные им: слишком ярко они напоминали этой эгоистичной публике о ее недостаточности, и поэтому ее гораздо более устраивало льстивое искусство Салона — банальное, заглаженное, далекое от современности.

Творчество Жерико шокировало власть имущих, и они обрушили на мастера лавину невзгод. Достаточно упомянуть, что при жизни художника н и о д н а его картина не была приобретена государством.

Что же это за «чудовище» — Жерико?

ОДЕРЖИМЫЙ МУДРЕЦ

Холодно и пустынно на улице Мучеников. Горячее дыхание большого Парижа не долетает до ее обитателей. В маленькой, оклеенной серыми обоями комнатке тихо, только порой ветер хлопнет ставнями и зашелестит разбросанными по полу рисунками. В комнате почти пусто. Простая железная кровать, кресло да старый комод с мраморной доской. Вот и все убранство. На постели, словно вдавленный в подушки, лежит молодой человек. Его лицо, обрамленное черной всклокоченной бородой, похоже на восковую маску, крупный лоб покрыт испариной, в глубоко запавших глазах затаилась боль...

Жерико. Несчастья, будто сговорившись, обрушились на художника. Непризнание, бедность и, наконец, недуг, обрекший живописца на полную неподвижность, казалось, были призваны сломить мятежный дух мастера. Но Жерико не сдавался. Превозмогая страдания, наперекор всему он рисовал и записывал в дневник мысли, не дававшие ему покоя.

«Я считаю постыдными усилия некоторых людей,— писал смертельно больной Жерико,— изощряющихся в том, чтобы даже наши недостатки выдать за достоинства... Будем же поощрять наши истинные таланты — и у нас не возникнет надобности ублажать посредственность, которая как бы в силу самого своего количества надеется стать ведущей силой своей отчизны... Мне кажется, я уже слышу крики и протесты толпы людей, трепещущих, что я причиню вред их мелким интересам...»

За неделю до смерти художника посетил Александр Дюма. Жерико только что пришел в себя после тяжелой операции позвоночника, перенесенной им накануне. Он лежал подобно мумии, страшный своей худобой, и... рисовал. Дюма был потрясен.

Таков был неистовый романтик. В одной из своих последних заметок он говорил: «Человек подлинного призвания не боится препятствий, чувствуя в себе силы их преодолеть,— они даже подобно дополнительному двигателю... часто становятся причиной самых удивительных произведений. Именно к этим людям должна быть устремлена забота просвещенного правительства; только поощряя их и используя их способности, можно утвердить славу нации — это они оживят эпоху...»

Вскоре Жерико не стало. Он был погребен, как самый бедный человек во Франции, непризнанный и забытый. Ему было всего тридцать два года.

* * *

Борьбу Теодора Жерико с рутиной продолжил юный друг художника — Эжен Делакруа. 27 января 1824 года, день спустя после гибели товарища, он записал в дневнике: «Бедный Жерико, я часто буду думать о тебе! Мне кажется, твоя душа будет витать иногда около моей работы».

И Делакруа был верен делу своего друга. В том же 1824 году он

Э. Манэ. 1832—1883. ЛОЛА ИЗ ВАЛЕНСИИ.

Т. Жерико. 1791—1824. БЕГ СВОБОДНЫХ ЛОШАДЕЙ.

потряс Салон своим полотном «Резня на Хиосе», повествовавшим о трагических событиях в Греции.

История повторилась. Рутинеры и пресса обрушились на новый талант. Картина, ныне являющаяся шедевром Лувра, была объявлена «резней живописи»...

ИМПЕРАТРИЦА, САЛОН И ХЛЫСТ

Канули в Лету Бурбоны, отгремели баррикадные бои двух революций, и пала республика; на престол взошел император, носивший кличку «Наполеон маленький».

Луи Бонапарт имел немало слабостей, среди которых трусость была не самой худшей. Но один из его недостатков был весьма губителен для развития живописи во Франции. Дело в том, что, обладая весьма посредственным вкусом, он все же любил посещать выставки и раздавать оценки художественным произведениям. Это его свойство порою давало самые неожиданные эффекты.

Так, в Салоне 1853 года произошел случай, который был отмечен как необычный даже у видавших виды парижан.

В тот день в Салоне ничто не предвещало грозы. Так же, как всегда, поблескивали золотые рамы картин, так же приятно пахло лаком и блестел янтарем начищенный паркет, когда сам император в сопровождении августейшей супруги Евгении, окруженный министрами и академиками, посетил Салон.

Они долго осматривали экспозицию, любуясь бесконечными вариациями на тему «Психея и Амур» или «Рим эпохи упадка».

Но вдруг милостивейшее настроение августейшей четы сменилось гневом. Они стояли перед картиной Гюстава Курбе «Купальщицы», изображающей отдых двух деревенских красавиц, молодых и сильных. Кто-то из окружения, заметив досаду в глазах императора, громко вздохнул.

И не успела свита уяснить себе причину перемены настроения Наполеона, как императрица Евгения вне себя бросилась к холсту и отстегала хлыстом ни в чем не повинных «Купальщиц». По этому поводу можно было бы сказать многое, но лучше, чем это сделал Бисмарк, едва ли представляется возможным. Он однажды произнес: «Глупость — дар божий, но не следует им злоупотреблять...»

...К счастью, Курбе не присутствовал при этой «исторической» сцене, ибо свободомыслие и озорной характер не довели бы его до добра. Провинциал, он воспевал мир дорогих его сердцу простодушных и сильных людей. И его земляки платили ему сторицей. Узнав о скандале в Салоне, они устроили роскошное торжество «по поводу прекрасной купальщицы, прекрасной купальщицы, г-на Курбе, г-на Курбе, нашего дорогого г-на Курбе!..»

Однако через год «Купальщицы» были отвергнуты жюри Всемирной выставки в Париже, и оскорбленный Курбе добился права организовать собственную экспозицию. Рядом с роскошным зданием официальной выставки, в простом бараке, Курбе открыл свою выставку, поместив над входом вывеску с коротким названием: «Реализм».

«Титул реалиста был мне присвоен так же, как «людям 30-х годов» кличка романтиков»,— писал Курбе во вступлении к каталогу.

Люди 30-х годов — это Жерико и Делакруа, а для Курбе прежде всего Жерико, которого он копировал наравне с Рембрандтом и Веласкесом.

Так семена, посеянные «одержимым мудрецом», дали свои всходы.

...По роскошным залам Всемирной выставки 1855 года, где было представлено пять тысяч полотен, бродил симпатичный, элегантно одетый юноша. Едва ли кто-нибудь мог предсказать, что этот респектабельный молодой человек через какие-нибудь 7—8 лет потрясет Париж своей живописью и что именно он будет тем талантом, о каком мечтал Жерико,— талантом, который оживит эпоху и составит славу нации.

Будущего новатора звали Эдуард Манэ.

ЮНГА ПЛЫВЕТ К СОЛНЦУ

Туманным декабрьским утром 1848 года парусник «Гавр и Гваделупа» покинул французский берег, держа курс на Рио-де-Жанейро. На его борту плыл юнга Эдуард Манэ. Юноша был счастлив. Наконец он вырвался на волю, покинул ненавистный коллеж, и вот сейчас старый корабль уносит его прочь от Парижа и скучных буржуазных будней. Молодой человек мечтает стать художником и готов пойти на любые лишения, лишь бы не стать юристом, как того хотел строгий отец.

Солнце Атлантики, яркая синь неба и простор океана навсегда овладели сердцем Манэ, открыли в его душе стремление к свету, укрепили его любовь к живописи, заставили страстно желать донести людям красоту природы.

И когда через полгода юнга вернулся домой из далекой Бразилии, это был уже не мечтательный юнец, порою сомневающийся в своем назначении. Нет, семнадцатилетний Эдуард з н а л, что его п р и з в а н и е — живопись. И он убедил семью не мешать ему.

Так, на самом пороге жизненного пути, юноша победил косность буржуазной среды, и эти первые шаги в борьбе с эгоизмом мещан заставили его еще ярче ощутить жестокость и узость вкусов господ в черных сюртуках, пытающихся навязать ему свое серое, банальное ощущение окружающего мира.

Отныне и до самой смерти путь Манэ — путь «веселого бойца» (как метко назвал его Ренуар), бойца с пошлостью, с потребительским эгоизмом. Он встретит на этом пути все горести, которые способны доставить художнику буржуа.

Но не будем забегать вперед...

Э. Манэ. 1832—1883. ПОДАВАЛЬЩИЦА ПИВА.

...Осенью 1850 года молодой Манэ, полный сил и надежд, поступает в учение к модному парижскому живописцу Тома Кутюру. И здесь, в этом «храме искусства», юношу постигают первые разочарования, которые, впрочем, как и радости, должны сопутствовать судьбе каждого истинного художника.

Девизом Кутюра было «Идеальность и Безликость». Его живопись, тривиальная и вялая, угождала самым плоским вкусам. В его мастерской витал дух компромисса. Здесь пытались примирить «слишком холодного Энгра» и «слишком горячего Делакруа». Один из учеников Кутюра писал: «Все, что мы здесь делаем и видим,— просто смешно! И натура и освещение — все одинаково фальшиво».

Манэ был в отчаянии, он кричал натурщикам: «Вы разучились быть естественными!» Но сила рутины побеждала, и конфликт молодого художника с учителем был неизбежен.

Однажды Кутюр, войдя в мастерскую, увидел натурщика, поставленного в естественную позу. «Кто позволил себе эту глупость?» — гневно спросил он. «Это я»,— сказал Манэ. «Вот как... Так я вам предсказываю, бедный юноша, что вы станете Домье нашего времени, и ничем больше».

Откуда было знать удачливому Кутюру, что Домье без его ведома и понимания был одним из великих художников Франции, а его «бедный» ученик Эдуард Манэ, идя по пути п р а в д ы, откроет людям неведомые горизонты в познании прекрасного!

«ОДИЧАВШИЙ ГОЙЯ»

«Первое условие мудрости живописца,— любил говорить Манэ,— это никогда не проходить по улице Лаффит». В этом, казалось бы, невинном да и малопонятном сегодня заявлении таился глубокий смысл.

Улица Лаффит. Лавки модных торговцев модной салонной живописью. Символ продажного, без крупицы правды, искусства. Манэ с горечью замечал: «Мы все испорчены этой кухней живописи. Как с этим покончить?» И тут же отвечал: «Суть дела заключается в том, чтобы идти своей дорогой, не беспокоясь, что о тебе болтают».

И Эдуард Манэ шел своей дорогой. Но какой ценой?

Вот один из отзывов на его выставку: «Представьте себе Гойю, ставшего дикарем и малюющего картины,— вот вам Манэ, этот реалист последнего образца». (Очевидно, Курбе считался у этого критика реалистом старомодным.)

Одичавший Гойя, маляр... Эти слова сказаны о картинах, представленных на выставке Бульвара Итальянцев, среди экспонатов которой была и наша новая знакомая «Лола из Валенсии».

«Лола из Валенсии», освистанная и поруганная? «Лола» и скандал? В это сегодня невозможно поверить, любуясь картиной на выставке французских шедевров в Москве. Глядя на этот холст, невольно думаешь, что если бы не было на земле Эдуарда Манэ и «Лолу» вдруг случайно «нашли», то мудрые искусствоведы искали бы автора этой картины среди истинных классиков живописи. И долго среди специалистов шел бы спор о том, «ранний ли это икс» или «поздний игрек».

Что же могло смутить ретивых критиков Манэ, поносивших милую «Лолу»? Рисунок? Едва ли, ибо он поистине академичен. Композиция? Она классически уравновешенна. Тогда, вероятно, живопись, колорит?.. Вглядимся пристальней в холст.

Из черно-коричневого полумрака кулис шагнула навстречу свету очаровательная испанка. Подобно экзотической птице, она одета в пышную и яркую одежду. Лола знает, что она хороша, ее губы готовы раскрыться в белозубой улыбке...

Благодаря точно найденному черно-коричневому фону Манэ удалось подчеркнуть матовую бледность красавицы, так контрастирующую с пестротой одежд. Юбка танцовщицы — феерия красок, подобных краскам осеннего сада: багровые, оранжевые, желтые, они похожи на цвета опавшей листвы, и они так же, как в саду, сочетаются с яркой, еще живой зеленью. И все эти, казалось, не соподчиняемые по отдельности колеры, брошенные на благородную основу глубокого черного тона, вдруг превращаются в драгоценную эмаль.

Трудно судить о цветовой гамме картины через сто лет после ее создания, ибо краски меркнут, масло и лак темнеют, но, очевидно, Бодлер видел другое состояние полотна, когда писал о черно-розовом ключе в решении «Лолы».

Но главное не в этом. На наш вопрос о красочной гамме, заданный вначале, мы должны ответить: колорит картины восходит к лучшим традициям испанской школы.

Что же заставило противников Манэ нападать так яростно на него?

Дело в том, что любой лидер нового движения в живописи Франции XIX века, как бы ни велики и бесспорны были достоинства его картин, как бы ни огромен был его талант, немедленно попадал под огонь официальных кругов. И только время, а порою сама смерть дерзкого нарушителя основ вносили коррективы в эти «оценки».

Судьба Теодора Жерико, Эжена Делакруа, Камилла Коро, Гюстава Курбе, Оноре Домье, Эдуарда Манэ, Клода Монэ дает нам полное подтверждение этого тезиса.

САМКУ ГОРИЛЛЫ ЗОВУТ ОЛИМПИЯ

Манэ прислушался к шуму, который доносился из соседнего зала. Отдельные голоса сливались с хохотом, визг и хихиканье, рев и мяуканье смешались в нестройный гул, который нарастал с каждой минутой. Художник попытался протиснуться сквозь толпу и поглядеть на

предмет потехи, но ничего не увидел, кроме тростей и зонтиков, мелькавших над головами. Наконец какая-то толстая дама протолкнула его в зал, и он увидел «Олимпию», свою «Олимпию», окруженную толпой. Два военных караульных пытались осадить разбушевавшуюся публику. Многие дамы хотели пырнуть зонтиком бедный холст, мужчины размахивали тросточками. Раздавались сальные остроты, непристойные намеки. Задние ряды нажимали на передние, караульные были беспомощны. Скандал разрастался...

«Хотел бы я, чтобы Вы были здесь,— писал Манэ своему другу Бодлеру,— ругательства сыпались на меня, как град. Мне бы хотелось знать Ваше мнение о моих картинах, так как я оглох от этих криков и ясно вижу только одно, что кто-то не прав...»

«...Мне снова надо говорить с Вами — о Вас,— отвечал Бодлер.— Я должен показать Вам, чего Вы стоите. То, что Вы говорите,— просто смешно. Над Вами смеются, насмешки раздражают Вас. К Вам несправедливы! Вы думаете, что Вы первый человек, попавший в такое положение? Может быть, Ваш талант больше, чем талант Шатобриана или Вагнера? А над ними не меньше издевались!»

Мало кто в то время разделял точку зрения Бодлера. Гораздо типичнее было высказывание Кантелуба из «Гранд журнал»: «Никогда и никому еще не приходилось видеть чего-либо циничнее, чем эта «Олимпия». Это — с а м к а г о р и л л ы (разрядка моя.— И. Д.), сделанная из каучука... Серьезно говоря, молодым женщинам в ожидании ребенка, а также девушкам я бы советовал избегать подобных впечатлений».

П р а в д а. Вот что взбесило парижских мещан!

Золя в своей статье о Манэ писал: «Когда наши художники дают нам венер... они лгут. Эдуард Манэ спросил себя: зачем лгать, почему не сказать правду: он познакомил нас с Олимпией, с девушкой наших дней, которую он встречает на тротуарах кутающей свои худые плечи в холодную полинявшую шерстяную шаль...»

В своем письме к Бодлеру Манэ деликатно пишет, что «кто-то не прав». Время дало лучший ответ на этот вопрос. Сегодня «Олимпия» — жемчужина Лувра. Приходится выразить сожаление, что она не приехала на выставку в Москву.

СОЛНЦЕ ПРОВОЖАЕТ БОЙЦА

«Ты понимаешь, меня надо смотреть целиком, и я прошу тебя, если я скоро исчезну, не допускай, чтобы мои картины разошлись по рукам и по разным музеям — тогда меня не смогут оценить по-настоящему». Эти трагические слова сказал своему другу Антонену Прусту смертельно больной Эдуард Манэ. Ему было только пятьдесят лет, но двадцатилетие непрерывных битв и великого труда не прошло бесследно.

Двадцать лет Манэ ломал глухую стену непонимания, пошлости, рутины. Наконец эти преграды пали — и людям открылся путь в голубой сверкающий мир — пленэр. На первых порах яркие лучи слепили глаза и с непривычки казались дикими. Но потом зрители, ранее привыкшие к коричневому полумраку, полюбили серебристый, льющийся солнечный свет и больше не хотели глядеть на божий мир через темные академические очки.

Р е в о л ю ц и я ц в е т а была совершена!

...Улица Амстердам — последняя гавань художника. Он создает там в этот последний год жизни свой шедевр — «Бар в Фоли-Бержер». Он не может стоять у мольберта и пишет сидя. Но если болезнь сделала его тело немощным, то дух его празднует победу. Его кисть полностью раскована. Гамма его последних картин — новое ощущение мира. Н о в ы й т р е п е т пронизывает его полотна — дивные натюрморты, портреты, композиции.

Конец близок. Врачи запрещают художнику работать. Он покидает мастерскую, и его этюд цветов остается неоконченным. Вскоре ему ампутируют ногу, но абсцесс неминуем...

* * *

Манэ умер.

Майский Париж, яркая зелень Трокадеро, звонкое синее небо, пестрая толпа шумных улиц — все напоминало о живом Манэ — художнике, воспевшем радость бытия и разбившем оковы условностей, веками сковывавших развитие искусства.

Манэ пробил дорогу «смеющейся гамме», и его ю н а я ж и в о п и с ь, мажорная и светлая, наполненная воздухом и солнцем, открыла путь к новому видению мира.

Сегодня солнце провожает «веселого бойца», его щедрые майские лучи озаряют последний путь художника. За гробом Манэ идут Золя, Пруст, Дега, Писсаро, Ренуар... Сколько битв, сколько поражений, сколько побед за плечами у этих людей! Во имя правды.

Картины Манэ были еще пока свалены в пыли его мастерской. Они стояли лицом к стене и ждали своего часа. Но пройдут годы, и они триумфально займут свое место в лучших собраниях мира.

Из громадных роскошных выставочных залов будут постепенно выносить огромные салонные картины, эти «надуманные махины», которыми пытались, по словам Золя, «раздавить Манэ». Этим пустым и фальшивым полотнам, порожденным холодным жаром суетной банальности, которую так ненавидел Жерико, суждено завершить свой век в пыли чердаков...

«Тотчас после кончины,— писал Золя в предисловии к посмертной выставке,— Манэ был удостоен неожиданного апофеоза. Вся пресса объединилась, заявляя, что погиб великий художник. Все те, кто еще накануне издевались и высмеивали его, обнажили головы и заговорили о всенародном признании мастера, триумфом которого было его погребение. Для нас, верных его друзей, с первого часа это была печальная победа. Что же — повторилась вечная история: людей убивала человеческая тупость, чтобы затем ставить им памятники...»

Роман-памфлет

ОБ ЭТОМ ПОМАЛКИВАЮТ

Мартти ЛАРНИ

Глава двадцать первая

Как ни грустно, а надо признать, что в мире оказалось слишком много пессимистов и скептиков, которые встретили Договор о дружбе между Лаконией и Куропотамией весьма иронически. Представитель известного французского агентства вел себя на пресс-конференции Вульвиуса просто неприлично, вступал в пререкания:

— Господин пресс-секретарь! Я познакомился с текстом «Договора о дружбе», внимательно выслушал ваш обтекаемый комментарий, но мне бы хотелось получить от вас еще одно маленькое разъяснение: означает ли лаконийское слово д р у ж б а то же самое, что французское l'amitié или немецкое Freundschaft?

— Совершенно точно.

— Значит, здесь нет ошибки переводчика?

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Господин пресс-секретарь! Я имею в виду дружбу. По-моему, договор утверждает явное насилие.

— Ближе к делу, мсье!— перебил его председательствующий.— У французов на уме вечно какая-нибудь фривольность. Вы, видно, сами не знаете, что такое дружба.

— Нет, мы дружбу знаем. Но тут мы видим явное насилие.

— Дружба! — воскликнул Вульвиус.

— Насилие!

— Дружба!

— Насилие!

— Дружба! Дружба! Дружба!

— Насилие, насилие, наси-ли-е...

В конце концов полиция заставила француза умолкнуть, но пресс-конференцию пришлось, к сожалению, закрыть. Всем иностранным агентствам печати были разосланы специальные бюллетени, в которых на обильном фактическом материале убедительно показывалась прочная и нерушимая дружба Лаконии и Куропотамии. Нашу информацию широко использовали газеты всего мира, но комментарии были резко различны. Только в двух странах наш материал опубликовали полностью и без комментариев. Как вы догадываетесь, одна из этих стран была Куропотамия, а другая — Финляндия, где пресса вообще все печатает без комментариев.

Я был счастлив, что забота о развитии дружеских отношений с Куропотамией не входила в задачи министерства полиции. Оно могло поэтому сосредоточить все свои силы на завершении дела Барбатуса. По прошествии двух недель я заметил, что придать делу международный разворот гораздо легче, чем находить внутриполитические решения. Человек легче осуждает чужих, чем своих.

Народ с нетерпением ждал суда по делу Барбатуса. Нам удалось наконец собрать присяжных, воспользовавшись пунктом 1-м статьи 4-й уголовного кодекса Лаконии, в котором сказано: «Если гражданин Лаконии, пользующийся безупречной репутацией, отказывается без уважительных причин от участия в заседании присяжных, он подлежит ответственности за неуважение к суду или же за нелаконийское поведение и может быть приговорен к тюремному заключению на срок от одного до десяти лет».

Лаконийцы уважают закон, поэтому за какой-нибудь час все присяжные были в сборе. Собственно, на этом мое участие в деле Барбатуса и закончилось. Сыскная полиция получила строгое указание не производить новых арестов. Все материалы следствия, полицейские рапорты и протоколы допросов поступили к судье Палинодийского

О к о н ч а н и е. См. «Огонек» №№ 27—36.

суда низшей инстанции. Министр юстиции тяжело вздохнул, я вздохнул с облегчением.

Суд начался девятого января 1959 года в помещении зимнего стадиона Палинодии. Присутствовало примерно пятьдесят тысяч человек. В числе приглашенных гостей были представители иностранных посольств, видные люди торговли и промышленности, выдающиеся деятели культуры. Право производить киносъемки в зале суда было закуплено международной компанией «Патро-Гульвин». Для ограничения наплыва публики установили высокую входную плату: один билет стоил десять лаконийских долларов. Продавались также абонементы на право посещения десяти судебных заседаний. Один такой абонемент стоил девяносто долларов. Право торговли мороженым и прохладительными напитками приобрела с аукциона одна палинодийская компания, владельцами которой были министр торговли Лаконии и его жена. По предварительным подсчетам министерства финансов, чистый доход от процесса по делу Барбатуса должен был составить примерно двадцать миллионов лаконийских долларов, из коих десять процентов отчислялось, по решению правительства, в избирательный фонд у г р е й.

Главных обвиняемых по делу Барбатуса было десять человек. Коротко цитирую основные пункты обвинительного заключения:

«Студент Тино Катуволькус, 20 лет, смешанной расы, неженатый. Обвиняется в краже собаки и в убийстве заключенного Азинуса, находившегося с ним в одной камере.

Общественный обвинитель требует смертного приговора.

Учащийся Тит Проциллус, 18 лет, неженатый, закоренелый преступник; у него при аресте отобран завернутый в упаковочную бумагу игрушечный пистолет-пулемет. На допросах признал, что стрелял в женщин; драгоценности роздал своим девушкам; опознал лифчик... и т. д. и т. д.

Общественный обвинитель требует для него смертного приговора.

Мисс Маммилла Корпус, секретарь-машинистка, 28 лет, незамужняя. Работая у банкира Капра Гиркуса в качестве личной секретарши, пользовалась штемпельной краской, украденной на заводе Муска; вводила в заблуждение полицию; сознательно обманывала супругу Капра Гиркуса, вступив с последним в интимные отношения; послужила непосредственной причиной гибели Капра Гиркуса.

Общественный обвинитель потребовал ее изгнания из пределов Лаконии.

Безработный Покулус Лагопус, 25 лет, пособник промышлявшего сводничеством Микротуса, случайно не убитый патриотами у ворот тюрьмы.

Общественный обвинитель потребовал для него пожизненной каторги.

Бывший начальник тайной полиции Ламнус Корнубикус, 58 лет, р е п т и л и я. Публично критиковал нынешнее правительство и высказывал антилаконийские мысли... Подарил своей жене дорогой перстень... Обвиняется в склонности к покупке краденых вещей и в намерении совершить государственную измену.

Общественный обвинитель требует приговорить его к десяти годам строгой изоляции.

Жена его Рая, возраст неясен, часто появлялась на людях в мужском костюме. В ее шкафу найден светлый мужской плащ и красный шарф. Не могла объяснить, каким образом на ее туалетном столике оказалась бутылка от штемпельной краски.

Требование общественного обвинителя — пять лет тюремного заключения.

Бена Поповичкау, учащийся, 19 лет, смешанной расы. 15 ноября 1958 года около четырех часов пополудни купил четыре плитки шоколада «Роза», с помощью которых выманил Луция Акантию из камеры во двор тюрьмы.

Общественный обвинитель потребовал для него смертного приговора за участие в убийстве выдающегося патриота Луция Акантии.

Мадемуазель Амелия Фрутти, публичная женщина, возраст неопределенный, незамужняя. Пыталась соблазнить премьер-министра нашего правительства.

Требование общественного обвинителя — изгнать из пределов Лаконии за антилаконийскую деятельность.

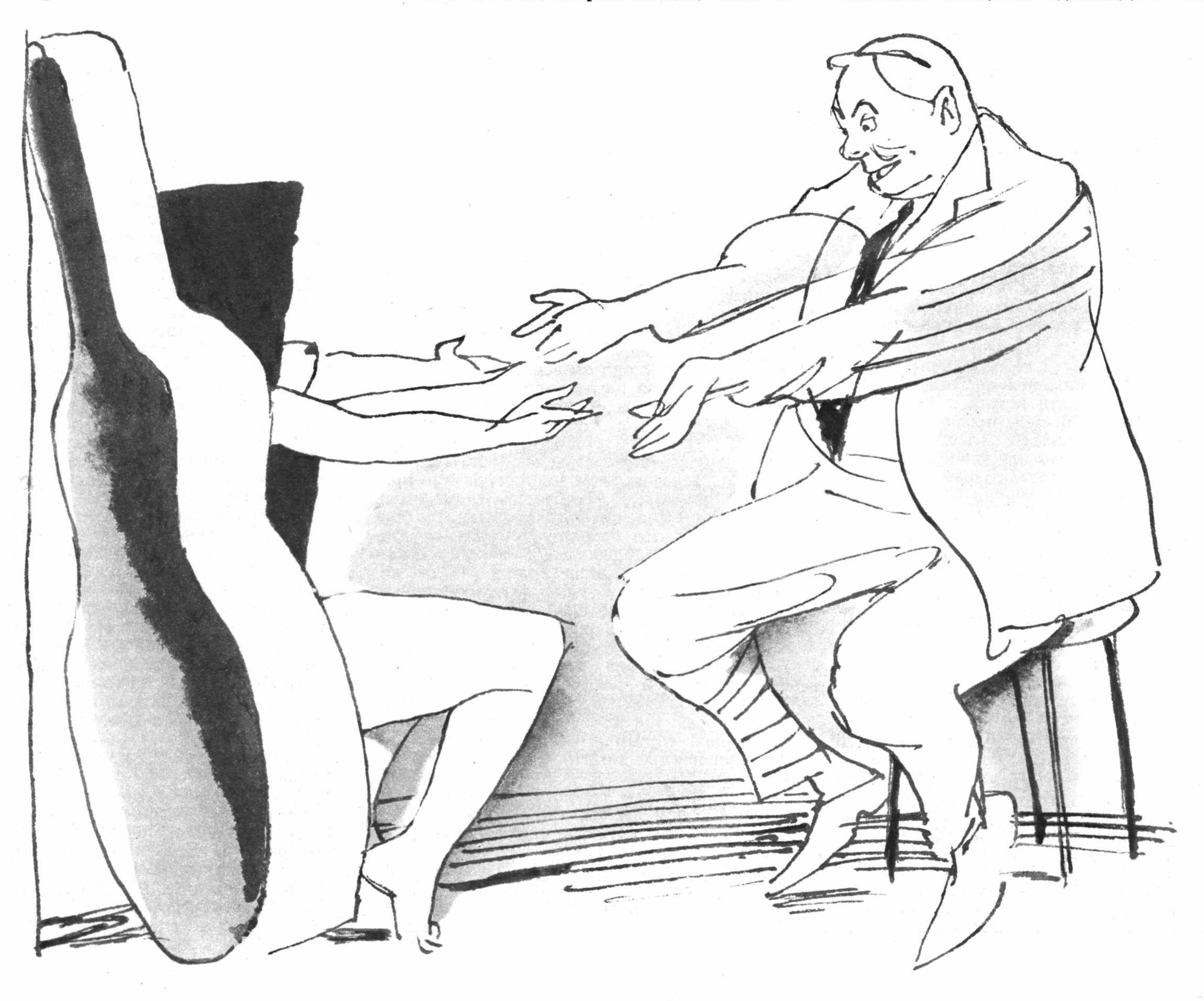
Студент Пий Агилис, 19 лет, неженатый. Доставил адскую машину в дом министра полиции Лаконии.

Требование общественного обвинителя — смертная казнь.

Студент Ранус Арвалис, 20 лет, неженатый, смешанной расы. Бросил ручную ароматическую бомбу в рабочий кабинет премьер-министра.

Требование общественного обвинителя — смертная казнь».

Помимо названных десяти главных обвиняемых, общественный обвинитель потребовал приговорить к различным срокам заключения четыреста одиннадцать человек,

так или иначе замешанных в ограблении ювелирного магазина Барбатуса.

Заседания суда начинались ежедневно с десяти и продолжались до семнадцати часов. Ровно в полдень объявлялся короткий перерыв, во время которого публика имела возможность что-нибудь купить, воспользовавшись предложением многочисленных лотков и временных киосков, разбросанных по всему громадному помещению. Здесь же в зале размещались киоски тотализатора и бюро по оформлению пари. Главными фаворитами публики были Тит Процилус, которому почти все прочили смертную казнь (единица), студент Тино Катуволькус, которому все без исключения сулили пожизненное заключение (двойка), и мадемуазель Амелия Фрутти, которая, по общему убеждению, должна была получить условную свободу (крест). Сумма выигрышей по каждому разряду, согласно предварительным подсчетам, достигала трехсот тысяч лаконийских долларов.

Шестого мая 1959 года были объявлены первые приговоры. Единогласным решением присяжных к смерти были приговорены следующие из обвиняемых: студент Тино Катуволькус и учащийся Тит Процилус — к повешению, учащийся Бена Поповичкау — к казни на электрическом стуле, а студенты Пий Агилис и Ранус Арвалис — к удушению в газовой камере. Исполнение приговоров было назначено на девятое мая. Сразу же началась продажа билетов для публики, желающей присутствовать при свершении правосудия. Право снимать казнь досталось палинодийской киностудии, которая ранее создала столь блестящий шедевр — репортаж о злодейском убийстве Луция Акантии.

Лично я всегда был противником смертной казни, а сейчас тем более, но, выслушав приговоры, я все же почувствовал известное удовлетворение. Как-никак, сложнейшее дело Барбатуса доведено-таки до конца. Сколько было затрачено сил и времени! А сколько произнесено слов! Человек мыслит словами. Слова приводят в движение весь хитроумнейший механизм языка и мышления. Если бы в работе этого механизма возникли во время судебного процесса какие-либо помехи — я здесь не имею в виду бестактные выкрики, раздававшиеся в зале,— мышление присяжных зашло бы в тупик. Но поскольку слова логично управляли мышлением, а мышление — языковым механизмом, то в результате и возникло единогласное решение, на которое нельзя пожаловаться: смертная казнь для пятерых. Правда, этот результат не удовлетворил общественное мнение страны. Особенно же недовольны были все те, кто ставил двойку на Тино Катуволькуса. Это лишний раз доказывает, что и в тотализаторе нужно везение.

И тут я подхожу к тому моменту, когда в моей жизни произошел неожиданный поворот. Неожиданности всегда являются неожиданно. Утром 9 мая, примерно за три часа до начала казней, государственная сыскная полиция объявила важную новость: грабители ювелирного магазина Барбатуса добровольно явились к начальнику сыскной полиции, чтобы предупредить «величайшее в истории Лаконии судебное убийство», как они напыщенно выразились. Я сразу же объявил государственному палачу, что исполнение казней откладывается до особого распоряжения — ввиду технической неисправности. Одновременно я распорядился, чтобы кассы начали принимать обратно билеты, проданные на этот день. Правительство собралось на экстренное заседание. Пресс-секретарь Вульвиус доложил обстановку:

— Господин президент, господа министры! Сегодня утром к начальнику сыскной полиции явились двое молодых людей, студент-медик Сицист Бетулинус и аптекарский ученик Викко Ларус, которые сознались, что ограбили ювелирный магазин Барбатуса пятнадцатого августа 1958 года. Их сразу же стали допрашивать, и полиция получила новые направляющие нити. Оба молодых человека состоят в молодежной организации рептилий, представляя в ней крикливую группу хулиганов. Полиция за последние два года имела достаточно хлопот с этими крикунами. Они проповедовали новую половую мораль, устраивали уличные беспорядки и многое другое. Четвертого августа прошлого года руководитель группы Сицист Бетулинус и Викко Ларус решили устроить эксперимент и проверить, насколько успешно в Лаконии охраняется порядок, закон и справедливость. На следующий день молодые люди ограбили магазин Барбатуса. Судя по их заявлениям, они действовали одни, совершенно самостоятельно; никто им не помогал и никто не руководил ими.

На допросе в полиции возникло подозрение, не является ли их чистосердечное признание вымыслом, за которым стоит столь характерное для молодых стремление к оригинальности. Но подозрение сразу отпало, как только молодые люди в присутствии одиннадцати полицейских раскрыли два чемодана. В одном оказались все похищенные драгоценности, в другом — два светлых плаща, два красных шарфа, одежда господина и госпожи Барбатус и автомат. Госпожа Барбатус опознала все драгоценности и платье. Ничего не пропало, кроме одних лишь нейлоновых трусиков госпожи Барбатус, которые так и не удалось найти. Когда грабителей спросили, зачем они заставили потерпевших раздеться, Сицист Бетулинус беззастенчиво сказал:

— Просто нам хотелось пошутить.

— А зачем вы ставили печати?

— Это мне вдруг пришло в голову,— ответил Сицист Бетулинус.

Потом полиция восстановила весь ход ограбления; все было разыграно заново, и все повторилось точно, как и в первый раз. Итак, теперь мы можем сказать с уверенностью, что обстоятельства ограбления магазина Барбатуса выяснены детально и что виновники — Сицист Бетулинус и Викко Ларус — находятся в руках полиции. Воспроизвести ограбление оказалось не так просто, поскольку роль господина Барбатуса пришлось исполнить другому человеку. Известно, что бывший министр Гней Барбатус живет в настоящее время в Лондоне и работает в лаконийской редакции Би-би-си. После отъезда мужа госпожа Барбатус одна сохраняла и обслуживала магазин, ставший в основном туристской достопримечательностью.

Господин президент, господа министры! Дело Барбатуса успешно завершено, но теперь мы вступаем в полосу тяжелого внутриполитического кризиса. Все вынесенные приговоры придется отменить. И сделать это нужно публично, потому что истинные виновники написали подробный отчет о своих похождениях и продали сочинение газетам рептилий, а также одной иностранной киностудии. Следовательно, избежать огласки невозможно. Но тут все же есть некоторые существенные моменты, о которых помалкивают. Я имею на этот счет свою теорию:

а) Ограбление магазина Барбатуса, несомненно, было задумано и запланировано в партийном руководстве рептилий со специальной целью — представить нынешнее правительство в дурном свете перед всем миром.

б) Ограбление, несомненно, было инсценировано, ибо сегодня утром, когда полиция инсценировала его снова, госпожа Барбатус смотрела на Сициста Бетулинуса, как на старого знакомого, и сказала: «Теперь на мне все-таки хоть что-то надето».

в) Поскольку господин Барбатус знал, что драгоценности спрятаны в надежном ме-

сте, он с легкостью предложил огромную награду тому, кто найдет пропажу.

г) Когда дело приобрело международный характер, господин Барбатус бежал за границу и начал сколачивать эмигрантское правительство Лаконии, оставив свою жену в Палинодии со шпионским заданием.

д) Все время, пока длилось следствие по делу Барбатуса, рептилии настраивали общественное мнение против угрей; и именно сейчас, когда суд успел вынести пять смертных приговоров, они кладут на стол свой избирательный козырь, выпустив из рукава Сициста и Викко!

Господин президент, господа министры! Я жду ваших указаний, ибо сегодня в семнадцать часов начнется пресс-конференция и мне придется отвечать на вопросы газетчиков всего мира. Между прочим, если угодно мое мнение, то госпожу Барбатус следовало бы немедленно арестовать.

— Никаких новых арестов! — воскликнул президент и попросил Вульвиуса покинуть зал заседаний.

Минута прошла в молчании. Я и не догадывался, что этим самым правительство как бы почтило память своего министра полиции. Наконец президент Бос Таурус сокрушенно произнес:

— Пресс-секретарь Вульвиус прав: нам предстоит серьезный внутриполитический кризис. Надо признать, что в семье не без урода. Господа, следующее заседание состоится в тринадцать часов. А до тех пор мы обсудим создавшееся положение на малом совете министров.

Премьер-министр и министр иностранных дел проследовали за президентом в его рабочий кабинет. Остальные члены правительства поспешили заняться своими побочными делами. В вестибюле ко мне подошел министр юстиции и шепотом спросил:

— Что имел в виду президент, когда он сказал: «В семье не без урода»?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Мне кажется, он имел в виду либо министра полиции, либо министра юстиции.

Беспечно улыбнувшись, я оставил коллегу с его неспокойной совестью и побежал к машине. Хотелось поскорее увидеть Ламеллу и выслушать ее признание. Неужели она, подмигивая, сказала этому наглому юнцу: «Теперь на мне хоть что-то надето»?

Вот и наступил этот день, которого я в душе побаивался. С некоторых пор я стал замечать в ней какую-то натянутость и оглядку. Может быть, она обманывала и меня? Порой она избегала встреч. Не было ли это признаком нового увлечения? Возможно ли, чтоб какой-то начинающий медик... Кто-то сказал, что любовь слепа...

Я позвонил Ламелле. Служанка вежливо ответила, что госпожа полчаса как уехала отдыхать за город. Я утешал себя тем, что Сицист Бетулинус сидел сейчас в одиночной камере и что его жизненная карьера только-только начиналась. Мне и в голову не приходило, что моя карьера уже подходила к концу.

* * *

Когда правительство собралось на второе в этот день экстренное заседание, ему объявили мнение малого совета министров.

— Мы должны приготовиться к худшему, — сказал президент. — Государственная тайная полиция свидетельствует, что высшее офицерство армии недовольно нынешним положением. Я хорошо понимаю, что Договор о дружбе между Лаконией и Куропотамией принес разочарование тем, кто уже настроился активно защищать мир современным оружием. Для многих резко сократились возможности повышения по службе. Но руководство армии, видно, не учитывает, что Договор о дружбе дает Лаконии огромную экономию. Лакония сохранила по крайней мере двадцать пять тысяч своих парней и свою славу доброго пастыря. Но это еще не все. Я прошу вас принять во внимание огромную экономию денежных и материальных средств. И все же, несмотря на столь большую экономию, расходы на армию очень велики и положение страны исключительно серьезно.

Президент устремил взгляд на министра обороны, чей пушечный завод последние недели работал лишь в полнагрузки. Министр пожал ватными плечами и усмехнулся:

— Я ничего не знаю.

— В конце концов неплохо было бы знать что-нибудь, — жестко бросил президент. — На нас надвигается еще и другой кризис: государственная касса опять пуста. Малый совет министров предлагает правительству временно прекратить все выплаты. А поскольку кассовый кризис может затянуться надолго, малый совет министров предлагает далее, чтобы все члены правительства получили сейчас же свое жалованье за три месяца вперед. Убытки, которые явятся результатом понижения стоимости денег, мы постараемся потом возместить.

Это были, собственно, самые важные вопросы, рассмотренные на втором экстренном заседании. Проголосовав за решение правительства и воспользовавшись особой привилегией министра полиции, я на другой же день получил из государственной кассы свое жалованье за год вперед — для большей верности. Ибо я предвидел особенно затяжной кассовый кризис. Разумеется, в Финляндии ни о каких подобных действиях и речи быть не может, поскольку здешние кризисы не затягиваются надолго. Кроме правительственных кризисов, которые настолько постоянны, что их уже не считают кризисами.

Мой дорогой читатель может подумать, что человек, который спешит получить жалованье за год вперед, должно быть, влюблен в деньги. Нет, друзья мои! Я в ту минуту думал вовсе не о деньгах, а о том, как бы получить их побольше.

Глава двадцать вторая

Каждый, кто следит за событиями, происходящими в мире, должен хорошо помнить, что третьего июня 1959 года в Лаконии совершилась бескровная революция. Президента Боса Тауруса отстранили от власти, и руководимая рептилиями военная хунта составила правительство, которое возглавил генерал Эго Папула. На состоявшихся вскоре после переворота выборах единственный кандидат — нынешний президент — Септин Леперкус получил, кажется, все поданные голоса. Члены бывшего правительства содержались под домашним арестом и готовились предстать перед государственным судом. Лагеря заключения, опустевшие со времени дела Барбатуса, снова перешли на полную занятость, а лаконийский доллар пережил девальвацию.

Уже целую неделю я жил в своем доме в полной изоляции. Корвус и Кабаллус получали крайне скудные сведения о внешнем мире, потому что их тоже держали под строгим надзором. Мой тихий, уютный дом превратился в змеиное гнездо. Рептилии проводили в нем свои сборища, загнав меня в какой-то жалкий угол. В соседних комнатах расположились четырнадцать вооруженных стражников (по подсчетам Корвуса), в числе которых оказались бывшие мои верные сотрудники Марк и Путориус. Даже Марк! Он, правда, не показывался ни разу, хотя вся охрана, видно, подчинялась ему. Через Корвуса я послал Марку записку и просил его заглянуть в мою комнату. Два часа спустя он пришел, в новеньком мундире и с куропотамской сигарой в зубах. Его назначили начальником полиции Палинодии. Я не завидовал столь быстрому повышению, сознавая, что подлинная демократия нуждается именно в такого типа руководителях — простых и политически гибких. И даже хорошо, что у него мускулы сильнее мозгов. Ну кто же будет смотреть на мозги, если они не открываются даже в купальном костюме!

— Да, дрянь твое дело, Лепус Тимидус, — фамильярно проговорил Марк, сел за мой письменный стол и взгромоздил на него свои ножищи. — Меня маленько мутит с похмелья, но это пройдет. Они тебе сюда не дают, что ли, выпивки?

— Я же арестованный, — кротко ответил я.

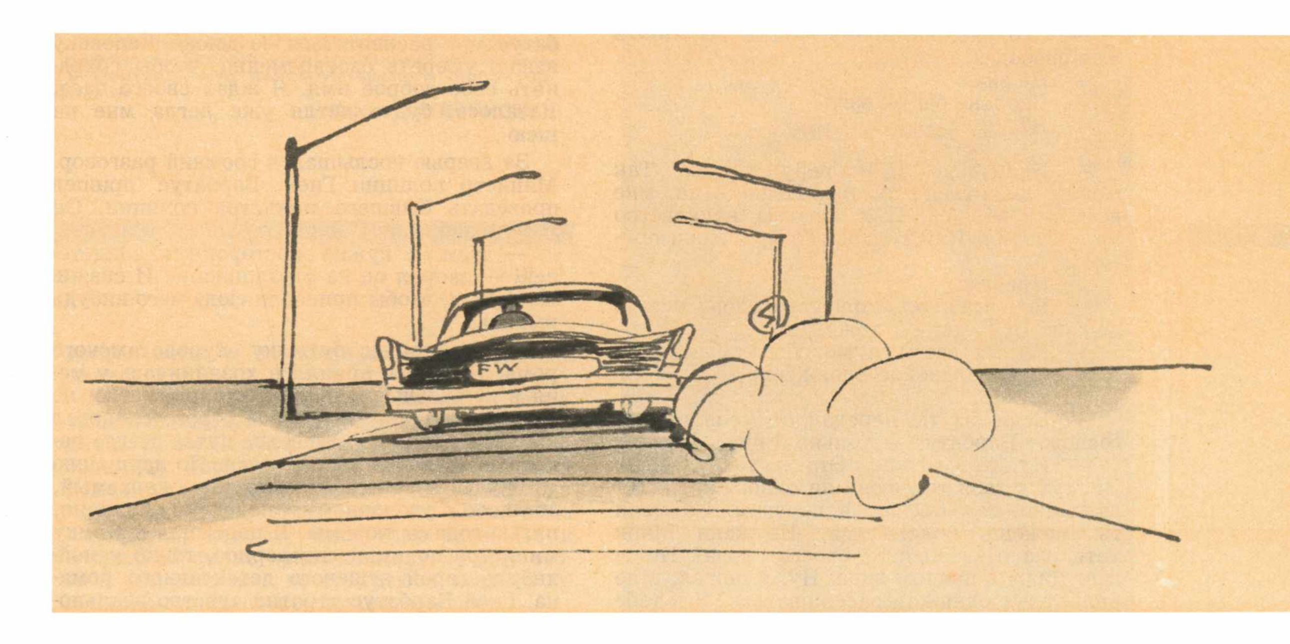
— Вообще-то, да. Но другим, по-моему, все же разрешили и напитки и прочие удовольствия. За исключением женщин. Да. Вот оно как получилось. Они предложили мне и Путориусу работать по-прежнему. Мы почесали-таки в затылке. Но когда они сказали, что все прежние годы службы нам зачтутся в пенсионный стаж, то мы решили продолжать. И эта наша контора теперь, слышь, тоже, говорят, у других хозяев.

— Мое бюро?

— Нет у тебя больше никакого бюро! Оно перешло к новому министру полиции.

— К новому министру полиции! Кто же он?

— Ах, да, ты же тут не получаешь газет... И радио у тебя забрали. Таков был приказ, чтобы никаких связей... Но я на это смотрю проще. По-моему, просто несолидно, когда у джентльмена отбирают пояс и подтяжки. Если кто захочет повеситься, так он всегда себе найдет какую-нибудь тесемку. Хоть от рубахи оторвет.

— Значит, в Лаконии новый министр полиции?

— Новый, новый. Мы сперва все не могли привыкнуть. Уж больно он любит закладывать за воротник. Но так, впрочем, приятный человек. Много знает, много ездил. Хотя, может, от всех поездок он только и запомнил, что названия городов да гостиниц, — так ведь и то чего-нибудь стоит.

— Кто же он?

— Кто?

— Новый министр полиции!

— Так разве ж я не сказал? Да, верно, не успел. Все тот же Гней Барбатус, хорошо нам всем знакомый. И ему не привыкать: в правительственном дворце знает все ходы и выходы. Ведь и раньше уж он там сидел. Только в другом кабинете.

У меня не хватило мужества скрыть потрясение. Я чувствовал, что слезы готовы брызнуть у меня из глаз. Вот они — наши победы и поражения! Сегодня ты, а завтра я. Сегодня ты на лужайке, завтра она покроет тебя... Но дело Барбатуса ведь все еще не закончено. Я посмотрел на развалившийся в моем кресле полицейский мундир, внутрь которого втиснулось восемьдесят килограммов живой массы, и горько сказал:

— И ты, Марк...

— Да, да, валяй, без церемоний. Я ведь теперь с большими господами на «ты».

Марк встал, хлопнул меня по плечу и посочувствовал:

— Я тебе откровенно признаюсь, что все это гадость. Но ничего не попишешь. Я всегда служу закону и справедливости. Мне совершенно все равно, кто сидит в седле и платит жалованье. Я, честное слово, очень огорчен, но ничем помочь тебе не могу. Теперь ты, Лепус Тимидус, единственный министр, который остался у нас под стражей.

— Значит, все остальные уже казнены? — спросил я, холодея от ужаса.

— Хе! Как бы не так! Зачем лишнюю кровь проливать? Страна и так уже сыта по горло казнями да убийствами. Этот наш Леперкус — мирный человек и, кажется, даже в бога верит. Он пока еще никого не убил.

— Зачем же тогда меня держат под арестом да еще так строго стерегут?

— За неимением других. Остальные все сбежали. Кто куда — в разные страны. У них были помощники. У настоящего политика всюду есть друзья, даже в чужой партии. А вот у тебя нет. Даже премьер-министр упорхнул с шиком — на самолете. Какая страна его приютила? Черт, не помню! Но он уже там сколачивает эмигрантское правительство. Слушай, я бы мог, пожалуй, распорядиться насчет выпивки...

— Спасибо, Марк. Мне ничего не нужно. Кроме твоей помощи...

— Помогать не могу. Я служу закону и справедливости.

— Сколько, по-твоему, могла бы стоить моя свобода?

— Не знаю.

— Сколько бы ты взял?

— Я?

— Да.

— Нисколько. Я не беру взяток. Так можно лишиться службы. Видишь ли, мне всегда доверяют. И я никогда начальство не подводил. Или подводил? Ну, скажи прямо.

— Никогда.

— Вот именно. Марк свое слово всегда держит. И Путориус тоже.

— Но ты все-таки мог бы сделать для меня хоть маленькое одолжение?

— Какое?

— Если бы ты передал от меня привет госпоже Барбатус,— только тайно...

— Ну, это можно. Это я хоть сейчас. Да, тут у тебя телефона ни одного нет... Ну да ладно, сам съезжу и передам. На меня ты можешь положиться. Неужели Марк хоть раз отказался от своего слова? Никогда. Даже в пьяном виде. Ну, я пошел. Мне нельзя тут слишком засиживаться. Я к тебе еще наведаюсь. Но только рассказывать я, конечно, ничего не могу. Не положено. Дал подписку о молчании. Черт побери, этого нам еще недоставало! Но ради отчизны я готов на все...

Старый, добрый Марк-Дубинка был неплохой человек. Может быть, он уважал своего бывшего хозяина, которому служил верой и правдой без малого четыре года? Не прошло и двух часов, как двое дюжих полицейских принесли в мою комнату контрабас. Все-таки были у меня друзья! Когда полицейские вышли, я запер дверь для верности на ключ, а затем открыл футляр и вынул мой драгоценный инструмент из его тесной тюрьмы.

— Ламелла! — воскликнул я, сгорая от нетерпения.— Как ты осмелилась? Нас могут застигнуть врасплох.

— Целуй меня! Скорее, скорее...

— Нас караулят.

— Только тебя. Милый, обними меня скорее... Я к тебе только на полчаса.

Эти полчаса были самыми счастливыми в моей жизни. Я больше не сомневался в искренности Ламеллы. Она любила меня и хотела вместе со мною бежать за границу.

— Секст нам поможет,— сказала она.

— Секст?

— Да. Его недавно назначили начальником государственной сыскной полиции. Он хочет отблагодарить тебя за добро. Он ждет меня внизу, в служебной машине. Милый, все уже продумано. Гней обещал посетить тебя в семнадцать часов. Если он еще будет на ногах. Не думаю, чтобы он преуспел на министерском посту. Он совсем помешался. На службу ходит, когда придется, в министерстве почти неуловим... Милый, я немного волнуюсь... Да, когда Гней придет к тебе, постарайся напоить его. Секст обещал устроить все остальное. Я буду ждать тебя у монастыря кармелиток в девятнадцать часов. Мы должны бежать. Куда угодно...

Ламелла то и дело поглядывала на часы, но старалась не выдавать своего волнения. Я целовал ее красивые губы, расточая какие-то банально ласковые слова. Она легла в футляр, улыбаясь, как смертник, которого ведут на электрический стул. Я закрыл крышку футляра и беззвучно отпер дверь. Двое полицейских вошли, не говоря ни слова, взяли футляр и понесли его назад, в машину, дожидавшуюся у подъезда. Я слышал, как кто-то из стражи сказал:

— Господин начальник! Они унесли обратно свою бандуру. Видно, наш музыкант сейчас не настроен играть.

Марк что-то ответил, но слов я не разобрал. Я начал подозревать, что и он мне друг. Во всяком случае, на него всегда можно было положиться. Десять минут я сидел и обдумывал сложившееся положение. Потом просто сидел и ждал. Минутная стрелка часов ползла медленно-медленно. Эдгар По, наверно, сумел бы описать это мучительное, давящее чувство. Около восемнадцати часов мною овладело сомнение. Может быть, меня хотели заманить в ловушку? Дьявольским, садистским способом. Вот когда Барбатус мог расквитаться со мною. Человеку важно умереть своевременно, чтобы сохранить свое доброе имя. Я ждал своего часа. Казалось, будто петля уже легла мне на шею...

За дверью послышался громкий разговор. Министр полиции Гней Барбатус пришел проведать бывшего министра полиции. Он хотел допросить меня по-джентльменски.

— Нам не нужно посторонних свидетелей! — заорал он на стражника.— И скажите слугам, чтобы принесли сюда чего-нибудь выпить.

Корвус принес бутылку куропотамского рома. Барбатус принялся хозяйничать у меня в доме. Он проявлял гостеприимство, не забывая, однако, и себя. Я строго следовал наказам Ламеллы. Женское чутье вернее надежнее мужской уверенности. По наущению Ламеллы я совершил поступок, караемый, согласно уголовному кодексу Лаконии, пятью годами тюрьмы. Я подсыпал в рюмку министра полиции снотворное, точно какой-нибудь герой дешевого детективного романа. Гней Барбатус утратил чувство реальности, ориентиры времени и места стали расплывчатыми. Он погрузился в прошлое и переживал его как настоящее.

— Господин министр полиции,— бормотал он, страстно сжимая мою руку.— Мы ведь с вами друзья. Я нисколечко не пьян... Слушай, Лепус Тимидус, я еще раз прошу тебя помочь. Твой авторитет имеет вес, и если ты поговоришь с членами правительства, то все устроится... Двадцать пять тысяч похорон... Да не смотри ты на часы... Или, скажем лучше, сорок тысяч. Твоя доля — десять процентов... Мне нужна монополия... Ламелла, Ламелла!.. Куда опять запропастилась эта потаскушка? Итак, если исходить из того, что мирные действия потребуют двадцать пять тысяч убитыми, то... Ламелла, Ламелла!

— Ламеллы здесь нет.

— Нет... здесь нет... Ну чего ты уставился? Я не пьян. А где же она?

— У себя дома.

— Дома... У нас дома... Дома у нас... Не-ет, она не дома! Она в больнице... Нет... да... Нет, конечно, она все-таки в больнице. Поэтому я и опоздал на час с лишним... Ну и ладно, оставим ее. Слушай же, господин министр полиции... Я, кажется, уже говорил об этой похоронной монополии, но я скажу еще раз...

— Твоя жена действительно в больнице?

— Да, да. Сломала ногу... Врет, конечно, все врет. И доктор врет, и полиция врет, все врут... И думают, что я поверю. Споткнулась, якобы на лестнице и — бух! — в футляр от контрабаса. Меня считают за дурака! В футляр от контрабаса, именно так мне сказали. И полиция исследует... Что они исследуют? Контрабас? Или мою жену? Или лестницу? Выпьем, господин министр! Я тебе доверяю, но меня нервирует, когда ты смотришь на часы... Монополия, должен тебе сказать... Что за черт! Неужели я не дома?.. Откуда взялся этот шкаф? Лепус,

ПАМИР — НЕ ТОЛЬКО ГОРЫ

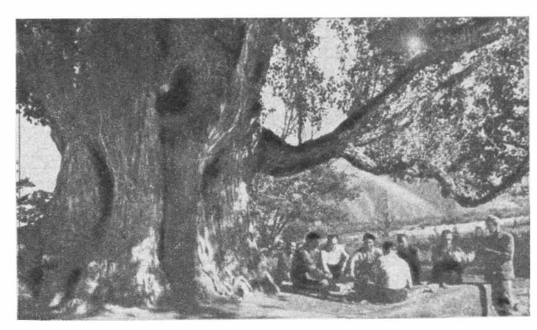
Памир прославлен как страна гор, но ведь это и край голубых озер. В них обитает множество рыбы. Только одно Сарезское озеро, образовавшееся в результате землетрясения в 1911 году, хранит несметные рыбные богатства.

На памирских озерах можно видеть небольшие лодочные флотилии. Это памирские рыбаки. Ежегодно они добывают около 50 тонн вкусной, нежной рыбы.

На снимке, который сделан на озере Булун-Куль, запечатлен момент лова османа звеном Рыскула Абдуразакова...

Памир — и край лесов, да еще каких! Вот на снимке вековой исполин — белый тополь. Четырнадцать человек не смогут обхватить его! Под одной веткой может разместиться целая «чайхана». Растет этот тополь в верховьях Ванча. Чтобы полюбить памирский лес, надо обязательно побывать в нем. Здесь водится много разных животных. В чащах и лесных зарослях обитают дикие козы, зайцы, лисы, волки, медведи.

Неограниченные возмож-

ности открыты в Верхнем Ванче для развития пчеловодства. Не требуя особых материальных затрат и рабочей силы, оно приносит колхозам большие доходы. Несколько лет назад в Верхнем Ванче была создана первая на Памире межколхозная пчелопасека, которая дает от 40 до 50 килограммов меда на семью. Необыкновенно душист и вкусен лесной мед!

Все большие доходы получают колхозники и от садоводства. В Верхнем Ванче наступила сейчас горячая пора: уборка и сушка плодов. Сотни центнеров сухих фруктов будут отправлены в города Таджикистана.

Не счесть богатств Памира. Последний наш снимок сделан в Гарм-Чашме. Что это? Исполинские ледяные сосульки? Нет, так выглядит одна из чаш горячего целебного источника. В Гарм-Чашме расположена самая высокогорная в стране здравница.

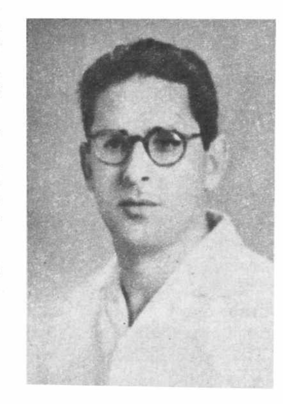
Ю. ЮРЕСКУЛ

Душанбе.

Фото автора и Н. Софьина.

ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТИ ОТЦА

Карл Фридман.

Сорок лет назад, в мае 1925 года, в Софии был казнен болгарский коммунист Марк Фридман. Москва приютила его детей: шестилетнего Карла и восьмилетнюю Рене. В журнале «Огонек» в 1928 году была помещена заметка о жизни этих ребят в детдоме. Где сейчас Рене и Карл? Как сложились их судьбы? Начались поиски, и вот письмо из Болгарии от Карла Марковича Фридмана.

С большой теплотой вспоминает он о годах, проведенных в Советском Союзе, о своей второй родине, давшей ему и его сестре возможность найти свой путь в жизни и быть достойным памяти отца, погибшего за свободную Болгарию.

Во время Великой Отечественной войны Карл Фридман сражался в рядах Советской Армии. Он был дважды ранен и контужен. В 1947 году Карл Маркович вернулся в родную Болгарию. Он пишет, что очень счастлив на родине, очень любит своих детей Петра и Стеллу, доволен своей работой в одном из институтов Софии, где руководит отделом.

Известна и судьба Рене: она окончила у нас медицинский институт, вышла замуж и работает сейчас врачом в пионерском лагере «Артек».

В. ПРИПУТНЕВ

Поют участники корабельного ансамбля «Березка»: «Шла «Анюта» по каналам, бороздила все моря, у московского причала опустила якоря!»

Фото А. Булкина.

1000-й рейс «Анюты»

Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Летний цирк Шапито. Начинается представление комической пантомимы «Пароход идет «Анюта». Сегодня юбилей: тысячное представление.

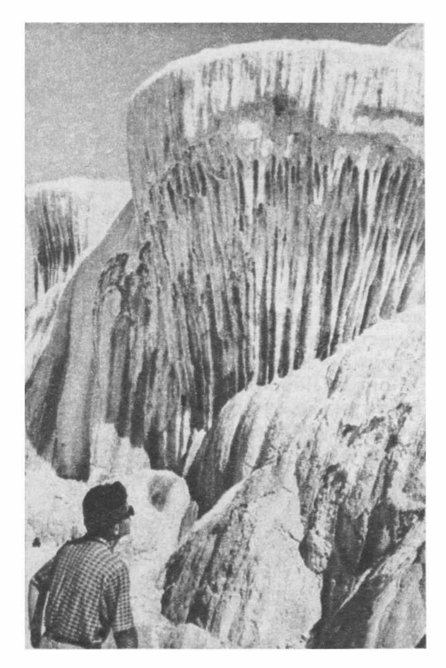
Спектакль создан в 1961 году. За четыре года «пароход «Анюта» причаливал ко многим берегам нашего Союза. Он побывал в Поволжье, на Дальнем Востоке, на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике. Два миллиона зрителей приветствовали исполнителей и еще больше, пожалуй, станут приветствовать. Было объявлено, что билеты юбилейного, тысячного, спектакля будут действительны и на двухтысячном представлении. Это, конечно, шутка. Но кто знает, может, так и будет?..

В антракте в адрес веселого экипажа «Анюты» посыпались дружеские поздравления и пожелания. «Цирк,— сказал кинорежиссер Гр. Чухрай,— это искусство смелых и красивых. Я бы хотел, чтобы артисты цирка так же любили кино и получали от него такое же удовольствие, какое я получаю от цирка».

От всей души пожелал счастливого плавания «Анюте» всемирно известный Олег Попов.

«Удачный опыт спектакля,— сказал режиссер Е. Рябчуков,— будет продолжен. К 50-летию Октября коллектив готовит новую сюжетную работу, а также детскую программу по мотивам повестей И. Василенко».

М. ЦЕБОЕВ

В КАФЕ ТРУДЯТСЯ... «РОБОТЫ»

В этом необычном кафе посетителей обслуживают... «роботы» — автоматические продавцы, кассиры.

...В зал, светлый и уютно обставленный, ведет красочно оформленная лестница. Звучит музыка. Автоматы предлагают кофе, какао, молоко, пиво, бульон, закуски, бутерброды, конфеты, папиросы. Сорок продавцов-«роботов» сплошным кольцом обступили зал. За день они могут обслужить... четыре тысячи человек.

...В кафе входит очередной посетитель. Он берет поднос, направляется к автоматическим продавцам. Опущена монета. Автомат быстро выдает покупку и сдачу. Минутный обход нескольких автоматов — и завтрак на подносе.

Посуда в кафе бумажная. Изящные стаканчики и тарелочки служат один раз. Позавтракав, посетитель ставит посуду на конвейер.

В торговом зале нет ни одного работника кафе. Только за широким стеклом виден человек, сидящий за автоматическим пультом управления. По сигналам, приходящим от всех автоматических продавцов, он следит за их «самочувствием». Счетчики показывают, сколько и чего продано. Даже выручку за день подсчитывают машины.

Это первое полностью автоматизированное экспресс-кафе разместилось в главном корпусе Московского энергетического института. Кафе спроектировали, построили и смонтировали конструкторы и инженеры Всесоюзного научно-исследовательского института и Центрального конструкторского бюро торгового машиностроения.

Вадим ЗАГОРЯНСКИЙ

кто поставил сюда этот шкаф? Пойдем в мою комнату...

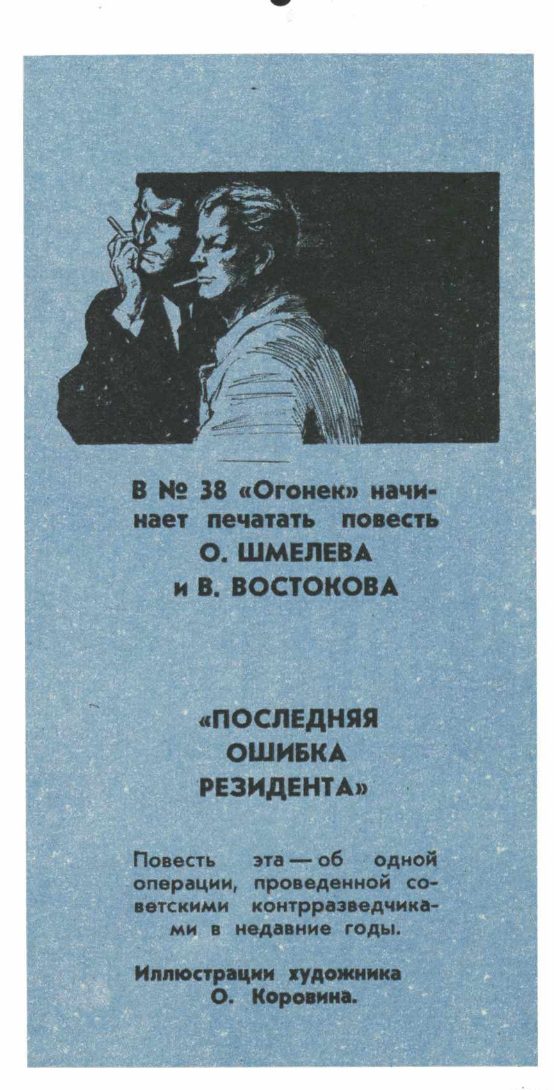
Я помог министру полиции Гнею Барбатусу подняться, и так, в обнимку, поддерживая друг друга, мы двинулись в путь. Стража как будто остолбенела, и ни одна душа не помешала мне проводить высокого гостя до министерской машины. Я сел рядом с ним на заднее сиденье. Подъехав к дому Барбатуса, шофер вызвался втащить хозяина домой. Я сел за руль и поехал кратчайшим путем к северной границе страны. Правительственную машину я оставил на земле Лаконии и дальше пошел пешком. Я взял с собой в дорогу лишь самое необходимое: бумажник, электробритву и пистолет. Неделей позже я прибыл в Финляндию. Мне сразу понравилась эта красивая страна Севера, где радио и газеты подробно пересказывают новости, переданные информационным агентством Лаконии. Но официальное агентство, естественно, о многом помалкивает. Из конфиденциальных источников мне стало известно, что правительство р е п т и л и й лишило Гнея Барбатуса министерского портфеля за не очень серьезные злоупотребления по службе, а его красивая жена Ламелла приговорена к пяти годам тюрьмы за антиправительственную деятельность и за поездки в футляре от контрабаса.

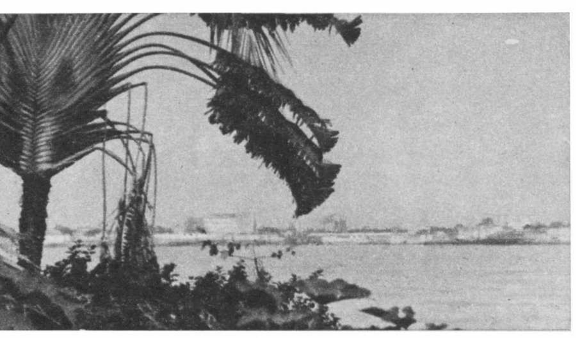
Я все время пристально слежу за политической жизнью моей горячо любимой родины. Дело Барбатуса привело к сокрушительному поражению у г р е й. Но до меня доходят слухи, что на предстоящих выборах для у г р е й послужит козырем новое дело Барбатуса, которое опять-таки приведет к очередной смене правительства. Я жду этого и тем не менее не собираюсь входить ни в какое эмигрантское правительство.

Хоть я и полюбил Финляндию, ее спортивный народ, ее эстрадных певцов, позабывших родной язык, оживленные дорожно-строительные работы на улицах Хельсинки, я все же не перестаю скучать по Лаконии. Нигде в мире нет такой свободы, такого высокого уровня жизни, такой культуры. Лакония — символ вечной свободы.

Мои признания могут показаться странными и сумбурными, порой даже наивными и невероятными. Но я не стремился к оригинальности. Как не стремился попасть в эмиграцию. Просто волею обстоятельств я вынужден был затронуть в моем рассказе нечто такое, о чем вообще помалкивают.

С финского перевел В. Богачев.

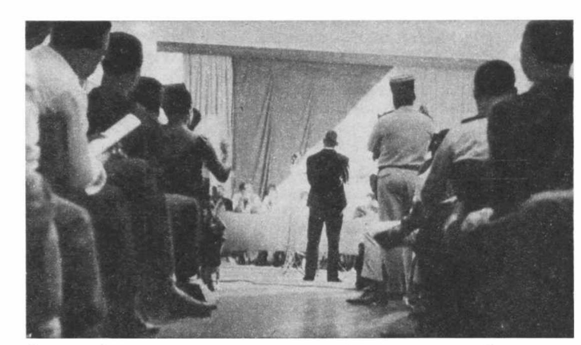

Там, за рекой,— Леопольдвиль.

Африканское искусство на улице.

Судят бывшего министра в правительстве Юлу.

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

ТЕЧЕТ РЕКА КОНГО...

Рассказы о дальних странах столь часто открываются описаниями того, что путешественник видит под крылом самолета, что я не рискнул бы начать так же, если бы не одно обстоятельство.

Самолет французской авиакомпании, который совершает рейс по маршруту Париж — Браззавиль, идя на посадку, делает разворот над самой серединой реки Конго, и почти одновременно на противоположных берегах видишь столицы двух Республик Конго — зеленые кварталы Браззавиля и высокие, современной архитектуры здания, стоящие в Леопольдвиле. И, конечно, саму реку, широкой полосой разделившую страны, которым она дала свое имя. Это зрелище, неповторимое само по себе, вызывает в памяти картины истории и заставляет задумываться над настоящим этого района Африки...

В 1880 году на южном берегу Конго, недалеко от того места, где теперь стоит Леопольдвиль, встретились два человека. Один из них был англичанином, другой — итальянцем. Первый происходил из семьи английских фермеров, второго украшал графский титул. Но, несмотря на это различие, в судьбах двух европейцев было много сходного. Оба они поменяли подданство. Англичанин стал гражданином Соединенных Штатов, а итальянец выбрал своей второй родиной Францию. Каждый из них в своей жизни понюхал пороху. Англичанин участвовал в Гражданской войне в США на стороне рабовладельцев-южан. Итальянец воевал в рядах французских колониальных войск в Алжире, усмиряя восстание кабилов. Оба не были новичками в Африке. Европейская пресса того времени превозносила заслуги обоих в исследовании африканского континента, расцвечивая их славу пышными словами.

Первого звали Джон Роулэндс, но миру он стал известен как Генри Мортон Стэнли — это имя досталось ему от приемного отца, торговца из Нового Орлеана. Второй, как и положено аристократу, носил имя длинное и звучное — граф Пьер Поль Франсуа Камиль Саворньян де-Бразза.

Встретившись, они не раскрыли объятия друг другу, не стали хлопать друг друга по плечу и интересоваться здоровьем. Ни тот, ни другой не были рады этой встрече. Но дело заключалось не в ревнивом соперничестве двух исследователей.

И Стэнли и де-Бразза привела в Африку болезнь, которой болела тогда капиталистическая Европа: колониальная лихорадка. Стэнли прибирал к рукам земли в районе бассейна Конго по поручению бельгийского короля. Де-Бразза занимался тем же от имени французского правительства.

Де-Бразза, заключив «договоры» с местными вождями на северном берегу Конго, считал, что он имеет «право» и на земли по южному берегу. Но Стэнли, прибыв туда раньше, вовсе не был склонен упускать «свою» добычу. «Договоры», заключенные де-Бразза, он назвал «клочками бумаги» — и был прав, хотя сам действовал столь же грубыми методами, как и его соперник.

«Малая Фашода» закончилась победой Стэнли. Де-Бразза уступил и вернулся на правый берег реки, где несколько матросов под командой французского сержанта охраняли основанный им сторожевой пост, который позже стал городом Браззавилем. А река Конго в среднем течении на долгие годы сделалась границей между бельгийской и французской колониями.

Теперь она разделила две страны с разными судьбами.

* * *

На экваторе только что кончился сезон дождей. По небу еще бродили тучи. Вечерами закатное солнце окрашивало их в темно-красный цвет. Было что-то тревожное в этих тучах, лохмато нависавших над городом, в неспокойных красках закатов.

Обычной чередой шла жизнь в Браззавиле. В здании на берегу Конго готовилась открыться сессия Национального собрания республики: оно должно было обсуждать новые законопроекты. По утрам мальчишки предлагали купить свежий номер газеты «Дипанда» («Независимость») — органа партии Национальное революционное движение. Каждый день на авеню маршала Фоша—центральной улице столицы — открывался настоящий праздник народного африканского искусства; ремесленники и художники раскладывали на земле свой товар — удивительно тонко сделанные фигурки из слоновой кости, деревянные маски, акварели, написанные в традициях браззавильской художественной школы Пото-Пото.

Я проехал по лесным дорогам западного района страны. Мирно и спокойно жили деревни, прячущиеся под густым зеленым покровом джунглей. На обочинах лежали связки бананов. Их можно было купить, не дожидаясь, когда появится продавец,— просто положить взамен взятых бананов несколько мелких монеток. От основной дороги в стороны уходили просеки, они вели к лесоразработкам. Оттуда огромные стволы деревьев везли в Пуэнт-Нуар, порт на берегу Атлантики. Лес — традиционный предмет экспорта республики.

Но эти мирные картины были не всей правдой о жизни страны. В Пото-Пото, африканском квартале Браззавиля, я видел, как, топча пыль босыми ногами, маршировали ребята по 15—16 лет. Они учились держать строй, и это были их первые уроки в защите родины. Когда наступала темнота, на дороги выходили бригады бдительности, состоящие из членов ЖМНР — молодежной организации Конго. По ночам страна вручала им свою судьбу.

В Браззавиле государственный секретарь по делам молодежи Клод-Эрнест Ндалла говорил мне:

— Взгляни на карту. Наша граница с Конго (Леопольдвиль) тянется почти на тысячу километров. Иметь такую границу с Чомбе — серьезная проблема. Там — американцы, они готовы на все, чтобы держать в своих руках богатства африканской земли. Дальше — граница с Кабиндой, где сидят португальцы. И на севере есть страны, которых, как известно всем, нельзя назвать по-настоящему независимыми. Понимаешь, почему каждую ночь бригады бдительности выходят на дороги?

Я знал, что незадолго до моего приезда в Браззавиль таможенники вскрыли прибывшие в страну ящики, на которых было написано: «Апельсины». В ящиках оказалось оружие. Контрабанда предназначалась для врагов республики.

Я знал, что во французской газете «Фигаро» было напечатано интервью с бывшим президентом Республики Конго аббатом Юлу, арестованным после революции и ухитрившимся сбежать за реку, во владения Чомбе. В интервью Юлу заявлял, что для него невозможно «долго пребывать в бездеятельности».

Шел второй год революции...

Дважды за последние годы август становился для конголезцев месяцем перемен.

В первый раз это было в 1960-м. Конго получило независимость. У страны появился свой флаг, свой гимн и свой президент. Им стал аббат Фюльбер Юлу. Впрочем, настоящим аббатом он не был. Еще раньше его лишили духовного звания за излишнее пристрастие к мирским делам. Однако Юлу не обратил на это внимания и продолжал носить облачение священника. Сделавшись президентом, он заказал в Париже у Диора новые сутаны — белые, зеленые, пурпурные. Эти цвета выглядят очень

Фото автора.

Берег Атлантики. Огни Пуэнт-Нуара.

РЕСПУБЛИКА КОНГО (Браззавиль)

На женском празднике.

Браззавиль. Здание Национального собрания.

Артисты африканского балета в перерыве между танцами.

эффектно под ярким африканским солнцем. Аббат был не только щеголем, но и лакомкой. Всем напиткам он предпочитал шампанское «Кордон Руж» фирмы «Мумм», его привозили в ящиках из Франции. Оттуда же везли все остальное, что было нужно для роскошной жизни президента и его окружения.

А вокруг этой кучки людей, купавшейся в удовольствиях, распоряжавшейся казной, как своим карманом, бедно и жалко жил народ, которому независимость не дала ничего.

В западной печати Юлу называли «умеренным». Его умеренность выражалась в том, что он ничего не менял внутри страны, а за ее пределами устанавливал дружеские связи с такими людьми, как Чомбе. В 1960 году, когда к югу от реки Конго развертывались бурные события, когда по всей Африке гремело имя Лумумбы, как набат, призывающий к борьбе, Браззавиль казался спокойным местом. Затерянная в джунглях страна представлялась Западу образцом того порядка, который он мечтал установить в Африке и название которому — неоколониализм.

Но время неотступно шло к августу 1963 года, к тем трем дням—13, 14 и 15,— которые сейчас в Республике Конго называют «три славных дня».

О революции 1963 года мне рассказал Жюльен Букамбу, вице-председатель Национального собрания республики, один из руководителей профсоюзного движения в стране и видный работник партии Национальное революционное движение. И начал он рассказ об этих августовских днях, которые открыли новую страницу истории страны, издалека, с предшественников тех, кто привел революцию к победе. От него я узнал об Андрэ Матсуа, человеке, еще в 30-х годах выступившем против колониальной политики и умершем в тюрьме — по официальным данным, от болезни, а по неофициальным — от побоев, полученных во время заключения. Мне стало известно о Мембо и его брате, которые были публично расстреляны за неподчинение колониальным властям. Последними словами Мембо были: «Я умираю за то, чтобы моя родина стала свободной». Я услышал страшную повесть о том, как колониальные власти выслали шесть тысяч человек из Конго на верную смерть в Чад— лишь восемь из них вернулись на родину живыми.

Тихое и спокойное «Среднее Конго», как называлась эта страна в период колониализма, на самом деле было полно взрывчатого материала.

Руководящей силой августовской революции в Конго были профсоюзы. Они готовили людей к борьбе за свои права, они встали во главе этой борьбы. Подписанное в июле 1963 года соглашение о единстве действий между пятью профсоюзными организациями страны стало оружием революции. Среди этих организаций была и Всеобщая конфедерация африканских трудящихся, во главе которой стоял Жюльен Букамбу.

Браззавиль перестал быть спокойным городом. Полный безработных —19 из каждых 20 человек не имели работы,— он стал городом, готовым к взрыву.

Юлу тоже начал действовать. Он запретил все собрания по всей территории страны. 4 августа во время митинга протеста против этого решения полиция арестовала Эме Матсику, одного из лидеров движения. Народ освободил его силой и поджег полицейскую машину. Демократические силы назначили на 13 августа всеобщую забастовку.

В дни революции родилась веселая и грозная песенка, которая живет в республике и сейчас. Ее слова были просты и говорили о том, что думали все:

«Юлу разворовал все.
Но мы построим новое Конго.
Для этого нужна только свобода».

Площадь в Браззавиле, которая раньше называлась Вокзальной, теперь носит имя Свободы. Здесь 13 августа 1963 года революция дала первый бой жандармам и полиции.

В ночь на 13 августа были арестованы три руководителя профсоюзного движения. Народ узнал об этом, когда рано утром сотни людей собрались на этой площади, у здания биржи труда. Но биржа труда еще раньше была занята полицейскими и жандармами. Они стали разгонять негодующую человеческую массу. Полетели гранаты со слезоточивым газом, раздались выстрелы. Люди ушли с площади — но только для того, чтобы двинуться к тюрьме. Тюрьма была взята штурмом. Это был настоящий штурм. По людям стреляли. Трое были убиты. Но тюремная твердыня пала, и все политические заключенные вышли на свободу. Вслед за тюрьмой народ захватил радиостанцию и здание Национального собрания.

В тот же день Юлу был вынужден освободить трех профсоюзных руководителей, которых держали отдельно от всех, в жандармском лагере.

О революции в Конго на Западе писали, что она произошла стихийно. Но это было не так. Революция в Конго была сознательным действием народа. Ею руководили люди, которые ставили понятные и ясные цели. Когда накал революционной борьбы достиг высшей точки, было выдвинуто требование: долой Юлу!

По западной окраине Браззавиля идет дорога, которую сейчас называют дорогой революции. Она связывает два африканских квартала города — Пото-Пото и Баконго. Для решающего штурма ненавистного режима нужно было установить связь между этими кварталами. Проехать прямо через город было невозможно: улицы были заняты полицией и жандармами, в городе находились части французской армии. Французские солдаты охраняли и президентский дворец.

В истории конголезской революции есть одна маленькая деталь, которая многозначительно говорит о солидарности настоящих людей. В числе французских военных, знавших расположение частей французской армии и местных «сил порядка», был коммунист. Он и рассказал руководителям революции о том, что дорога по западной окраине Браззавиля свободна.

14 августа Браззавиль продолжал бурлить. Люди нападали на виллы министров правительства Юлу и поджигали их. Перепуганный аббатик заявил из своего дворца, что он готов дать отставку своим министрам. Одновременно с этим он вел переговоры с Парижем, пытаясь добиться приказа для французской армии стрелять в народ. А во французском посольстве в это время надрывно выли телефонные звонки. Все, у кого был телефон, звонили в посольство и требовали: «Не пускайте в ход французское оружие. Не вмешивайтесь. Иначе мы не можем отвечать за будущее».

В ночь с 14 на 15 августа по дороге на западной окраине Браззавиля из Пото-Пото в Баконго двигалась машина без огней. Она шла медленно, потому что в тропиках ночи очень темны. Но эта темнота помогала оставаться незамеченными. В машине ехали трое, включая Жюльена Букамбу. Один из трех под стелькой своего ботинка вез документы: список временного правительства и распоряжение о том, когда и какими путями двигаться завтра на дворец президента.

Связь между африканскими кварталами была установлена. И 15 августа утром несколькими колоннами люди двигались с двух сторон к дворцу Юлу. Они шли уверенно и решительно, подняв вверх руки. У них не было другого оружия, кроме этой решимости победить. Юлу, заткнув уши руками, кричал французским солдатам: «Стреляйте! Стреляйте же!»

Но из Парижа приказ стрелять не поступил. Французские солдаты имели распоряжение лишь охранять дворец. А конголезская армия уже была на стороне народа.

Перед дворцом президента непрерывно шли митинги. Во дворец была направлена делегация, которая передала Юлу требование о его отставке. Аббата заставили написать заявление об уходе от власти.

В 13 часов 05 минут эта бумага была прочтена тем, кто плотной толпой окружал дворец.

Революция победила.

Два года — небольшой срок. За два года трудно ликвидировать все, что оставил в наследство народу Конго колониализм и продажный режим Юлу. Но с той же решимостью, с которой люди шли на штурм дворца президента, они сейчас заняты строительством своей страны.

В стране создана единая партия, которая руководит усилиями народа. Профсоюзы Конго объединились в одну Конфедерацию, ставящую общие для всех цели. Руководители страны выдвигают задачи развития промышленности, подъема сельского хозяйства, реорганизации системы образования.

Два года революции внесли новый дух в сердца людей, будят новые мысли в их умах, ставят новые идеалы.

Сейчас в Браззавиле самый популярный значок — значок с изображением Ленина. Я видел этот значок у многих: у члена рабочей бригады движения, которое называется «Засучим рукава», и у конголезца — служащего французского банка, и у молодого парня, который приходил в посольство СССР в Браззавиле, чтобы узнать, как можно поехать учиться в Москву.

А самое распространенное слово —«социализм». Чтобы вывести свою страну на новую дорогу, конголезцы обращаются к идеям, которые в наше время воплощаются в великие свершения.

В Браззавиле я присутствовал на суде, где народный трибунал разбирал дела бывшего президента и его министров. Сбежавшего Юлу судили заочно. Этот суд был словно прощанием с прошлым.

В небольшом зале Министерства информации было полно людей. Еще несколько тысяч собрались вокруг здания. Из зала суда на улицу были выведены репродукторы, и каждый мог слышать, что происходит внутри.

Бывшего президента приговорили к смерти. Ему предъявили длинный список преступлений, совершенных им за время правления. Среди них были обвинения в растрате государственных средств, убийстве демонстрантов во время революции и соучастие в убийстве Патриса Лумумбы. Все, кто присутствовал на процессе — в зале и на улице,— приветствовали приговор бурным одобрением.

Перед судом прошла вереница людей, которых Юлу поставил у власти. Не все они были признаны виновными: революция судила справедливо. Но большинство из них оказались людьми мелкими и ничтожными. Один из министров крал доски, предназначавшиеся для строительства колледжа. Из этих досок он построил свое питейное заведение. Другие находили иные пути приобщиться к государственной казне. Один из министров, отрицая свою вину в том, что он противодействовал революции, сказал: «Как только началась революция, я спрятался в своем доме и не показывался на улицу». В целом это было довольно типичное правительство, которое создают колонизаторы в стране, где они хотят быть хозяевами.

И все это принадлежало прошлому.

Еще один раз я встретился с прошлым в кинотеатре в центре Браззавиля. По экрану с развеселой песней шагали «пара́»— парашютисты французских экспедиционных войск. Шла старая комедия середины пятидесятых годов «Любовь спускается с неба». Титры сообщали, что она была изготовлена по заказу французского военного командования. Картина была столь откровенной рекламной киномакулатурой, что французскую прокатную компанию, занимающуюся показом фильмов в Африке, было трудно даже заподозрить в каких-нибудь пропагандистских целях. Компания крутила ленту, выжимая из нее остатки того, что она могла дать. А дать она могла сущую ерунду — большой зал кинотеатра в центре европейского квартала Браззавиля был почти пуст.

Да и само появление на экране колониальных вояк в пятнистых маскировочных одеждах выглядело сейчас здесь каким-то глупым анахронизмом.

Но прошлое было рядом. Там, за рекой Конго, лежала огромная страна, где у народа была иная судьба.

На обоих берегах Конго стоят памятники: в Браззавиле — де-Бразза, в Леопольдвиле — Стэнли. Но они значат не одно и то же.

Де-Бразза — память о том, что ушло...

Стэнли стоит, как мрачный символ сегодняшнего дня, как напоминание о том, что не вся Африка свободна.

Но время не останавливается, и наступит день, когда вся река Конго будет течь в свободных берегах.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент
«Огонька»

Макс Клаузен.

Фото Дм. Бальтерманца.

МАКС КЛАУЗЕН — РАДИСТ РИХАРДА ЗОРГЕ

ДО ТОКИО

У него низкий, чуть хрипловатый голос. Такой должен быть у старого моряка. Он действительно морячил в свое время. Ходил в Швецию, Норвегию, Англию, Данию, Японию, на остров Кюрасао, в Батуми.

В двадцать седьмом году вступил в коммунистическую партию.

Однажды он перегонял из Гамбурга в Мурманск трехмачтовую рыболовную шхуну, купленную Советской Россией.

По Мурманску ходил, осматривался с удивлением. Здесь строили порт. Куда меньше, чем в Гамбурге. Но что-то здесь он увидел такое, отчего было очень интересно ходить и смотреть, как работают люди...

На маленьком торговом суденышке отбыл в свой Гамбург, а в голове засело — снова побывать в Советском Союзе. И побывал. Это было в двадцать восьмом году. Окончил в Москве школу радистов и в марте двадцать девятого в поезде через всю Сибирь уже катил в Шанхай. А еще через восемь месяцев в отеле «Катей» произошла его первая встреча с Зорге. Отныне они должны были работать вместе. Зорге — шеф. Макс — подчиненный. Радист.

Макс поселился в пансионе, который держал венгр. За сорок долларов в месяц — комната под крышей и стол. Под крышей удобно — для антенны. Радиопеленгаторов тогда еще не было, и переносить рацию с места на место не приходилось. Шанхай был международным разведывательным центром. В магазинах свободно продавались радиодетали, из которых можно было смонтировать рацию на любой вкус. Таких раций в городе были сотни. «Стучали» все кому не лень...

Рядом с Максом снимала комнату молодая девушка-финка. Ее звали Анни.

Анни мало интересовали занятия Макса. Это он тщательно проверил и успокоился. Но вот сам он вдруг начал весьма сильно интересоваться Анни. И лишился спокойствия. Радист влюбился. Скоро понял, что это серьезно. Надо посоветоваться с Зорге. Зорге попросил познакомить его с финкой. Макс сделал это в каком-то ресторане. Сидели втроем за столиком. Рихард несколько раз танцевал с Анни. Потом, улыбнувшись, шепнул Клаузену:

— У нее красивые глаза.

И хлопнул пунцового Макса по плечу.

Прошло некоторое время, и Рихард разрешил Максу рассказать Анни о своей работе. Макс рассказал. Анни кивнула благодарно и ответила:

— Я догадывалась, но не хотела спрашивать, не хотела, чтобы тебе пришлось меня обманывать.

И очень скоро Анни стала отличной помощницей в работе.

Прошло три года. В тридцать третьем Макс и Анни вернулись в Союз. Длительный отдых в Одессе, на берегу Черного моря. Потом — разведшкола. Макс передавал там свой большой опыт разведчика-радиста молодым ученикам. Наступил тридцать четвертый. И произошло непонятное...

Вместе с Анни Макса отправили на Волгу, в Красный Кут, под Энгельс, в Республику немцев Поволжья. Без всяких объяснений. Приказали ехать — и все. Макс не понимал: почему его, опытного радиста, уволили без объяснения причин из школы и отправили ремонтировать тракторы в МТС Красного Кута? Не понимала этого и Анни. Может быть, временно? Но прошел месяц, другой, третий... О Максе Клаузене никто не вспоминал.

Макс не привык ходить без дела. У него была хорошая голова и умелые руки. МТС так МТС. Работал безотказно. В Красный Кут пришли первые тогда радиоустановки. Максу поручили проверять их и налаживать. А скоро он уже организовал первую в Поволжье радиосвязь между МТС и полевыми тракторными бригадами. Затея понравилась. Его вызвали в Энгельс, благодарили, просили наладить это полезное дело по всей республике. Начались горячие дни. Анни дома вела хозяйство. Макс колесил по городам Поволжья...

И вот весной тридцать пятого года его снова вызвали в Энгельс к одному из секретарей обкома.

— Вас просят приехать в Москву по месту вашей прежней работы,— сказал секретарь.

Макс привык к новой работе. Она была нужна республике. Его ценили здесь. Жалко было покидать с таким трудом налаженную жизнь. Да и что говорить: жила в сердце обида за тридцать четвертый год.

— Я не поеду,— сказал Макс.

Прошло несколько дней, и его снова вызвали в Энгельс.

— На ваше имя получено вот это,— сказал секретарь и протянул телеграмму.

Через два дня Макс уже был в Москве, а еще через день увидел Зорге.

Через несколько месяцев после отъезда Зорге в Японию, получив на руки заграничный паспорт и 1 800 долларов, отправился из Москвы в далекий и сложный путь Макс Клаузен.

Благополучно доехав из Ленинграда до Стокгольма, Макс сел там на самолет, который доставил его в Амстердам, а через несколько дней Макс уже был в Париже. Там он превратился в туриста Тиддельмана. Туристу необходимо путешествовать. И Тиддельман отправился в Англию, а оттуда в Вену. За десять дней он успел выполнить всю свою туристскую программу, вернулся во Францию и оттуда на океанском лайнере «Лафайет» отбыл в Нью-Йорк.

Уже приближаясь к Нью-Йорку, турист случайно бросил взгляд на свои документы и заметил, что вклеенная в паспорт страничка с его, Макса Клаузена, фотографией и подписью Тиддельмана несколько изменила цвет. Возможно, это было влияние морского воздуха, возможно, играли роль другие причины. Во всяком случае, молчаливый Тиддельман при встрече с пограничным офицером на пристани в Нью-Йорке превратился в болтливого весельчака, который засыпал офицера шутками, остротами, анекдотами и рассказами о том, как он стремится возможно скорей вернуться после отпуска, который был использован для поездки в Европу. Оглушенный веселой болтовней, офицер поспешил отделаться от туриста и не обратил внимания на цвет злополучной странички.

Таким образом Макс Клаузен беспрепятственно пересек границу Соединенных Штатов Америки и поселился в отеле «Линкольн» в Нью-Йорке. И скоро турист Тиддельман прекратил свое беспокойное существование. Его паспорт с подозрительной страничкой был разорван на клочки.

К генеральному консулу фашистской Германии в Нью-Йорке явился немецкий моряк Макс Клаузен и рассказал, что, плавая по всему миру, он три года назад сошел на берег в Соединенных Штатах и все это время жил здесь, работал в одной из механических мастерских под Нью-Йорком. Но теперь, рассказывал Макс Клаузен, ему здесь разонравилось. И он хочет вернуться на родину. Для этого ему надо сменить паспорт, так как старый был действителен лишь до тридцать третьего года.

Консул выслушал Макса внимательно. Так же внимательно просмотрел паспорт. Он был настоящим и свидетельствовал о кочевой жизни моряка. Консул произнес короткую речь на тему о том, что немец всегда должен оставаться немцем, даже вдали от родины, и что он, консул, приветствует решение немецкого моряка Макса Клаузена оставаться гражданином третьего рейха. Затем он взял с моряка клятву, что все рассказанное им—чистейшая правда, и выписал ему новенький паспорт. Настоящий имперский паспорт, со всеми необходимыми печатями, подписями и фотокарточкой! Без единой вклеенной страницы! Через несколько дней бывший моряк сел в Сан-Франциско на японский пароход «Тацутамара» и отбыл в Японию.

Этот долгий и сложный план передвижения из Москвы в Токио, разработанный заранее, преследовал две цели. Первая — получить настоящий паспорт на имя настоящего Макса Клаузена. Вторая — сбить со следа любую возможную в будущем проверку, кто такой Макс Клаузен и откуда он приехал в Японию.

По указаниям, полученным еще в Москве, Макс должен был остановиться в Токио в отеле «Само» и каждый вторник в течение года ходить между шестнадцатью и восемнадцатью часами в бар «Блю рибон», чтобы встретиться с Рихардом Зорге.

Приехав в отель «Само», Макс увидел внизу, около портье, объявление, извещавшее о том, что в немецком клубе неподалеку проводится вечером костюмированный бал для немецких граждан, проживающих в Токио.

«Удобный случай для добропо-

рядочного немца познакомиться со своими соотечественниками в Токио», — подумал Макс.

Он принял ванну, побрился и, надев вечерний костюм, отправился в клуб. В вестибюле была открыта выставка картин какого-то местного немецкого художника. Среди других гостей картины рассматривал высокий человек, одетый в костюм берлинского сосисочника — фрак, цилиндр и лоток с сосисками на животе. Макс тоже принялся рассматривать выставку. Случайно он задел сосисочника. Тот обернулся. Зорге! Рихард безразлично посмотрел на Клаузена, только в глазах мелькнула искорка радости. А Максу стоило большого усилия воли не броситься другу на шею.

Когда гости собрались, Макс подошел к председателю клуба и представился как новый член немецкого землячества в Токио. Тут же к председателю подошел по каким-то своим делам веселый сосисочник.

— Я думаю, вам приятно будет, герр Зорге, познакомиться с нашим соотечественником, который собирается обосноваться в Токио,— сказал отлично воспитанный руководитель клуба.

Крепкое рукопожатие Рихарда, которое ощутил Макс, доказало, что Зорге действительно было приятно это «знакомство».

Итак, вторая удача, мастерски использованная Зорге,— они «впервые познакомились» в Токио, и свидетель тому — видный нацист, председатель клуба. На том же вечере Зорге и Клаузен условились о следующей встрече...

ТОКИО

Прежде всего надо было собрать радиостанцию. Здесь это оказалось неизмеримо труднее, чем в Шанхае. За каждым, кто покупал радиодетали в подозрительном количестве, сразу же устанавливала слежку японская контрразведка.

Макс с этой задачей справился. Его рация умещалась в портфеле и в случае необходимости мгновенно разбиралась и собиралась.

У японской контрразведки была аппаратура для пеленгации, полученная у немецких партнеров. Аппаратура довольно точная. Значит, надо было постоянно менять место выхода в эфир.

У Клаузена не было установленного времени для выхода в эфир. Всегда, в любое время дня и ночи, где-то на родной земле, которая была так недалека от берегов Японии, сидели около радиоприемников люди и ждали, когда в тесном, переполненном звуками эфире появится характерный почерк Макса Клаузена, радиста Рихарда Зорге.

Иногда Макс вел передачи и из своей мастерской. Это обычно делалось по воскресеньям, когда в мастерской никого не было.

Тут настало время рассказать, что за мастерская была у бывшего моряка Макса Клаузена.

Максу необходимо было показать, на какие средства он живет. По совету Зорге он вошел компаньоном в маленькое дело некоего Ферстера, занимавшегося ремонтом велосипедов и мотоциклов. Мастерская Ферстера хирела. Макс, войдя в дело, внес свой пай и предложил, кроме ремонта, заняться еще и продажей немецких мотоциклов марки «Цундап». Первым покупателем мощного мотоцикла немецкой фирмы стал известный немецкий журналист в Токио Рихард Зорге.

Это было патриотично. Два немца продают в Токио немецкие мотоциклы. Немецкий журналист покупает именно немецкий мотоцикл. Так и должно быть.

Однажды — это было в тридцать восьмом году — Клаузена разбудил в четыре часа утра телефонный звонок. Говорил немецкий врач Якоби, работавший в одном из японских госпиталей в Токио.

— Немедленно приезжайте в госпиталь. Ваш друг Зорге попал в аварию. Ему требуется срочная помощь...

Макс, еще не очень хорошо понимая, что случилось, оделся и вместе с Анни помчался на машине в госпиталь.

— Понимаете, он ехал на этом чертовом мотоцикле, купленном у вас, и около американского посольства наскочил на камень,— рассказывал Якоби, пока Макс и Анни шли к палате, где лежал Зорге.— Видимо, перелетел через руль и упал лицом на груду камней. У него проломлен череп, сильно повреждена челюсть. Его привезли сюда, хотели раздеть, но Зорге никого не подпускает к себе. Говорить он не может. Мне сказал только два слова: «Позвоните Клаузену». Я сразу и позвонил.

— Он не терял сознания? — задал Макс тревоживший его вопрос.

— К моему удивлению, нет. Все время в полном сознании. И после таких травм! Не знаю, на чем держится! И о чем он собирается с вами говорить, ума не приложу, ведь он не может даже двинуть языком!

— У него бывают такие чудачества,— поспешил успокоить врача Макс.

— Очень вас прошу, повлияйте на него, иначе я не могу ручаться за его жизнь,— сказал Якоби.

— Хорошо,— ответил Макс,— только оставьте нас одних.

Макс вошел в палату. На кровати лежал окровавленный Рихард. Он сделал попытку что-то сказать, но не смог. Только показал глазами на свой вымазанный грязью и кровью пиджак. Макс быстро вынул из карманов все бумаги и ключи и переложил в свой пиджак. Рихард облегченно вздохнул и тут же потерял сознание.

Макс вышел из палаты. У дверей стояли японские врачи и доктор Якоби.

Макс отдал Анни бумаги, которые извлек из пиджака Зорге, а сам поехал к нему на квартиру, чтобы на всякий случай очистить ее от всех подозрительных материалов.

Однако эта предосторожность оказалась лишней. Через несколько часов, узнав об аварии, в которую попал общий любимец, уважаемый нацист Зорге (Рихард состоял членом национал-социалистской партии), германское консульство побеспокоилось о том, чтобы в квартиру Зорге никто не проник во время отсутствия хозяина. Представители консульства пришли и опечатали двери внушительными сургучными блинами.

Дела в магазине Ферстера — Клаузена между тем отнимали так много времени, что стали мешать основной работе. Кроме того, Макс зависел от компаньона. Посоветовавшись с Зорге, Клаузен вышел из дела и открыл на скопленные средства копировальную мастерскую, где производил копировальную работу для различных учреждений и частных лиц. Как настоящий немец, Макс оснастил свою контору наисовременнейшим немецким копировальным люминесцентным оборудованием производства фирмы «Шеринг и К°». Копии с чертежей и рукописей получались отличнейшего качества. Зорге, связанный с газетным миром, позаботился о рекламе. И скоро к Клаузену потекли заказы. А через непродолжительное время клиентами Макса Клаузена стали и некоторые отделы японского военного министерства. Конечно, Зорге не рассчитывал на то, что Клаузену поручат снимать копии с секретных документов. Цель была другая — контакты.

...Анни выехала из Москвы после того, как Макс установил радиосвязь с центром. Из Владивостока с паспортом на имя Эмми Кёниг она попала в Шанхай, а оттуда со своим старым девичьим паспортом отправилась в Токио. В Токио Макс повел Анни к немецкому консулу и сказал, что она его невеста, с которой он был помолвлен еще в Шанхае, но так сложилась судьба, что они не могли раньше обвенчаться. Анни был выдан новый паспорт на имя Анни Клаузен, и она вторично стала законной женой своего Макса.

В Японии Анни была курьером у Зорге. Несколько раз она ездила в Шанхай, перевозила почту. Шла война между Японией и Китаем. Шанхай был оккупирован японцами. Японские военные тщательнейшим образом проверяли и часто обыскивали пассажиров парохода. Любой неосторожный поступок мог стоить Анни жизни. Но Зорге верил в нее, верил в ее смелость, в ее находчивость. И Анни Клаузен сделала наибольшее количество курьерских поездок в Шанхай из всех, что были организованы Рихардом Зорге.

Только один раз поездка Анни прошла в относительной безопасности. Рихарду удалось через своих друзей (помогли и контакты, установленные в копировальной мастерской Клаузена) устроить Анни на японский военный самолет, который вез из Токио в Шанхай каких-то высокопоставленных японских генералов. Под широкой юбкой миловидной пассажирки Анни Клаузен в специальном поясе была спрятана ценнейшая секретная почта. Это было в сорок первом году. И это была последняя поездка Анни в Шанхай.

18 октября 1941 года в восемь утра Макса и Анни арестовали.

Больше Макс не видел Рихарда Зорге. Только один раз, проходя под конвоем по тюремному коридору, он увидел его ноги. Макс узнал ботинки. Они виднелись в промежутке между полом и дверью. Видимо, Рихард стоял, прижавшись лицом к двери камеры...

Теперь Макс знает, что, находясь в тюрьме, Рихард делал все, чтобы спасти жизнь своих друзей. Это видно из всех его показаний. Светлый ум Зорге безотказно действовал и во время допросов и на суде. Он доказал, например, что ни ему, ни его друзьям нельзя инкриминировать разглашение японских государственных тайн, так как все сведения такого рода он получал из немецких источников. А раз так, то эти сведения уже не были японскими государственными тайнами.

Весной сорок пятого года тюремщик политической тюрьмы, где сидел Макс, шепнул ему в тюремной бане, что седьмого ноября 1944 года Рихард Зорге был казнен.

БЕРЛИН

Капитуляция Японии принесла свободу Максу и Анни Клаузенам. Они явились к советским властям и скоро уже были во Владивостоке. Там они долго лежали в госпитале, оправляясь от тюрьмы. Затем — Москва...

Им предстояло решать, где оставаться — в Советском Союзе или возвращаться в Германию. Макс и Анни решили ехать в Германию, помогать у себя на родине воплощать в жизнь те идеи, за которые они боролись многие годы, за которые пошел на смерть замечательный человек и коммунист Рихард Зорге.

Под именами Макса и Анни Кристиансен жили в Берлине эти два человека, ходили на субботники, убирали улицы, работали, как и все остальные берлинцы, помогали строительству социалистической Германии.

Недавно оба они были награждены советскими орденами. Награды им вручил посол СССР в ГДР Петр Андреевич Абрасимов.

...Мы сидим с Максом Кристиансен-Клаузеном в одном из кабинетов редакции «Фрайе Вельт» — журнала Общества германо-советской дружбы. Прошло всего несколько часов с начала нашего разговора. А кажется, промелькнули десятилетия...

Он говорит по-немецки. И лишь изредка вставляет русские слова.

— Рихард Зорге был все время нашим самым лучшим учителем и самым лучшим другом. Анни и я, мы никогда не сможем забыть Рихарда...— Эту фразу он произносит целиком по-русски, и я вижу, что глаза его влажны...

Макс предлагает позвонить его Анни. Она больна и поэтому не могла принять участие в нашем разговоре.

— Ей будет приятно,— говорит Макс с нежностью и добавляет тихо: — Она замечательная женщина. Я ничего бы не стоил без нее...

Макс Клаузен набирает номер телефона, произносит несколько слов по-немецки, и я вижу, как теплеет его лицо. Затем передает трубку мне.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Анни? — спрашиваю я.

— Сейчас лучше,— отвечает почти без акцента далекий женский голос.—Но вообще-то надежды у меня мало... Сердце болит.

— Люди с больным сердцем живут до ста лет,— пробую я шутить.

Анни смеется и отвечает:

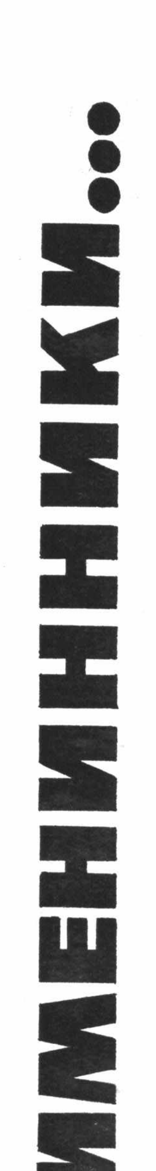
— Ну, что ж, и я буду стараться...

Я прошу ее сказать несколько слов советским людям и подношу к трубке микрофон.

...Сейчас, дописывая эти строки, я снова и снова включаю свой диктофон и слышу глухой, взволнованный голос:

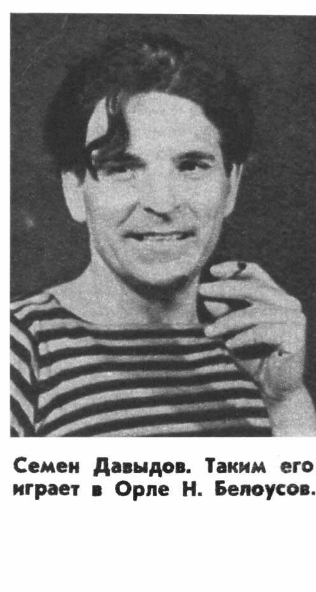
— Я желаю вашей стране счастья. Я желаю ей всего самого доброго... Она достойна этого...

Берлин — Москва.

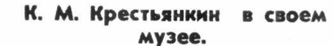

ИМЕНИННИКИ...

Лушка — Людмила Любимова.

Семен Давыдов. Таким его играет в Орле Н. Белоусов.

К. М. Крестьянкин в своем музее.

Фото Риммы Лихач.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Отмечающий свое четырехсотлетие город Орел младше Москвы в два раза. Зато театр орловский по возрасту всего только на пятьдесят лет уступает самому старшему русскому театру — ярославскому.

Теперешней осенью Драматический театр имени И. С. Тургенева в Орле празднует свой полуторавековой день рождения.

Театр в городе любят; здесь с успехом идет и классика и советская драматургия. На премьеру не всегда сразу и попадешь. Уже после премьеры спектакль облюбовывается зрителями соответственно вкусам и склонностям, привычкам, даже возрасту. Здесь есть постановки Х. Горина, где публика почти целиком «молодежная», например, «Рассудите нас, люди». А на «Женитьбе Белугина» мне встречались все больше люди пожилые, степенные.

Посмотрев и на публику и на актеров, я отправилась за кулисы. Среди исполнителей неожиданно оказался директор театра Николай Степанович Белоусов. В «Женитьбе Белугина» он играл заглавную роль; играл с увлечением, размашисто и щедро.

— А завтра вечером у нас «Поднятая целина». Приходите! — с явным удовольствием пригласил директор.

Сказать по правде, после событийной постановки «Поднятой целины» Б. Равенских в Московском театре имени А. С. Пушкина как-то трудно было ожидать нового события на орловской сцене. Но уже в ходе первого действия стало ясно, что своей «Поднятой целиной» орловцы гордятся не зря: это спектакль больших человеческих страстей, глубокого и сильного гражданского накала.

Не по книгам и рассказам знает о коллективизации Николай Сергеевич Ульянов, главный режиссер театра,— он сам был ее участником. Так же и Белоусов, играя Давыдова, вкладывает в роль еще и кусочек своей биографии. Чудом ведь уцелел он, будучи защитником легендарной Брестской крепости...

В интересном, волнующем спектакле сразу две главных женских роли: Варюха-горюха, которую играют Е. Иванова и А. Малюх, и еще Лушка... Обаятельный, необычный Лушкин образ проникнут острым и горьким сожалением талантливой актрисы Людмилы Любимовой о человеческой красоте, никому не нужной, брошенной, загубленной в то трудное и далекое уже от нас время...

Посмотрев в Орле многие спектакли и познакомившись со многими людьми, я наконец-то добралась и до гримерной. По давней традиции гримерная здесь — своеобразный музей.

С 1875 года в Орловском театре работал парикмахером француз Рауль. Состарившись, этот остроумный и живой человек взял в 1914 году себе в помощники Костю Крестьянкина, пятнадцатилетнего мальчика-сироту. В наследство от Рауля Константин Михайлович получил профессию, а также старые актерские фотографии. Они и стали основой будущего музея.

Фотографии размещены не по «чинам» и «рангам», а как пришлось, там, где оказалось свободное местечко... Вот Шаляпин — он приезжал в Орел в 1912 или 1913 году, как рассказывает К. М. Крестьянкин,— на татьянин день, и пел «Блоху». А это знаменитый киноартист Мозжухин с красавицей женой; вот Орленев, братья Адельгеймы, Вертинский, Собинов, Гайдебуров, Тарасова и Ливанов, Бендина и Болдуман...

В Орле старину любят. Во всяком случае, ею занимаются и в редакциях газет и в краеведческом музее. К слову сказать, здесь собраны материалы, проливающие некоторый свет на не изученную до сих пор судьбу великой русской актрисы, чей трагический жизненный и творческий удел стал прототипом Анеты в «Сороке-воровке» А. И. Герцена.

Когда 150 лет тому назад, 26 сентября 1815 года, «Московские ведомости» сообщили об открытии театра в Орле, граф Сергей Михайлович Каменский повелел в ознаменование торжественного события играть на сцене всем своим лучшим крепостным актерам, и всенепременно Кузьминой!.. «Актерка» эта, совсем еще молоденькая, была графом куплена только что — в 1814 году, но уже считалась знаменитостью.

Мы не знаем, видели ли Кузьмину на сцене Орловского театра И. С. Тургенев и его мать Варвара Петровна — сама страстная театралка и владелица крепостного театра в Спасском-Лутовинове. Вероятно, они не раз приезжали в Орел на премьеры; сюда ведь не гнушались ехать и из Москвы и из Петербурга. В 1817 году в Орле побывал поэт, князь Долгоруков. С восхищением писал он в своем путевом дневнике, что Кузьмина «даже так хороша в разных своих превращениях, что ей бы и в Москве между свободными талантами ударили в ладоши...»

И вот эта-то, потрясавшая сердца актриса ничего нам не оставила по себе — ни своего имени, ни изображения — ничего!.. Только свидетельство Герцена да ссылки на то, что М. С. Щепкин лично знал Кузьмину. «Да, господа, это была великая русская актриса»,— сказал он о ней.

Когда думаешь обо всем этом перед спектаклем, бродя по Орлу над Окою, какое-то странное, щемящее и счастливое чувство охватывает душу. Кажется, будто и неведомая нам орловчанка Кузьмина — несчастный человек и счастливая актриса, чье великое имя только еще предстоит нам разгадать,— тоже празднует нынешние свои именины...

А. КОЛОДНЫЙ

Игры в Токио начались для победителя Римской олимпиады Вячеслава Иванова с серьезной неудачи: он проиграл предварительный заезд. Только «утешительный», оправдав свое назначение, позволил ему буквально прорваться в финал.

Последний день перед главными баталиями на водяных дорожках Вячеслав провел со своим тренером Аркадием Николаевым. Вместе они разработали необычный план ведения гонки. Вопреки характерной для Иванова выжидательной тактике вначале и бурному финишу было решено прямо со старта уйти вперед и уже до конца заезда держать соперников на расстоянии...

Пожалуй, ни одна международная гонка — а их у Иванова было немало — не проходила так напряженно и не отличалась таким роковым стечением обстоятельств, как та, на канале Тода.

Со старта Иванов пошел ровно и мощно. На пятисотметровой отметке был первым, а дальше, как это часто бывает в спорте, события начали развиваться совершенно непредвиденно.

Своим главным соперником Вячеслав считал американца Дона Сперо и потому старался не выпустить его ни на метр вперед. После трех четвертей дистанции у Иванова в запасе метров двадцать. Мелькнула мысль: «Все в порядке!» Как бы желая убедиться в этом окончательно, он окинул взглядом всю дистанцию. И не поверил своим глазам: на первой воде не было видно молодого немца Ахима Хилла! Тот, кто хоть немного знаком с академической греблей, знает, что это такое. У гребли есть одна особенность: лидер видит всех своих соперников, ему не нужно оглядываться, чтобы посмотреть, как складывается борьба на дистанции. А тут пришлось оглянуться. Немец маячил впереди мотрах в сорока.

Обычно Вячеслав делал свой рывок на финише метров за триста. Тут же оставалось пятьсот, а он проигрывал! Отыграть такой просвет привычным спуртом невозможно, и решение пришло мгновенно: «Немедля в погоню!»

Весь запас сил, вся воля были отданы этой ожесточенной погоне. Такого финиша, как утверждали потом специалисты, еще не доводилось видеть. Какие-то секунды длилась полная драматизма схватка на воде. Но именно они решили судьбу медали. Лодка Иванова пришла на полтора корпуса раньше!

Он сидел в скифе, опустив весла. Не было никаких сил взять их в руки. И не сразу понял Иванов, что трибуны кричат именно ему и что сейчас именно ему предстоит подняться на верхнюю ступеньку пьедестала почета.

Вячеслав глубоко вздохнул, тронул весла. Скиф медленно за-

РЫЦАРЬ НА ГОДЫ

скользил к берегу. Впервые за всю историю гребли спортсмен в третий раз стал олимпийским чемпионом.

Теперь Вячеслав нередко вспоминает все подробности этой гонки.

Когда-то про Иванова говорили: «Рыцарь на час». Говорили единодушно, приводя веские доказательства, которые находили в его спортивной биографии...

Когда Иванова спрашивают, почему он выбрал греблю, он отвечает: «Потому что перепробовал все остальное». Так оно и было. Сначала прыгал в высоту. Ничего прыгал. Планка оставалась на зарубке 175 сантиметров. Зимой ходил на лыжах, бегал на коньках. Летом играл в футбол, баскетбол. Затем состоялся дебют на ринге. Сразу удалось победить в нескольких встречах своих старших товарищей. А ему всего этого было мало. Однажды сосед по квартире Виталий Дорофеев, увлекавшийся греблей, сказал Иванову:

— Приходи на «Стрелку». Попробуй погребти.— И добавил: — Но имей в виду — дело сложное...

Первые шаги по воде были робкими. Ему пришлось уйти с четверки, куда его пристроил все тот же сосед по квартире: не попал в одно весло с ребятами. Есть такое выражение у гребцов. Как бы в наказание его приговорили к «гауптвахте» на клинкерной одиночке. Скучно ему показалось одному, без поддержки товарищей.

В то время Иванов работал в гараже слесарем. На «Стрелку» приходил в пять часов утра, сразу после ночной работы. Так он тянул до поздней осени, пока первый лед не начал похрустывать под носом его одиночки.

...Первые успехи пришли только через два года. Тот, кому не нашлось места в четверке, выиграл юношеское первенство Москвы 1955 года. Сразу после этого молодой гребец пересел на скиф — самую быстроходную лодку. И уже навсегда остался хозяином одиночки.

Победы посыпались одна за другой. Иванов завоевывает право на поездку в Австралию и на XVI Олимпийских играх, выиграв у знаменитого австралийца Стюарта Маккензи, получает золотую медаль. Ему было тогда всего восемнадцать лет. Для первоклассного гребца немного. Видимо, это обстоятельство и дало повод некоторым иностранным обозревателям писать: «Иванов — баловень удач».

На первый взгляд подобное объяснение головокружительных успехов могло показаться вполне правомерным. Но лишь для тех, кто не знал Иванова или плохо его знал. Этого высокого, немного сутулого парня с грубыми, в мозолях руками судьба никогда не баловала. Ни до Мельбурна, ни после него. Как бы проверяя качества его характера, жизнь готовила для него новые и новые испытания. После мельбурнской победы они были особенно долгими и тяжелыми.

— Это самый сложный период в моей жизни,— вспоминает Вячеслав Иванов.— Я вдруг понял, что со мной что-то случилось. Словно, выиграв в Австралии, я потерял самого себя.

В Москве он проигрывает малоизвестному венгру Ференцу, затем уступает первенство Европы, а на очередной встрече в Хейнлее Маккензи берет у него реванш.

И так в течение двух лет. Из блестящего победителя Иванов превратился в хронического неудачника. Тогда и заговорили тренеры о случайности его победы в Мельбурне, а некоторые журналисты прозвали гребца «рыцарем на час».

Ну, а что же Вячеслав Иванов? Неудачи расслабили его, лишили веры в свои силы? Нет, он тренировался по-прежнему. Тренировался все свободное время, гонялся с двойками, четверками, вступал в единоборство с катерами и пароходами. Он не жалел себя.

И тут Иванову наконец повезло: он познакомился с тренером Аркадием Николаевым, который помог ему разработать новую систему тренировок. В нее вошли волейбол, лыжи, вольная борьба, штанга, баскетбол — все то, что так когда-то любил Иванов и от чего так нерасчетливо отказался.

Тренер и подопечный быстро нашли общий язык. Летом 1959 года Иванов выиграл во Франции первенство Европы, а затем блестяще выступил и на озере Альбано в Риме, на XVII Олимпийских играх.

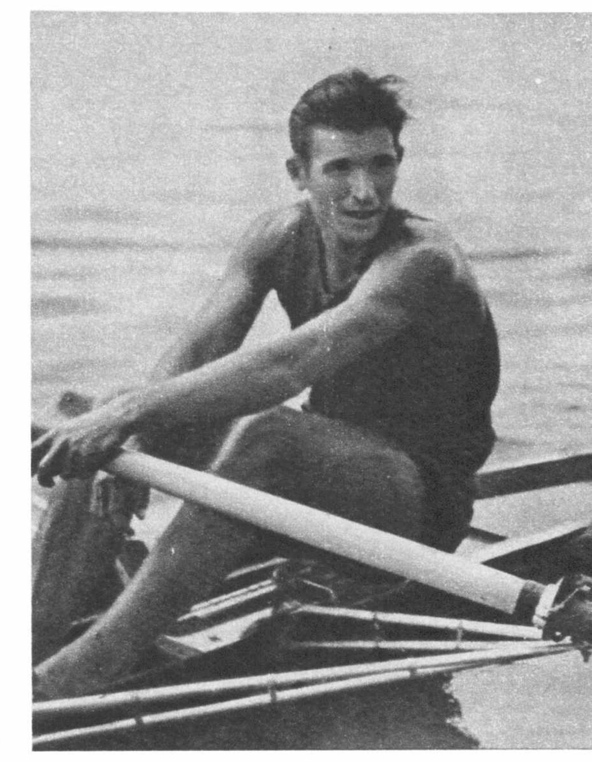
Ну, а что было после Рима? Снова полоса неудач, как и после Мельбурна! И снова Иванов сумел себя найти, доказать свое право на поездку в Токио.

Как видите, не одними золотыми медалями жив спортсмен. Между Мельбурном и Токио много огорчений и неудач прослоили жизнь Иванова. А те три дня соревнований на канале Тода только подтвердили его умение справляться с трудностями, его силу воли, страсть к победе.

И еще: Токио лишний раз показало, что спады для Иванова закономерны. Через них лежал его путь к победам. Было уже два срыва — перед Римом и Токио. Он знает, что сейчас, после XVIII олимпиады, могут быть снова неудачи. Только теперь Вячеслав не боится их. Он готов встретить свой очередной «кризис» спокойно и достойно (ведь сейчас ему двадцать семь, а не восемнадцать). Но Иванов решил перехитрить самого себя. В наступившем сезоне он «отдыхает» от одиночки и выступает на двойке. С этого началась его подготовка к XIX Олимпийским играм.

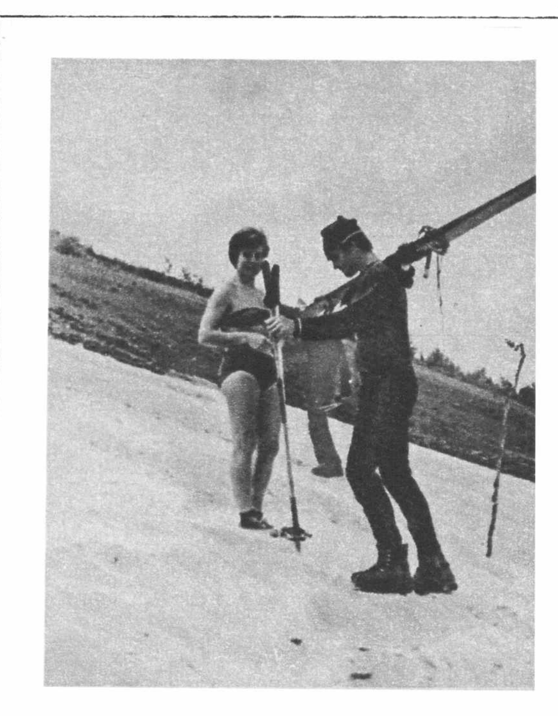
Иные спросят: не рано ли думать об этом? Нет, не рано. Ведь там выигрывать будет еще сложнее, чем в Токио. Значит, нельзя терять времени. Как говорит сам гребец, для него дорога в Мехико началась еще на канале Тода. Там он впервые опробовал свою новую лодку. Он рассчитывает принять на ней старт в Мехико.

К тому времени Иванову исполнится тридцать. Принято считать, что для гребца это зенит спортивной биографии, но Иванов считает, что греблей можно заниматься очень долго. Ведь стал же знаменитый австралиец Вуд олимпийским чемпионом в тридцать восемь лет!

В. Иванов.

Вот планы Иванова на будущее. Как же ошиблись те, кто когда-то назвал Вячеслава «рыцарем на час»! Он стал рыцарем на годы.

ЛЫЖНЫЙ МЕСЯЦ АВГУСТ

— Отдыхают по-разному. Одни едут к Черному морю купаться и загорать, другие — к Белому — рыбачить и охотиться. А мы едем в Саяны,— говорит Екатерина Вагулкина из Свердловска.

Здесь все эти удовольствия можно получить одновременно и плюс лыжи. Это место действительно чудо природы. Жаркое лето и огромные снежные поля, которые так и не успевают растаять. А вокруг изобилие цветов, какого не встретишь нигде. В лесу на каждом шагу целые заросли черной и красной смородины.

В уютной долине расставили свои палатки томичи, свердловчане и красноярские горнолыжники, которые здесь проводят летние соревнования. Они любезно пригласили участвовать в них и своих соседей. Вот на старт километрового слалома-гиганта поднимаются ребята, а девушки, дожидаясь своей очереди, загорают в импровизированных шезлонгах. Они считают, что солнце здесь жарче, чем в Крыму.

А после обеда спортсмены играют в волейбол — томичи даже сетку привезли,— занимаются хозяйством по лагерю. Вечером у костра звенят их любимые песни...

Кто хоть раз увидел горы,
Тот вернется к ним опять.

Эту песню Юрия Визбора поют особенно часто.

— Следующим летом сюда обязательно приедем,— говорит выпускница Свердловского горного института Маргарита Чех.— Ведь это как в сказке: загораем, купаемся и катаемся сколько хотим на лыжах!

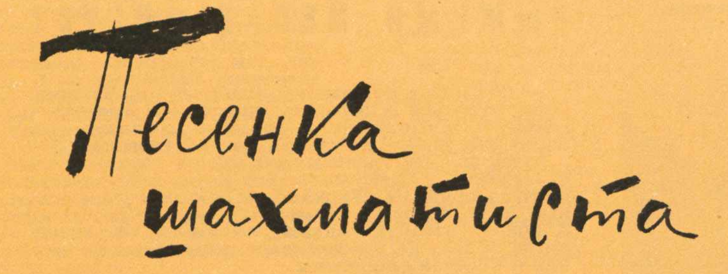
Вяч. МЕЛЬНИКОВ.
Фото автора.

От замысла до рождения песня прошла путь длиной в тридцать пять лет. Текст ее написал начинающий журналист и шахматный композитор Вл. Давидович. Путь оказался бы, наверное, еще длиннее, если бы не одно обстоятельство. Оказалось, что слова для шахматной песенки давно уже ждет Вано Ильич Мурадели — большой и ревнивый поклонник шахмат.

«Песенка шахматиста» прозвучала в одной из радиопередач «С добрым утром!». Я не берусь судить, как ее приняли тысячи радиослушателей, но вскоре все двадцать гроссмейстеров и мастеров — участников очередного шахматного первенства страны обратились в редакцию «С добрым утром!» с просьбой повторить песенку В. И. Мурадели. Понравилась она, видимо, и экс-чемпиону мира гроссмейстеру В. В. Смыслову, который, можно сказать, стал ее третьим автором. Он напел ее на пленку, и в его исполнении песенку не раз слушали по радио миллионы людей.

А. ЛИЛИЕНТАЛЬ, международный гроссмейстер

Музыка Вано МУРАДЕЛИ. **Слова Владимира ДАВИДОВИЧА.**

Короли не в цене
В нашей вольной стране,
И без них мы не знаем печали.
Тем не менее в ней
Миллион королей,
Шахматисты не раз их встречали.

Припев:

На маленьком шахматном поле
Большое искусство живет,
И мудрость, и зоркость, и воля,
И мысли высокий полет.

Пешки встали стеной,
Рвется конница в бой,
Черно-белое войско на марше.
И любой человек
За доскою стратег,
И поэт, и философ, и маршал.

Припев.

Объявить может мат
И мудрец-автомат:
Электрон тоже ведь с головою.
Но Алехиным стать,
И дерзать, и мечтать
Только сердце способно живое!

Припев.

ЗАБАВНЫЕ

НОВЫЙ САМОКАТ

Большую популярность на пляжах Средиземноморья получил оригинальный самокат. Он устроен просто: четыре колеса, движущиеся с помощью двух педалей. Однако езда на нем требует большой ловкости.

КОГДА ЧЕЛОВЕК ГОВОРЛИВ

Шведский ученый Тогд Эразм установил, что самым болтливым человек бывает в возрасте четырех лет. Ребенок играет словами, как игрушками, и может произнести в течение дня 12 тысяч слов, хотя понимает всего лишь 920.

Как быстро дети осваивают речь? На этот вопрос ученый отвечает так: если ребенок в возрасте одного года знает три слова, то спустя полгода его разговорный словарь увеличивается до 26 слов. От четырех до четырех с половиной лет он знает уже от 920 до 1 240 слов. В возрасте шести с половиной лет ребенок выговаривает 2 тысячи слов, но понимает значение еще 6 тысяч.

12 БРАТЦЕВ

Жалко было нам с сыном Андреем вырезать с частью грибницы это дружное семейство грибов, но очень уж оно необыкновенное: 12 братцев! Хотелось сфотографировать да и друзьям показать.

А было это близ Подольска.

В. Д. СОФРЫШЕВ, инженер

Москва.

ВАМ, ЗНАТОКИ!

1

2

мелочи

МЕСТЬ КАНДИДАТА В ЖЕНИХИ

С Алидой Пороти из города Рима произошел неприятный случай: в течение первой недели брачной жизни она получила 250 пылесосов. Ошеломленная женщина не знала, что делать, так как представители разных фирм требовали уплаты денег, ссылаясь на ее заказ. А пылесосы продолжали прибывать. Пришлось обратиться в полицию. Вскоре выяснилось, что автор этой затеи — один из отвергнутых кандидатов в женихи. Узнав, что она вышла за другого, он решил таким способом отомстить ей.

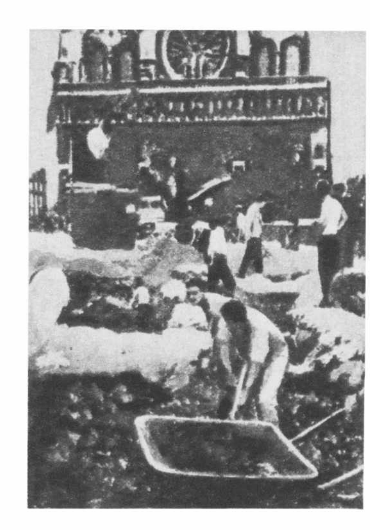
РАСКОПКИ ВОЗЛЕ НОТР-ДАМ

Группа студентов из пятнадцати стран работает на раскопках у подножия парижского собора Нотр-Дам. Ученые считают, что вблизи храма в земле находится много предметов, представляющих большую археологическую ценность. Работы финансируются организацией ЮНЕСКО. Двадцать девять студентов работают на раскопках бесплатно, получая от организации только стол и кров. Группу возглавляет югослав Никола Юнакович, двадцатилетний студент Белградского университета. В отрытом котловане впоследствии предполагается оборудовать подземный гараж для автомашин.

БЕГСТВО ОБЕСПЕЧЕНО

В одной парижской газете недавно появилось такое объявление: «Дешево продаю абонемент на весь цикл концертов модернистской музыки. Прекрасное место: в партере, рядом с выходом».

ЗАКОЛДОВАННАЯ ГАВАНЬ

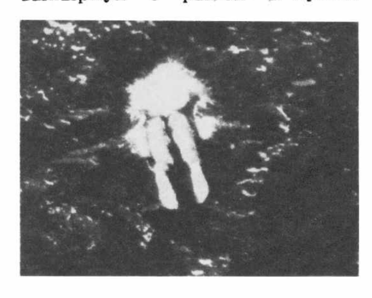
Гавань Барио де Санта Мария близ испанского города Кадиса известна тем, что заходящие в этот порт суда опаздывают с выходом в море или уходят с половинным составом экипажа. Дело в том, что фасады всех домов на набережной имеют форму корабельных форштевней. Эта схожесть домов с кораблями вводит в заблуждение моряков, возвращающихся из портовых кабачков в нетрезвом виде.

БЕСКОНЕЧНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Две гостиницы на итальянском берегу Адриатики каждый год состязаются в рекламировании своего заведения. В начале сезона этого года один из владельцев написал: «Отель на море». Его сосед сразу же ответил рекламой: «Отель на самом море». Первый добавил: «Отель действительно на самом море». После бури и наводнения, во время которого гостиница первого очутилась в воде, хозяин сделал надпись: «Отель в море».

НА ЗАВИСТЬ РЫБОЛОВАМ

Такой случай произошел в курортном местечке Палич, возле Суботицы (Югославия). Мальчик прыгнул в воду и вынырнул с рыбой в зубах.

ИТОГИ ФУТБОЛЬНОГО КОНКУРСА

В № 22 «Огонька» за этот год были опубликованы фотоснимки четырех футбольных команд. Знатокам популярнейшей игры предлагалось определить, что это за команды, к какому году относятся снимки, какое место занимала в тот год команда в турнирной таблице, и, наконец, назвать фамилии футболистов.

Надо прямо сказать, что ход конкурса превзошел все редакционные ожидания, а его результаты поставили жюри в затруднительное положение. Судите сами. В награду победителям «Огонек» обещал пять футбольных мячей с автографами игроков сборной команды страны — пятерым участникам конкурса, приславшим, как было объявлено, «наиболее правильные ответы». Участников было много сотен. Абсолютно правильные ответы прислали 13 знатоков. Жюри задумалось: как быть? Купить еще восемь мячей? Но таким образом были бы нарушены условия соревнований, а это против правил.

И тогда решили выбрать из тринадцати «наиболее правильных» пять наиболее полных ответов, в которых наиболее ярко проявилась беззаветная любовь авторов к футболу.

Прежде чем назвать имена пятерых бескорыстных рыцарей футбольных трибун, жюри считает своим долгом отметить следующий отрадный факт, который отнимет у писателей-юмористов одну из их излюбленных тем: среди победителей конкурса есть женщина! Таким образом, отныне не следует изображать жен ярыми антиболельщицами.

Жюри с удовольствием называет победителей, ставя на первое место женщину.

1. **Т. Н. Соколова** (Ярославль)
2. **О. Г. Ананов** (Тбилиси)
3. **В. И. Иванов** (Тбилиси)
4. **В. Ф. Уваров** (Москва)
5. **Ю. Е. Юцевич** (Киев)

Футбольные мячи, принадлежащие этим товарищам, уже лежат в редакции, но жюри просит владельцев немного подождать. Дело в том, что собрать автографы игроков сборной команды СССР — дело не такое уж простое. Задачу эту можно решить двумя путями:

а) пять туго накачанных мячей величиной с хороший арбуз надо носить на стадион в Лужники и там по одному приглашать игроков сборной к мячам;

б) пригласить сборную команду в редакцию.

Второе практически невозможно, поэтому жюри избрало первый путь.

Футбольные трибуны должны знать своих лучших представителей, поэтому жюри публикует фамилии остальных восьми из великолепной команды тринадцати безупречных знатоков. Вот они:

З. Л. Ачарадзе (Тбилиси), О. П. Дубижанский (Москва), А. А. Загурский (Москва), Е. В. Мазо (Москва), О. Ноздазе (Тбилиси), Э. П. Павлючик (Москва), Л. Л. Прохоренко (Москва), Э. Ф. Хавкин (Москва).

Редакция сердечно благодарит всех читателей, принявших участие в конкурсе.

1

«Динамо» (Киев). 1954 год. 5-е место. Победители Кубка СССР.

Справа налево: тренер О. Ошенков, А. Зазроев, О. Макаров, В. Голубев, А. Ларионов, П. Виньковатов, В. Фомин, М. Коман, Т. Попович, М. Михалина, А. Кольцов, В. Богданович.

2

«Динамо» (Тбилиси). 1954 год. 8-е место.

Слева направо: А. Гогоберидзе, В. Саная, Д. Русадзе, З. Калоев, Н. Тодрия, Р. Махарадзе, И. Сарджвеладзе, В. Элошвили, Г. Антадзе, А. Котрикадзе, К. Гагнидзе.

3

«Динамо» (Москва). 1945 год. 1-е место.

Слева направо: М. Семичастный, А. Хомич, В. Радикорский, Л. Соловьев, В. Блинков, И. Станкевич, С. Соловьев, К. Бесков, В. Карцев, А. Малявкин, В. Трофимов.

4

«Спартак» (Москва). 1939 год. 1-е место.

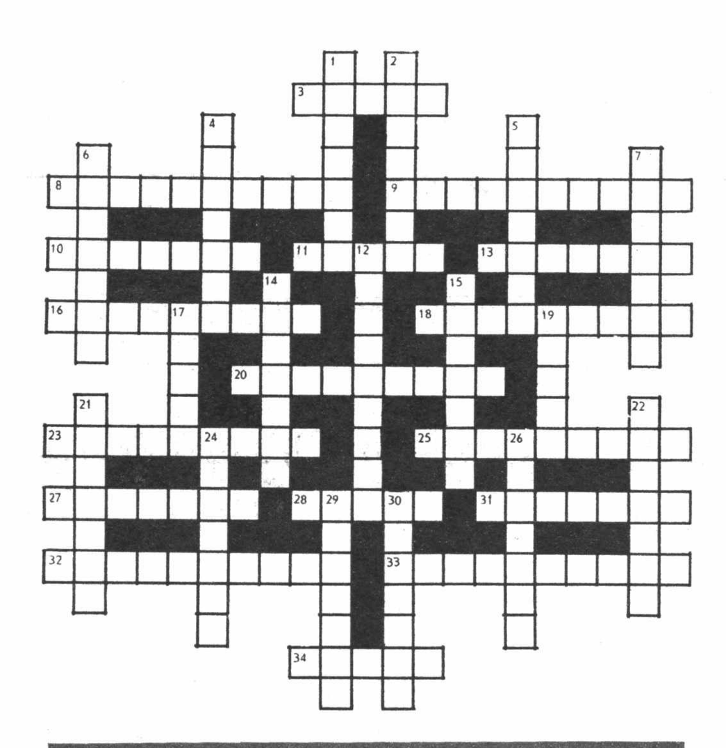
Слева направо: Ан. Старостин, А. Акимов, П. Корнилов, В. Семенов, Вас. Соколов, Вик. Соколов, Н. Гуляев, А. Соколов, А. Протасов, К. Малинин, Г. Глазков.

3

4

КРОССВОРД

По горизонтали:

3 и 8. Призеры IV Международного кинофестиваля в Москве за лучшее исполнение женской и мужской ролей. 9. Выразительное чтение. 10. Государство в Европе. 11. Искусственный драгоценный камень. 13. Комнатная собака. 16. Группа морских островов. 18. Лесной кулик. 20. Шведский композитор и дирижер. 23. Старинное трехмачтовое судно. 25. Музыкальный инструмент. 27. Режиссер и актер, народный артист СССР. 28. Переносная перегородка. 31. Химический элемент. 32. Русский литературный критик и публицист. 33. Приток Миссури. 34. Велосипед с мотором.

По вертикали:

1. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 2. Постройка в саду. 4. Учебное заведение. 5. Озеро в Казахстане. 6. Возвышение для лектора, оратора. 7. Немецкий химик. 12. Совокупность пьес, исполняемых в театре. 14. Гимнастический снаряд. 15. Промышленное предприятие. 17. Изобретатель радио. 19. Денежная единица Югославии. 21. Опера Б. Сметаны. 22. Советский писатель. 24. Река на Северном Кавказе. 26. Черный тополь. 29. Персонаж трилогии К. Федина. 30. Соус из различных приправ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

5. Аудитория. 8. Фасоль. 9. Дикция. 12. «Западня». 14. Ингулец. 15. Кремний. 18. Горал. 19. Яншин. 20. Шоколад. 21. Сойка. 23. «Антей». 25. Сицилия. 27. Пилотка. 28. Номинал. 31. Витоша. 32. Прерия. 33. Боровинка.

По вертикали:

1. «Художник». 2. Фильм. 3. Хорда. 4. Цирконий. 6. Насадка. 7. Никулин. 10. Разговорник. 11. «Героическая». 13. Симпозиум. 16. Риони. 17. Иваси. 22. Калория. 24. Никитин. 25. Саксофон. 26. Ярошенко. 29. Фасон. 30. Сплит.

На первой странице обложки: Лазер пущен (см. в номере очерк «Рубин в короне науки»).

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Готовь сани летом. Поселок Кара, Ненецкий национальный округ.

Фото Галины Санько.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

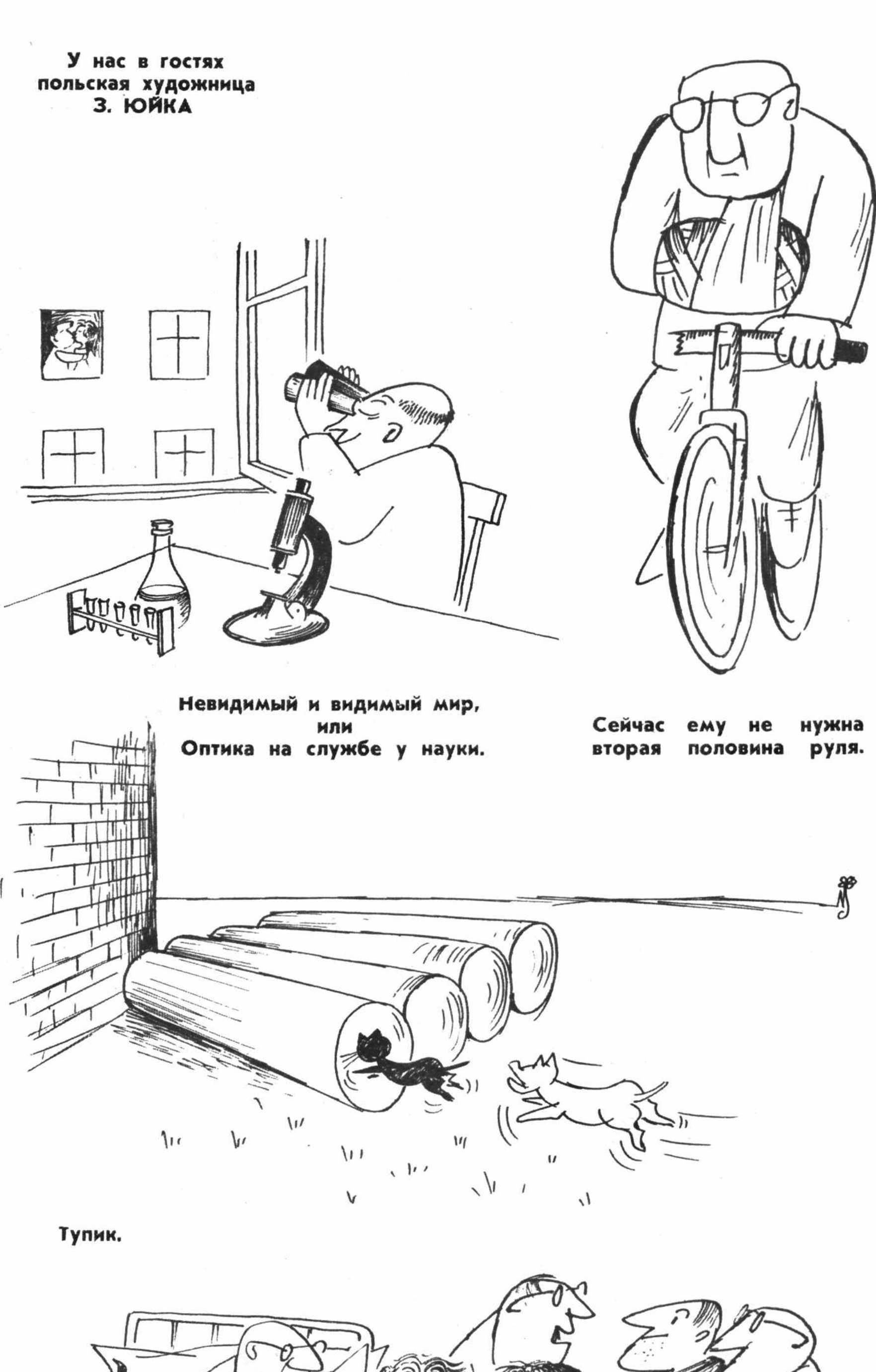
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02054. Подписано к печати 8/IX 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2361. Тираж 1 850 000. Изд. № 1583.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

У нас в гостях польская художница З. ЮЙКА

Невидимый и видимый мир, или Оптика на службе у науки.

Сейчас ему не нужна вторая половина руля.

Тупик.

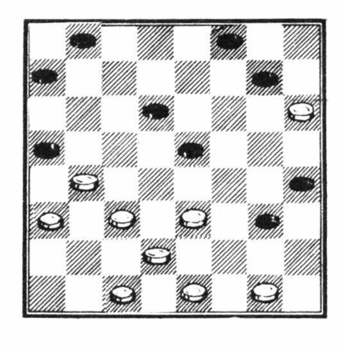
Болезнь родственника соединяет давно не видившихся людей.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Концовка

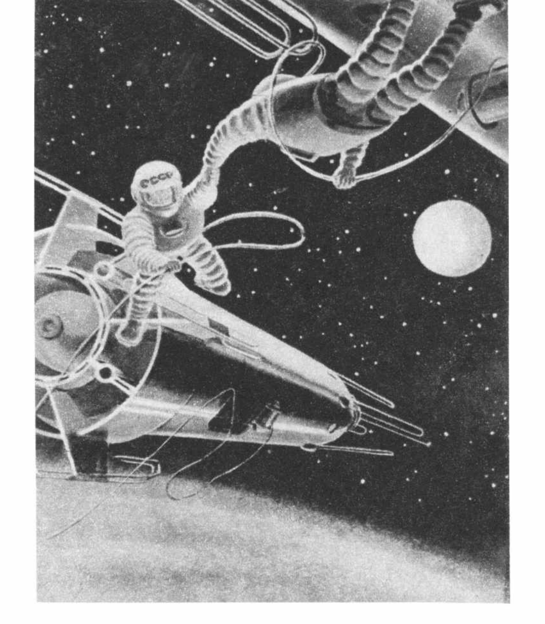
Е. И. Монтау (Советская Армия)

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки В. Бретеля, напечатанной в № 25 «Огонька»: 1. f4—e5! b2—a1 (если 1... c3—d2, то 2. e5:h8! d2—e1 3. c1—d2 и выигрывают) 2. d4:b2! f6:d4 (на 2... a1:c3 следует 3. e5:a1 и т. д.) 3. b2—c3! d4:b2 4. g1—f2 и выигрывают.

ПОДПИСКА НА 1966 ГОД ОТКРЫТА

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА 1966 ГОД ОТКРЫТА

О чем вы узнаете, что прочитаете, куда «поедете», что увидите в «Огоньке»?

Лучшие очеркисты и фоторепортеры расскажут вам о людях труда, науки, искусства, спорта; поведут вас в красивейшие уголки Родины.

О связи времен, о романтике прошлого и настоящего поведают вам на страницах журнала ветераны революции, герои Отечественной войны, советские чекисты.

«Огонек» предполагает завести специальный отдел, посвященный жизни молодых людей. Юноши и девушки найдут ответы на волнующие их вопросы. Постараемся стать их добрым помощником, советчиком, защитником их интересов.

Как и прежде, большое место в журнале займет творчество крупнейших мастеров мирового и русского изобразительного искусства.

С помощью спортивных репортеров и комментаторов вы не пропустите ни одного интересного соревнования у нас в стране и за границей.

Виднейшие советские и современные иностранные прозаики и поэты познакомят вас, дорогие читатели, со своим творчеством.

Известные советские и зарубежные публицисты, обозреватели поделятся с вами размышлениями о проблемах, волнующих мир, расскажут о жизни многих стран и народов.

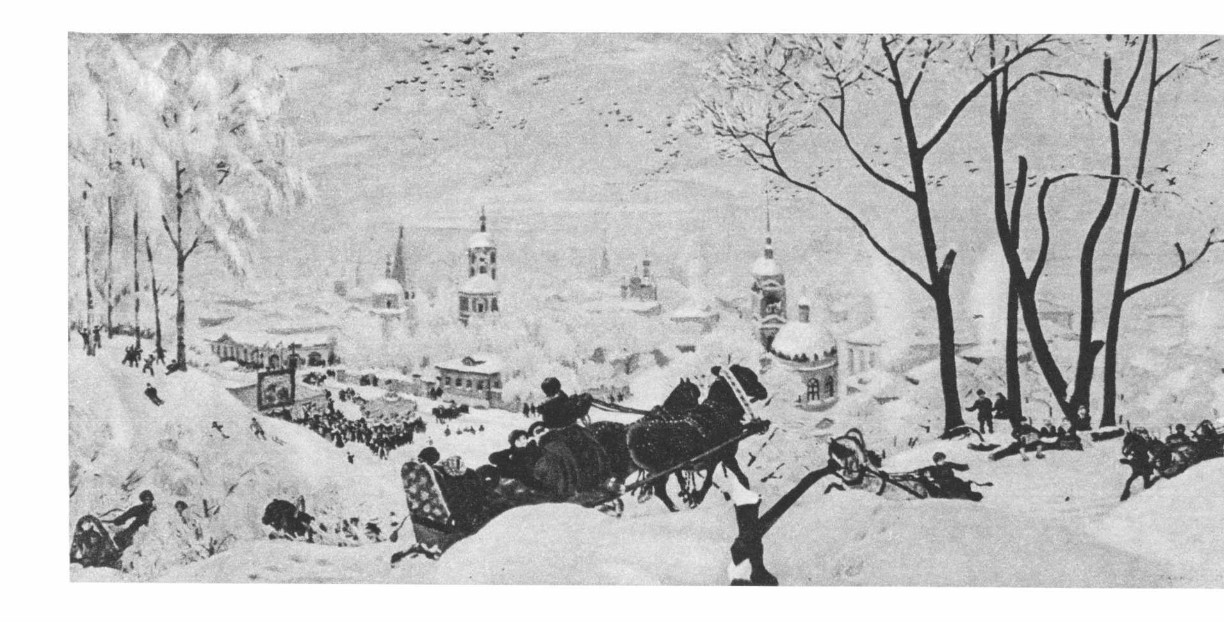
Маленькие читатели журнала в течение года получат двенадцать страниц «Малышам».

В 1966 году к «Огоньку» будут даны литературные приложения:

пять томов сочинений С. Т. Аксакова, пять томов Я. Гашека, шесть томов Брет-Гарта, восемь томов Конан-Дойля.

Популярная «Библиотека «Огонька» выпустит пятьдесят две книжки произведений советских и иностранных писателей.

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения принимается общественными распространителями печати по месту работы и учебы, отделами и агентствами «Союзпечати», а также отделениями связи.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663